

Федеральное агентство по образованию
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского

А.В. ЗОЛотов, М.В. ПОПОВ

ФИЛОСОФИЯ
ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОГО ТРУДА

Монография

Нижний Новгород
Издательство Нижегородского государственного университета
2006

УДК 330.342+331.101
ББК У9(2)24
Ф56

Рецензенты:

заслуженный деятель науки РФ, д.экон.н., профессор *Л.М. Чистов*,
д.философ.н., профессор *А.С. Казеннов*

Золотов А.В., Попов М.В.
Ф56 **Философия производительного труда:** Монография. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2006. 160 с.

ISBN 5-85746-897-3

В монографии исследуются объективные основы разграничения труда на производительный и непроизводительный, раскрывается субстанциональная роль производительного труда в общественной жизни, анализируется процесс экономии производительного труда и способы ее реализации, выявляются закономерные тенденции эволюции производительного труда, в том числе в современной России.

Для широкого круга читателей, интересующихся экономико-философскими проблемами.

ISBN 5-85746-897-3

ББК У9(2)24

© Золотов А.В., Попов М.В., 2006

Предисловие

Первоначальная рукопись книги, предлагаемой вниманию читателей, была подготовлена М.В. Поповым в первой половине 70-х гг. XX века. При этом ставилась задача осветить ту внутреннюю согласованность, которая существует между основной посылкой исторического материализма и рядом важнейших положений политической экономии. Исторический материализм и учение о производительном труде, исторический материализм и трудовая теория стоимости, исторический материализм и взаимосвязи материальной и нематериальной сферы, науки и производства на современном этапе — вот те вопросы, которые рассматривались в работе. На этой основе в настоящее время авторы решили исследовать проблему производительного труда более многогранно, с учетом современных теоретических разработок.

Сегодня отечественные исследования по данной проблематике находятся под мощным влиянием представлений, характерных для западной, прежде всего, неоклассической экономической мысли. Это направление экономической теории рассматривает в качестве производительного всякий труд. Вместе с тем в науке по-прежнему представлена и позиция, берущая начало в работах классика политической экономии — А. Смита, который обосновал критерии разграничения производительного и непроизводительного труда.

О том, насколько острой является данная проблема для экономической теории, можно судить хотя бы по ее оценке известным историком экономической мысли М. Блаугом, который пишет: «Разграничение производительного и непроизводительного труда, введенное Смитом, — это, пожалуй, одна из самых пагубных

концепций в истории экономической мысли. Но при всем критическом отношении к изложению этой идеи у Смита нельзя не признать, что она ни в коем случае не двусмысленна и не нелепа»¹. Последователи же критикуемого классика и его великого восприемника К.Маркса, разделяя мысль о недвусмысленности данной идеи, могут с не меньшим основанием утверждать о «пагубности» отказа от разграничения собственно производительного и непроизводительного труда. Безусловно, более чем двухвековая дискуссия по этому вопросу не окончена и требует от ее участников дальнейшей аргументации.

При доработке книги, осуществленной, в основном, А.В. Золотовым, были, прежде всего, учтены положения трудовой теории потребительной стоимости. Эта теория, сформированная в 80-е гг. XX века в работах В.Я. Ельмеева и В.Г. Долгова, представив экономии производительного труда в качестве важнейшей потребительно-стоимостной характеристики средств производства и предметов потребления, позволила полнее охарактеризовать роль производительного труда в непосредственно общественном производстве. Она способствовала более глубокому осмыслению связи материальной и нематериальной сферы общества, так как раскрыла значение экономии труда как основы непроизводительной деятельности.

Были критически осмыслены представления современной институциональной теории об изменении роли производительного труда в «информационном обществе», «обществе знаний».

Коренное преобразование социально-экономического строя, произошедшее в стране на рубеже 80–90-х гг., потребовало специально остановиться на проблеме эволюции социально-экономической формы производительного труда с тем, чтобы раскрыть прогрессивные и негативные тенденции в такой эволюции. На этой основе выявляется перспектива производительного труда в современной России.

Таковы замысел и история создания книги, представленной вниманию читателей.

Авторы надеются, что книга будет полезна для всех, кого интересуют актуальные методологические и теоретические проблемы экономической науки.

---

¹ Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе / Пер. с англ., 4-е изд. — М.: Дело Лтд, 1994. С. 48.

Основная посылка исторического материализма и ее методологическое значение

Диалектический материализм различает: 1) материю; 2) сознание как свойство высокоорганизованной материи и 3) собственно высокоорганизованную материю, обладающую сознанием — человека.

В соответствии с этим все виды общественно полезной деятельности, то есть труда в широком смысле, подразделяются на три вида:

1. Деятельность, непосредственным и основным результатом которой являются вещь, энергия или перемещение вещей, энергии в пространстве — материально производительный труд, или труд в узком, политэкономическом смысле слова.
2. Деятельность, непосредственным и основным результатом которой являются идея, информация, образ — научная деятельность, труд деятелей искусства и т.п.
3. Деятельность, непосредственно воплощающаяся в человеке, который выступает по отношению к этому виду деятельности в качестве предмета труда — услуга, в частности, труд врачей, учителей, организаторов т.д.

Отмеченные три вида деятельности играли и играют в жизни человеческого общества неодинаковую роль. Это обусловлено тем, что в соответствии с основным тезисом исторического материализма определяющим в человеческой истории является производство и воспроизводство непосредственной жизни.

Открытие Марксом и Энгельсом определяющей роли производства и воспроизводства материальных благ во всей жизни человеческого общества совершило подлинный переворот во взглядах на человеческую историю. Это гениальное открытие развилось в учение о том, что корни всех общественных явлений следует искать в материальном производстве, и создало тем самым фундаментальную методологическую основу для исследования общественных явлений.

История стала рассматриваться не как творение героев-одиночек и не как проявление всемирной воли всевышнего, а как естественно-

исторический процесс¹. Все многообразие общественных форм на основе изучения их экономической структуры было обобщено и сведено к нескольким типам общественно-экономических формаций, каждая из которых в результате социальной революции уступает место высшей с такой же неизбежностью, с какой старый способ производства уступает место новому.

Бесконечное разнообразие действий личностей в пределах каждой такой общественно-экономической формации было подвергнуто систематизации с точки зрения места этих личностей и роли в исторически определенной системе общественного производства и представлено в виде действий больших групп личностей — классов.

История, за исключением первобытной, выступила как история борьбы классов, интересы которых, являясь объективной характеристикой положения класса в системе общественного производства, проявляются во всех сферах общественной деятельности, далеко за пределами сферы материального производства и играют определяющую роль. Самостоятельное значение всех других сфер общественной деятельности, развивающейся на базе материального производства, проявляется в тех границах, которые определены сферой материального производства. Все другие сферы активно воздействуют на сферу производства материальных благ, но ее роль является, в конечном счете, решающей.

Чем дальше идет общественное развитие, чем сложнее становится сеть общественных отношений, тем выше значение историко-мате-

---

¹ «Люди, — писал К. Маркс, — не свободны в выборе своих производительных сил, которые образуют основу всей их истории, потому что всякая производительная сила, продукт предшествующей деятельности. Таким образом, производительные силы — это результат практической энергии людей, но сама эта энергия определена теми условиями, в которых люди находятся, производительными силами, уже приобретенными раньше, общественной формой, существовавшей до них, которую и создали не эти люди, которая является созданием прежних поколений. Благодаря тому простому факту, что каждое последующее поколение находит производительные силы, добытые прежними поколениями, и эти производительные силы служат ему сырым материалом для нового производства, — благодаря этому факту образуется связь в человеческой истории, образуется история человечества, которая в тем большей степени становится историей человечества, чем больше развились производительные силы людей, а следовательно, и их общественные отношения». — Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 27. С. 402–403.

реалистического подхода, дающего надежный ключ к изучению самых сложных общественных явлений. В связи с прогрессом непродуцированной сферы актуальной задачей становится историко-материалистическое объяснение и предсказание ее развития¹. Необходимо иметь в виду, что именно от состояния сферы материального производства зависит, какую часть своего времени общество может посвятить другим видам деятельности. Сокращение времени, затрачиваемого в сфере материального производства, при прежнем уровне или росте производства материальных благ является свидетельством роста общественного богатства. Определяющим при этом является материальное производство.

Весьма содержательная характеристика определяющей роли материального производства в жизни общества дана В.И. Мишиным: «*Во-первых*, материальное производство абсолютно необходимо, незаменимо для обеспечения жизни абсолютно всех людей, в том числе и самых убежденных идеалистов: виртуальным обедом нельзя накормить человека, информацией о бензине автомобиля не заправишь и т.д.

Во-вторых, материальное производство абсолютно необходимо, незаменимо для развития всех людей. Существование и развитие здравоохранения, образования, науки, искусства, спорта, даже религии требует солидных и непрерывно растущих материальных предпосылок...

В-третьих, в процессе материального производства создаются не только вещи, нужные людям. Здесь создаются основы их образа жизни. В зависимости от уровня и характера производительных сил складываются между людьми их производственно-экономические отношения»².

---

¹ Е.Ю. Фаерман бурное развитие сферы науки почему-то воспринял как сигнал и повод для пересмотра тезиса об определяющей роли производства. Заменяя словом «эвристическая» слово «научная», он пишет: «От эвристической деятельности зависит прежде всего то, как быстро будут достигнуты уже осознанные практические цели. Но, кроме того, ею (!) определяются и направления дальнейшего движения человечества, характер новых целей, которое оно себе поставит». — Фаерман Е.Ю. Проблемы долгосрочного планирования. М.: Наука, 1971. С. 172.

² Мишин В.И. Ленинская методология социального познания. — Н.Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии гос. службы, 2003. С. 14–15.

Чтобы держаться посылки исторического материализма, нужно, следовательно, всегда ясно различать, что есть идея, мысль, образ, услуга¹, духовное благо и что есть вещь, энергия, перемещение вещей, энергии. В частности, отграничение сферы материального производства от всех прочих требует и отделения перевозки вещей (грузовой транспорт) от перевозки людей (пассажирский). Водители грузовых машин и автобусов могут делать совершенно одинаковые операции. Но дело не в операциях. Дело в той объективной роли, которые водители выполняют в обществе. Одни оказываются занятыми в сфере материального производства, другие — нет.

Заметим, что хотя по отношению к подавляющему большинству сфер общественной деятельности ясно, являются ли основным продуктом этой сферы вещи или идеи, бывают и случаи, когда такое различие провести сложно. Это лишь другое выражение тесной взаимосвязи двух сфер и свидетельство того, что есть граница, где одна переходит в другую и которая состоит из пограничных переходных видов труда.

Из того факта, что идея имеет материальный носитель, нельзя, конечно, заключать, что производство идей есть материальное производство. Вполне понятно, что нет идей, которые бы не имели материального носителя, которые «перескакивали бы из мозга в мозг» без помощи бумаги, звука, света и т.д. Но осознание этого реального факта не мешает нам видеть в живописи и музыке передачу образов, настроения, а не мазию и не сотрясение воздуха.

Одну и ту же идею, скажем, проект нового станка, можно изложить с помощью чертежа, с помощью киноленты, с помощью макета, словами, наконец. От этого она не перестает быть идеей. Она не приносит поэтому новых продуктов до тех пор, пока не материализуется в металле и не включится в общественный процесс производства.

Идей не прибавится ни на йоту, если вместо одного высокопроизводительного станка будет установлен миллион таких станков, идея уже сделала свое дело, но только массовое применение новых станков, новых технологических способов в производстве может поднять производство на качественно иной уровень. Общество останется бедным, если будет иметь лишь идеи или единичные экземпляры станков и технологических способов, хотя бы и самых

---

¹ Услуга рассматривается здесь как труд, по отношению к которому предметом выступает не природа, не вещь, а человек.

высокопроизводительных, и станет богатым, если материализует хотя бы часть передовых технических идей, но действительно в широких масштабах.

Именно теперь, когда наука стала играть такую большую роль, особенно важно не обманывать себя в отношении действительного роста богатства общества, ибо с ростом сферы науки, с ростом материальных затрат на ее развитие возрастает и необходимость обеспечивать быструю и широкую материализацию ее идей. Не отличая идею от ее материального воплощения, от ее массового распространения уже не как идеи, а как определенной вещественной потребительной стоимости, невозможно по-настоящему активно способствовать техническому прогрессу.

Не случайно, что понятие стоимости Марксом рассматривалось только для материальных благ. Только в этом случае движение стоимости верно изображает движение материальных благ в процессе их производства, обмена, распределения и потребления, и только в этом случае теория стоимости является материалистической теорией, помогает изучать отдельно отношения в сфере материального производства, не путать их с отношениями в сфере духовной, идеологической и т.д.

Кстати сказать, выражение «создавать стоимость» является фигуральным. Если понимать его буквально, то оно будет означать «создавать трудности», а их надо бы уменьшать, а не создавать. Экономическим законом является закон экономии труда, закон уменьшения, а не увеличения стоимости производимых продуктов. Указанное выражение правильно понимать лишь в смысле «создавать материальные блага, имеющие стоимость».

В интерпретации некоторых экономистов стоимость не является выражением производственных отношений людей, проявляющихся как вещи, различие между сферой производства материальных благ и нематериальной сферой стирается¹. В действительности же необходимо

---

¹ М.В. Солодков писал, например: «Ученый своим абстрактно-человеческим трудом создает стоимость». — Солодков М.В. Сущность и всеобщие формы производительного труда при капитализме // Известия АН СССР. Серия экономическая. 1970, № 2. С. 78. Столь же нематериалистично понимали стоимость Вальтух К.К. (Общественная полезность продукции и затраты труда на ее производство. М.: Мысль, 1965), Глязер Л.С. (Некоторые вопросы методологии планирования общественных фондов потребления. М.: Экономика, 1968), Олдак П.Г. (Экономические проблемы повышения уровня жизни. М.:

рассматривать общественные отношения, прежде всего, в сфере производства, изучать их вещную оболочку и за вещной оболочкой стараться обнаружить общественное отношение по поводу вещей (а не по поводу идей). Расширение определения стоимости за рамки отношений по производству вещей, изучение отношений людей и по поводу вещей, и по поводу идей одновременно, ведет к неправомерному отождествлению отношений различного рода. Именно таков итог «неузкого» определения стоимости.

Расчет национального дохода, вытекающий из материального понимания стоимости, необходим, чтобы отделять производство материальных благ от всех видов деятельности, чтобы иметь материал для изучения внутренних пружин развития человеческого общества, и, следовательно, для того, чтобы предсказывать его дальнейшее развитие. Сказанное, разумеется, не снижает значимости количественной оценки услуг, а также учета труда, затрачиваемого в научной сфере.

Тот, кто отклоняет идею примата материального производства, вольно или невольно отказывается и от использования метода материалистической диалектики при исследовании общественной жизни. Так, А. Бузгалин и А. Колганов, разделяя представление о «закате» эпохи доминирования материального производства¹, соответственно характеризуют и методологию научного исследования: «...Диалектический метод не претендует на абсолютную метасистемность (в отличие от постмодернизма, возводящего свой плюрализм-равнодушие в абсолютную *догму*), он историчен. В частности, диалектический метод наиболее адекватен для эпохи «экономической необходимости» и может быть снят в методе диалогического, «полифонизирующего» сотворчества как более адекватном для царства свободы»².

Экономиздат, 1963) и некоторые другие. Э.М. Агабабян следующим образом определял стоимость: «Стоимость есть исключительно социальная форма существования нематериального продукта как сгустка общественно необходимого труда» // Известия АН СССР. Серия экономическая. 1967, № 2. Исходя из этого определения, придется заключить, что стоимость создается в нематериальной сфере и не создается в материальной.

¹ Бузгалин А., Колганов А. Потенциал марксистского метода: новые ответы на вызовы социально-экономических проблем XXI века. М.: Экономический факультет МГУ, 2004. С. 14.

² Бузгалин А., Колганов А. Там же. С. 10.

В действительности же диалектико-материалистический метод как адекватный метод познания истины образует основу научного исследования социально-экономических процессов в рамках любой исторической эпохи. Он позволяет раскрывать противоречия, образующие источник развития каждого способа производства с выявлением как позитивных, так и негативных тенденций. Отказ от него ведет к эклектическому «примирению» сторон противоположностей — «полифонии», по сути, ничем не отличающейся от методологического «плюрализма-равнодушия». Разумеется, исследователи выбирают методологию по своему усмотрению. Но какое отношение подобная «полифония» — «диалогия» имеет к потенциалу марксистского метода, когда общеизвестно, что живую душу марксизма образует именно диалектика?

Итак, согласно материалистическому пониманию, определяющим в человеческой истории является, в конечном счете, производство и воспроизводство материальных благ. Исторический материализм выделяет из всех сфер общественной жизни и изучает, прежде всего, сферу материального производства, так как именно в ней заложены внутренние пружины общественного развития, именно ею определяется, в конечном счете, поступательное движение общества вперед. Для того, чтобы пользоваться историко-материалистической методологией, необходимо, следовательно, отделять производство материальных благ от производства услуг и идей.

Важнейшим инструментом такого разграничения является понятие производительного труда. В необходимости такого разграничения содержится объяснение, почему производительный труд определяется как материально-производительный труд.

Понятие производительного труда как средство отделять производство материальных благ от производства услуг и идей

Всякое определение выполняет в науке служебную роль.

Сформулировать определение отнюдь еще не означает прибавить знаний о предмете или явлении. Наоборот, только на основе изучения предмета или явления оно может быть определено. Причем, первое, что требуется от всякого определения, — выделить предмет или явление из всех остальных для последующего более глубокого его исследования, для того, чтобы перейти от определения предмета к его понятию¹. Определение производительного труда выделяет, следовательно, труд «производительный» из всех остальных видов труда, отделяет его от прочих видов общественно полезной деятельности.

2.1. Исторический материализм и учение о производительном труде

Формально ничего не стоит причислить к производительному любой вид труда. Достаточно лишь дать производительному труду соответствующее определение. Но поможет ли такое определение в исследовании? Будет оно способствовать или препятствовать применению научно выверенной методологии? Где провести грань между производительным и непроизводительным трудом? Нужно ли вообще проводить эту грань?

---

¹ «Определенность есть отрицание, положенное как утвердительное, — это и есть положение Спинозы: *Omnia determination est negation* (всякое определение есть отрицание). Это положение имеет бесконечную важность». — Гегель. Соч. Т.V. С. 106. Определение есть отрицание. Оно отрицает другие предметы, явления как не подходящие под данное определение, чтобы выделить данный, исследуемый.

Само собой разумеется, что если на последний вопрос дать отрицательный ответ, т.е. считать всякий труд производительным, то прибавление слова производительный к слову труд явится излишним и будет только засорять язык. Оно столь же нелепо тогда, как и прибавление к слову жар слова горячий, к слову богатырь слова сильный и т.д. Из предыдущего вытекает, однако, что грань между производительным и непроизводительным трудом проводить нужно. Деление на производительный и непроизводительный труд необходимо для того, чтобы успешно пользоваться методом исторического материализма. Это деление нужно провести так, чтобы оно помогало выделению производительного труда из всех сфер деятельности и изучению сферы материального производства. Из всех видов труда необходимо, следовательно, выделить труд по производству материальных благ. Соответственно этому производительный труд должен быть определен как материально-производительный труд.

Итак, мы получаем следующее определение производительного труда.

Производительный труд — это труд, непосредственным и основным результатом которого являются вещь, энергия или перемещение вещей (энергии) в пространстве. Слово «непосредственный» означает здесь, что между человеком и вещным предметом труда не стоит ни один человек, разделяет их только средство труда¹. Труд, основным результатом которого являются идея, образ и вообще духовное благо, или тот труд, который в качестве предмета труда имеет человека, не овеществляясь предварительно в предмете, — это труд непроизводительный. Он непроизводительный в том смысле, что производит блага иного рода, не материальные и, если участвует в производстве материальных благ, то не непосредственно, а опосредствованно, через других людей, косвенным образом². Во избежание недоразумений К. Маркс специально подчеркивал: «...то обстоятельство, что все другие виды деятельности в свою очередь

---

¹ «Если рассматривать весь процесс с точки зрения его результата — продукта, то и средство труда, и предмет труда оба выступают как средство производства, а самый труд — как производительный труд». — Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 192.

² «Косвенно участвующий в производстве труд...мы и называем непроизводительным трудом». — Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 26, ч. I. С. 289. «Непроизводительные виды труда непосредственно не участвуют в образовании материального богатства». — Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 26, ч. I. С. 199.

воздействуют на материальное производство, и наоборот, абсолютно ничего не меняет в необходимости такого различения»¹.

Производительный труд определяется как материально-производительный труд именно с той целью, чтобы сделать возможным применение научно выверенной методологии. Ясно, что если бы деления на производительный и непроизводительный труд еще не было или если бы это деление проходило не по границе материально-производительного труда, а отсекало бы часть труда материально-производительного или присоединяло к нему другие виды труда, то рано или поздно подобное деление было бы осуществлено.

При этом неважно, как назывались бы эти две группы, на которые разделился весь общественный труд. Суть осталась бы той же — отделение труда, непосредственным результатом которого являются вещь, энергия или их перемещение, от труда, непосредственным результатом которого являются идея, образ, мысль, услуга. Что касается самого термина «производительный труд», то он имеет лишь то преимущество, что предполагает известный уровень знаний для понимания его экономического смысла.

Наряду со своим непосредственным результатом (вещью, энергией и их перемещением) производительный труд высвобождает время для иной, социальной деятельности: труд изначально настолько производителен, что позволяет создавать материальные предпосылки, необходимые для жизни человека, не поглощая всего времени его жизнедеятельности вне рамок времени удовлетворения естественных потребностей.

Труд формирует человека, образуя специфически общественную деятельность, выделяющую человека из животного мира. Человек становится общественным существом, когда создает средства производства для производства других средств производства. Обезьяна может использовать палку для того, чтобы достать плод, но она не в состоянии создать топор, чтобы изготовить палку. Именно средства производства для производства средств производства выступают основным предметным воплощением социального.

Производительный труд требует от человека концентрации внимания, волевого напряжения, целеустремленности — всего того, что отличает собственно человеческую деятельность от инстинктивной.

---

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 26, ч. III. С. 449.

В соответствии с сущностью потребности как выражения зависимости человека от внешних условий его существования труд сам становится человеческой потребностью.

Жизнедеятельность человека не сводится к труду. Человек должен удовлетворять свои естественные потребности. Он нуждается в общении и в удовлетворении других социально обусловленных потребностей. Все это — необходимые моменты воспроизводства человека, влияющие на его способность к труду.

Вместе с тем удовлетворение всех отмеченных потребностей предполагает непосредственно производительную трудовую деятельность. Предмет потребления создан трудом. Даже в том случае, когда речь идет о присвоении данного природой — это присвоение опосредствуется трудом. Удовлетворение социально обусловленных потребностей происходит в рамках времени, высвобожденного трудом, представляющего его экономиию. То, что удовлетворение естественных потребностей осуществляется по-человечески, а использование нерабочего времени происходит осмысленно, также обусловлено сущностью человека как труженика.

Таким образом, производительный труд образует основу, субстанцию всего социального. Это означает, что все социальное производно от него, несет на себе его отпечаток, что воспроизводство общественного с необходимостью включает в себя воспроизводство труда, что потребность в труде — основополагающий элемент системы человеческих потребностей.

Производительный труд, обеспечивая удовлетворение потребностей людей, общественно полезен (в соответствии с пониманием полезности как способности удовлетворять человеческие потребности). Поскольку такой труд образует субстанцию всего социального, то и социальная деятельность, не являющаяся производительным трудом, обретает способность быть общественно полезной.

Общественно полезная деятельность за рамками производительного труда воспроизводит целенаправленность, берущую свое начало в целесообразности труда, она нередко требует значительных физических и интеллектуальных усилий. Без развития такой деятельности невозможен прогресс общества, включая прогресс работника как главной производительной силы. Все это нередко порождало и порождает представление о тождественности любого вида общественно полезной деятельности с производительным трудом.

На протяжении долгого отрезка истории, со времен А. Смита существует критика определения производительного труда как труда материально-производительного, и в течение всего этого времени сторонники расширительной концепции пытаются убедить остальных исследователей расширить свое «узкое» определение. Однако не удавалось и не удастся убедить экономистов, понимающих историко-материалистический смысл деления на производительный и непроизводительный труд и умеющих пользоваться соответствующей методологией, принять расширительную трактовку производительного труда.

Предложения отказаться от «узкого» определения производительного труда и включить в состав производительного не только материально-производительный, но и целый ряд других видов труда или даже все их, сопровождаются выдвиганием иных определений. Разумеется, дать другое определение несложно. Проблема в том, чтобы с этим определением добиться позитивных для науки результатов, вот тогда с ним можно будет считаться.

Так, А. Маршалл — сторонник расширительной концепции производительного труда полагал возможным «определить *труд* как всякое умственное и физическое усилие, предпринимаемое частично или целиком с целью достичь какого-либо результата, не считая удовлетворения, получаемого непосредственно от самой проделанной работы. И если мы хотим заново рассмотреть проблему, то лучше всего считать производительным всякий труд, за исключением того, который не достигает поставленной цели, а, следовательно, не создает никакой полезности»¹.

Отметим, что процитированный английский экономист справедливо рассматривал производительный труд как целесообразную деятельность, целью которой является не только она сама, но и достижение другого результата. Отмеченные признаки, действительно, присущи труду. Но в приведенном положении не учитывается определенность предмета человеческой деятельности и соответственно ее результата. Так, например, уход за больными — деятельность, приносящая результат, требующая физических усилий, сама по себе не всегда приятная, но не тождественная производительному труду. По определению же А. Маршалла, она подпадает под понятие

---

¹ Маршалл А. Принципы экономической науки. Т. I / Пер. с англ. — М.: Издательская группа «Прогресс», 1993. С. 124.

производительного труда, что и свидетельствует об отождествлении такого труда данным автором с любой полезной деятельностью.

Однако столь широкое определение не удовлетворяло этого экономиста, когда он осуществлял более конкретное рассмотрение процесса производства, требующее учитывать реально существующее различие между производительным и непроизводительным трудом. Определяя, например, труд как фактор производства, он вынужден был сделать следующую оговорку: «Такая работа головой, которая не направлена прямо или косвенно на то, чтобы способствовать материальному производству, например, решение школьником задач, не принимается в расчет, когда мы рассматриваем производство в обычном смысле этого термина»¹.

Оговорка вполне обоснованная. Однако, как же быть с определением труда, сформулированным самим А. Маршаллом? Ведь решение школьником задачи, безусловно, представляет собой «умственное усилие, предпринимаемое частично или целиком с целью достичь какого-либо результата». Одно из двух: либо, следуя данному этим автором общему определению, надо посчитать решение задачи за труд производительный, как и всякий другой; либо — отказаться от столь широкого определения производительного труда в пользу согласующегося с приматом производства. Абсурдность первого предположения — еще одно свидетельство необходимости отклонить широкое определение производительного труда.

Для теоретического направления неоклассиков, к которому принадлежал этот известный экономист, и которое не придерживалось примата материального производства, не удивительна склонность к расширительному определению производительного труда. Но подобную склонность проявляли и проявляют некоторые авторы из числа тех, кто декларировал свою приверженность марксизму. Как они пришли к такому результату?

Исходя из марксистской идеи о том, что производительный труд создает стоимость, они объявляют производительным еще какой-либо вид труда и тогда национальный доход, то есть вновь созданная стоимость, сразу становится больше. Ну как после этого не посчитать труд, если не всех, то хотя бы расширяющих определение производительного труда экономистов, производительным, как не

---

¹ Маршалл А. Принципы экономической науки. Т. I / Пер. с англ. — М.: Издательская группа «Прогресс», 1993 — С. 208.

присоединиться к расширительной концепции и как не выступить за максимально возможное расширение определения производительного труда!

Подобные «открытия» заставляют специально остановиться на разъяснении того, почему лишь материально-производительный труд создает стоимость. В предыдущей главе было подчеркнуто, что историко-материалистическая методология требует выделения и отдельного изучения производства материальных благ как основы общественного развития. Поэтому и вопрос о стоимости правомерно ставить только по отношению к материальным благам. Стоимость в этом случае выступает как мерило материального богатства общества, и движение стоимости дает не только качественную, но и количественную характеристику движения материальных благ. Только при таком построении теории стоимость создается в производстве и является отношением по поводу вещей, прикрытым вещной оболочкой, а не по поводу идей или услуг. Только в этом случае теория стоимости является материалистической и согласуется с принципом примата производства.

Раз понятие стоимости применимо только по отношению к материальным благам, как очевидное следствие получается вывод, что только труд, непосредственно создающий материальные блага, то есть материально-производительный труд, создает нечто, имеющее стоимость, и, следовательно, все другие виды труда стоимости не создают. Выражение «труд, создающий стоимость», расшифровывается, следовательно, следующим образом. Это — труд, в качестве конкретного труда непосредственно создающий материальные блага и в качестве абстрактного выступающий мерилom затрат общечеловеческой рабочей силы на производство этих материальных благ.

К выводу о том, что не только материально-производительный труд создает стоимость, приходят те экономисты, которые вольно или невольно отрицают материалистическое содержание теории стоимости. Б.В. Ракитский, например, давал стоимости такое определение, которое буквально лишает ее связи с производством материальных благ. Он писал: «Стоимость — это экономическое отношение, складывающееся по поводу косвенной оценки общественной производительности, полезности и эффективности экономически обособленных видов труда. Спрашивается теперь, возникает ли такое отношение по поводу всего общественно организованного труда или же только по поводу труда,

производящего материальные блага?»¹. Несомненно, налицо отказ от материалистического построения трудовой теории стоимости. К тому же данное положение не учитывает, что экономическое отношение, по определению, есть отношение по поводу вещей, а не по поводу косвенной оценки чего бы то ни было.

Определение производительного труда как материально-производительного К. Маркс считал основополагающим определением, и труд в этом определении фигурировал в его произведениях как «производительный труд вообще»². Однако, будучи капиталистически организованным, производительный труд не мог выступать только в своей основной форме, в форме материально-производительного труда. Для того, чтобы быть трудом, производящим материальные блага, он должен был в то же самое время быть трудом, производящим прибавочную стоимость. Производительный труд при капитализме выступает, следовательно, еще и в превращенной форме, в форме труда, производительного с точки зрения капитала.

Маркс отмечает, что при капитализме «понятие производительного рабочего включает в себя не только отношение между деятельностью и ее полезным эффектом, между рабочим и продуктом его труда, но также и специфически общественное, исторически возникшее производственное отношение, делающее рабочего непосредственным орудием увеличения капитала»³. С точки зрения капитала «лишь тот труд производителен, который производит непосредственно прибавочную стоимость, и лишь тот применяющий свою способность к труду есть производительный рабочий, который производит непосредственно прибавочную стоимость»⁴.

---

¹ Ракитский Б.В. Общественные фонды потребления как экономическая категория. М.: Мысль, 1966. С. 54.

² «Только буржуазная ограниченность, — писал Маркс, — считающая капиталистические формы производства единственными, может смешивать вопрос о том, что такое производительный труд с точки зрения капитала, с вопросом, какой труд вообще является производительным, или что такое производительный труд вообще; только она может поэтому кичиться, как проявлением особой мудрости, своим ответом, гласящим, что всякий труд, производящий вообще что-либо, имеющий что-либо своим результатом, тем самым есть уже производительный труд». — Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 26, ч. I. С. 400.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 517.

⁴ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Т. II (VII). М.: Партиздат, 1933. С. 127.

Поскольку для того, чтобы производить прибавочную стоимость, труд должен производить стоимость и поскольку стоимость производится трудом производительным вообще, т.е. материально-производительным трудом, постольку прибавочная стоимость создается лишь материально производящим трудом. Поэтому вызывает удивление высказывание о том, что в «марксистской модели понятие труда, например, связывается не с вещественными действиями человека, а с созданием меновых стоимостей...»¹. Ведь нельзя создавать меновых стоимостей, не преобразуя вещество природы (или не производя энергии).

Вместе с тем не всякий, а лишь капиталистически организованный материально-производительный труд создает прибавочную стоимость. Имея в виду это обстоятельство, К. Маркс в XIV главе I тома «Капитала» указывал, что сформулированное им в V главе определение производительного труда, выделенное из самой природы материального производства, суживается под влиянием капиталистических производственных отношений².

Создается прибавочная стоимость материально-производительным трудом, но приносить ее капиталисту может отнюдь не только материально-производительный труд. Капиталистически организованная непроизводительная сфера порождает, следовательно, еще одну форму производительного труда, когда производительным считается всякий труд, *приносящий* капиталисту прибавочную стоимость, независимо от того, создает он ее или не создает. Труд, непроизводительный с точки зрения капитала, может поэтому быть производительным с точки зрения отдельного капиталиста, вложившего свой капитал в непроизводительную сферу: «Актер, например, и даже клоун, является в соответствии с этим производительным работником, если он работает по найму у капиталиста (антрепренера), которому он возвращает больше труда, чем получает от него в форме заработной платы»³.

В глазах отдельного капиталиста совершенно потеряна основа — производство материальных благ — и имеет значение лишь тот факт, приносит или не приносит ему данный труд прибавочную стоимость.

---

¹ Цвылев Р.И. Информационная сущность экономических процессов // Информационное общество и Россия / Под ред. В.П. Колесова, М.Н. Осьмовой. — М.: Экономический факультет, ТЕИС, 2002. С. 53.

² См. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 517.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 26, ч. I. С. 139.

Поэтому с этой точки зрения «один и тот же вид труда может быть как производительным, так и непроизводительным»¹. Труд в сфере обращения, например, результатом которого является смена форм стоимости товаров, является производительным для торгового капиталиста, ибо он увеличивает стоимость его капитала², но с точки зрения промышленного капиталиста этот труд является непроизводительным, ибо он непосредственно не связан с процессом производства материальных благ — процессом, где происходит реальный метаморфоз стоимости.³ И как бы подчеркивая еще раз, что во всех этих случаях речь идет не о производительном труде вообще и не о труде производительном с точки зрения общественного капитала, хотя бы точка зрения промышленного капиталиста и совпадала с ней, а о труде, производительном с точки зрения отдельного капиталиста, Маркс пишет: «Производительный и непроизводительный труд здесь различаются всегда со стороны владельца денег, капиталиста».⁴

Когда начинается становление непосредственно общественного производства, прекращается абсолютное господство тех превращенных форм производительного труда, которые тесно связаны с капиталистическими производственными отношениями. В результате возникает новый критерий производительного труда как труда, производительного с точки зрения непосредственно общественного производства, т.е. такого материально-производительного труда, который организован социалистически и затрачивается на социалистических предприятиях.

В переходный период, следовательно, наряду с основной формой производительного труда (основной в том смысле, что она лежит в основании всех остальных) и определяемой как материально-производительный труд, существовало еще три формы производительного труда: 1) труд, производительный с точки зрения общественного капитала (сужающий определением производительного труда вообще до границ материально-производительного труда, создающего прибавочную стоимость); 2) труд, производительный с точки зрения владельца денег, капиталиста (означающий всякий труд, приносящий капиталисту прибавочную стоимость); 3) труд, производительный с точки зрения нового способа производства (такой

---

¹ Там же. Соч. Т. 26, ч. I. С. 410.

² Там же. Соч. Т. 25, ч. I. С. 331.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 25, ч. I. С. 306, 331.

⁴ Там же. Соч. Т. 26, ч. I. С. 139.

материально-производительный труд, который организован социалистически и затрачивается на социалистических предприятиях).

В период многоукладности экономики определение труда, производительного с точки зрения коммунистического способа производства, было гораздо более узким определением, чем основное определение производительного труда, так как значительная часть материально-производительного труда затрачивалась в капиталистически организованных, мелких крестьянских или патриархальных хозяйствах.

С преодолением многоукладности определения производительного труда, связанные с капиталистической формой ведения хозяйства, теряют свою реальную основу в экономической жизни. В социалистической экономике корни имеют лишь два определения производительного труда: труд, производительный вообще, т.е. материально-производительный труд и возникший на основе этого определения и определяемый господствующей общественной формой производства труд, производительный с точки зрения данного способа производства, т.е. материально-производительный труд в социалистически организованной системе народного хозяйства.

Расхождение между этими двумя определениями состоит лишь в том, что, согласно определению труда, производительного с точки зрения непосредственно общественного производства, производительным не является материально-производительный труд, затрачиваемый в домашнем и личном подсобном хозяйстве.

Оба определения своей главной функцией имеют отделение производства материальных благ от производства услуг и идей. С отрицанием материально-производительного труда в личном подсобном и домашнем хозяйстве эта функция становится единственной, и определения сливаются. В применении к высшей стадии коммунистической формации определение труда, производительного вообще, оказывается одновременно и определением с точки зрения господствующей формы производства. Оно регистрирует степень общественного разделения труда между трудом, непосредственно производящим материальные блага, и трудом, непосредственным и основным результатом которого являются идеи, мысли, образы, услуги.

Главный вывод, который вытекает из предыдущего — необходимость разделения всех видов общественно полезного труда на две группы, производительного и непроизводительного, диктуется

историко-материалистической методологией и неразрывно связана с ней. Понятие производительного труда служит важным средством отделять производство материальных благ от производства услуг и идей и в этом своем качестве является одним из важнейших инструментов экономического анализа.

2.2 Несостоятельность расширительных трактовок производительного труда и их социальное значение

Подавляющее большинство советских экономистов к теории производительного труда подходили с пониманием необходимости и причин указанного деления на производительный и непроизводительный труд. Среди них Е. Каганов и В. Штипельман¹, Д. Правдин², Н.А. Цаголов³, Т. Полякова⁴, В. Лозовой⁵, Д.И. Росин⁶, А.Г. Корягин⁷, П.И. Багрий⁸ и др. Среди тех, кто не придерживался основной посылки исторического материализма, давая определение производительному труду, т.е. проводя деление на труд производительный и непроизводительный, — В.А. Медведев⁹, Э.М. Агабабян¹⁰, Б.В. Ракитский¹, Л.С. Глязер² и некоторые другие. Л.С.

---

¹ Каганов Е., Штипельман В. Границы производительного труда // МЭиМО, 1970, № 12.

² Правдин Д. Непроизводственная сфера при социализме // Правда, 1971, 21 сентября.

³ Курс политической экономии / Под. Ред. Н.А. Цаголова. Т. I. М.: 1963. С. 483.

⁴ Полякова Т. К вопросу о разграничении производительного и непроизводительного труда // Экономические науки, 1970, № 3.

⁵ Лозовой В. Против крайности в трактовке производительного труда // Экономические науки, 1970, №3.

⁶ Для блага человека. О росте общественных фондов потребления в период перехода к коммунизму. (Сб.статей.) 1962. С. 21.

⁷ Корягин А. Научно-техническая революция и пропорции социалистического воспроизводства. М.: Мысль, 1971.

⁸ Багрий П.И. Динамика и структура общественного производства при социализме. Киев: Наукова думка, 1971.

⁹ Медведев В.А. Общественное воспроизводство и сфера услуг. М.: Экономика, 1968.

¹⁰ Агабабян Э.М. Экономический анализ сферы услуг. М.: Экономика, 1968.

Глязер вообще отказался от такого деления, объявляя всякий труд производительным.

П.И. Багрий писал о предтечах расширительной концепции: «Что же касается духовных отцов этой расширительной концепции, то, как мы уже упоминали, у ее истоков еще в XVII в. стояли В. Петти, Г. Кинг, П. Буагильбер и др. Ее же широкому воскрешению не столько способствовал Ж.Б. Сэй (который наряду с другими также выступал против материальной концепции А. Смита), сколько А. Маршалл. По свидетельству П. Студенского, “последний в своей книге «Экономика промышленности», опубликованной в 1879 г., а также в своих последующих работах выступил в поддержку расширенной концепции производства, и благодаря его авторитету все современные экономисты (исключая марксистов) восприняли ее”³»⁴.

Среди отечественных экономистов, формально придерживавшихся марксизма, одними из первых выступили против деления на производительный и непроизводительный труд В. Базаров⁵ и А. Богданов⁶.

А. Богданов писал об определении производительного и непроизводительного труда: «Производительным трудом мы должны называть всякий труд, направленный к удовлетворению потребностей производственной системы»⁷. Этот автор отмечал также: «Классическая экономия принимала другой критерий для «производительного» или «непроизводительного» характера человеческого труда. По ее обычному определению, «производителен» только такой труд, который

---

¹ Ракитский Б.В. Общественные фонды потребления как экономическая категория. М.: Мысль, 1966.

² Глязер А.С. Некоторые вопросы методологии планирования общественных фондов потребления. М.: Экономика, 1966.

³ Студенский П. Доход наций. М., 1968. С. 54.

⁴ Багрий П.И. Динамика и структура общественного производства при социализме. Киев: Наукова думка, 1971. С. 12.

⁵ В. Базаров писал, что производительным трудом является любой необходимый для общества труд, в том числе и труд, занятый в торговле, банковском деле и даже «переливание воды из пустого в порожнее», если это занятие было бы безусловно необходимым при данном общественном строе для того, чтобы сделать эту воду предметом потребления. См. Базаров В. Труд производительный и труд, образующий ценность. СПб., 1897. С. 40.

⁶ Богданов А. и Степанов И. Курс политической экономии. Том 2, вып. IV, ГИЗ, 1919. С. 16–17. Выпуск написан А. Богдановым.

⁷ Богданов А. и Степанов И. Ук. соч. С. 9.

непосредственно воплощается в материальных продуктах: физический труд большинства современных рабочих, крестьян, ремесленников. Для тех же случаев, когда материальных продуктов из данного труда прямо не получается, а в то же время он данной системе производства объективно нужен, создается особая категория — «непроизводительного общественно полезного труда». Такова, оказывается, работа организаторская, педагогическая, транспортная, научная, литературная и т.д.»¹ А. Богданов с сожалением указывал на то, что «эти воззрения старой политической экономии не были Карлом Марксом подвергнуты той критике, которой они заслуживают: в общем, он сам их поддерживал»².

По Богданову «легко показать, насколько подобное разграничение нецелесообразно. Оно искусственно в самой своей основе, потому что органически-целостную систему социального труда оно разбивает на две части, реально одна без другой невозможные и немислимые»³. Приведенный А. Богдановым довод, безусловно, несостоятелен. Если следовать подобному подходу, то, например, анатомия должна покончить с рассмотрением в отдельности головы и тела, поскольку тем самым она «органически целостную систему» «разбивает на две части, реально одна без другой невозможные и немислимые».

Богданов забыл, что определения для того и существуют, чтобы отделять определяемое от всего остального, а не смешивать с ним, и вот его вывод: «В конечном итоге, разделение общественно полезного труда на «производительный» и «непроизводительный» следует отвергнуть, как бесплодное усложнение, способное только запутывать анализ. Всякий труд, удовлетворяющий общественную потребность, и, следовательно, — объективно нужный для данной экономической системы, должен быть признан производительным. Противопоставлять ему надо только социально-бездеятельное существование и разрушительный труд — общественный паразитизм и антисоциальную активность»⁴.

В более поздний период рассуждения, подобные рассуждениям А. Богданова и сводящиеся к азбучному «мамы всякие нужны, мамы всякие важны», звучали, конечно, необязательно в столь простой и ясной форме. Многие авторы старались придать им

---

¹ Там же. Ук. соч. С. 11.

² Богданов А. и Степанов И. Ук. соч. С. 12

³ Там же. Ук. соч. С. 11.

⁴ Там же. Ук. соч. С. 16–17.

ультрасоциалистическое звучание. К.К. Вальтух, например, писал: «Поскольку труд в нематериальном производстве при социализме отвечает общей цели — повышению благосостояния и свободному всестороннему развитию членов общества, он является производительным»¹.

В действительности, различая «материально-производительный труд» и «социалистический труд», можно было бы написать: «Поскольку труд в нематериальном производстве при социализме отвечает общей цели — повышению благосостояния и свободному всестороннему развитию членов общества, он является социалистическим». Подход же К.К. Вальтуха предполагает использование двух понятий для обозначения того, что при социализме труд является социалистическим и препятствует выражению менее очевидной мысли о том, что труд, непосредственно производящий материальные блага, выполняет в процессе общественного воспроизводства иную роль, нежели труд, результатом которого является идея, образ, мысль, услуга.

С позиций марксистской теории, обоснованно положение Г.Д. Подобулкина: «Одной из наиболее существенных ошибок является стремление ряда экономистов отождествить понятия «производительный труд вообще» и «труд, производящий вообще что-либо полезное». Эта точка зрения отступает от положения К. Маркса и ведет к расширительной трактовке производительного труда (С.Г. Струмилин, Арт. Адолин, Вл. Медведев, Л.С. Глязер, Б.В. Ракитский, Я. Певзнер, Л.И. Тыкоцкий и др.). К. Маркс не только не допускал такого смещения, но, напротив, неоднократно резко критиковал взгляды буржуазных экономистов, совершавших эту подмену понятий (Ж.Б. Сэя, Н. Сениора, П. Росси и др.)»².

Попытка отождествить производительный труд и другие виды общественно полезной деятельности встречается и в современной философской литературе. Так, В.Г. Комаров, в целом очень содержательно и интересно исследуя проблему труда, утверждал, однако: «Врач восстановил здоровье человека — что воспроизвел он? Совокупность человеческих функций, способностей — это ли не

---

¹ Вальтух К.К.. Общественная полезность продукции и затраты труда на ее производство. М.: Мысль, 1965. С. 66.

² Подобулкин Г.Д. Методология исследования производительного и непроизводительного труда. Автореф. дис. ... канд. экон. н.. Ленинград, 1972. С. 7.

действительность, не материя и не продукт производительного труда?.. Учитель проделал труд порождения общественной материи, и, стало быть, его труд столь же материальный и производительный, как и труд хлебопашца, шахтера, пекаря, токаря и т.д.»¹. Безусловно, человек материален, и его организм выступает материальным предметом деятельности врача. Несомненно, в результате обучения происходит социализация человека, то есть освоение им накопленных человечеством знаний и норм поведения, что способствует превращению биологической особи в общественное существо. Но это не означает, что данные виды общественно полезной деятельности равнозначны предметно-преобразовательной деятельности человека.

Человек как материальное существо отличается от предметной составляющей материального мира. Соответственно деятельность, направленная непосредственно на человека, имеет иное объективное значение, чем предметно-преобразовательная деятельность. В первом случае предполагается сохранение, восстановление или развитие умственных и физических способностей человека, определение порядка его действий, что не является производственным потреблением. Во втором случае предмет труда изменяет свою форму и в качестве продукта человеческой деятельности должен быть потреблен, что означает утрату его предметного бытия или существенных свойств. В таком отношении результаты деятельности шахтера и токаря принципиально отличаются от результатов деятельности врача, учителя или управленца.

Производительный труд и другие виды труда существенно различаются не только по результатам, но и по содержанию и условиям осуществления. Трудовая деятельность, как взаимодействие человека с природой, подчинена внешней необходимости, когда человек вынужден считаться с природными закономерностями (что, кстати, и обуславливает у человека формирование воли, концентрацию внимания и т.д.). Нередко использование природных закономерностей в процессе труда сопряжено с их неблагоприятным влиянием на человеческий организм, производственными травмами, профессиональными заболеваниями.

При отношении человека к человеку природная необходимость отступает на второй план. Режимы деятельности чаще всего не имеют

---

¹ Комаров В.Г. Правда: онтологическое основание социального разума. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001. С. 370.

здесь такой жесткой заданности, как в производительном труде. Деятельность может приносить удовлетворение ее исполнителю или сама по себе, или от непосредственного выражения ему благодарности, признания, эмоционального отклика со стороны других людей и т.д. Подобная деятельность, как правило, в меньшей степени сопряжена с негативными последствиями для человеческого организма, чем непосредственно производительная.

Так, характеризуя деятельность инженеров, менеджеров, дизайнеров, консультантов, художников и т.д. в капиталистическом обществе, Р. Райх отмечает: «Помимо прочего, такая работа приносит не только деньги. Люди, ею занимающиеся, в качестве своей самой сокровенной тайны хранят секрет того, насколько им нравится их работа. Да и многое из того, что делают, даже нельзя считать работой в традиционном смысле этого слова. Работники традиционного производства и сферы персональных услуг обречены на монотонный труд, от которого устают и слабеет тело, уменьшается независимость человека, его возможность распоряжаться самим собой. «Работа» тех, кто занимается анализом и символами, напротив, связана с разгадкой головоломок, экспериментами, играми, требует широкого общения, и при этом работник часто сам решает, что именно ему следует делать. Мало кто из занятых в традиционном производстве или сфере персональных услуг стал бы работать, если бы не нуждался в деньгах. А многие из тех, кто занимается анализом и символами, готовы «работать» даже не ради денег»¹. Хотя указанный автор не отделяет капиталистический труд от производительного труда вообще, но все же он раскрывает существенные различия между производительным и непроизводительным трудом.

Уместно привести и следующее соображение из произведения Марка Твена — писателя, умевшего ярко выразить свое отношение к сложным общественным проблемам: «Умственный «труд» неправильно назван трудом; это удовольствие, наслаждение, и в нем самом его высшая награда. Самый низкооплачиваемый архитектор, инженер, генерал, писатель, скульптор, живописец, лектор, адвокат, депутат, актер, проповедник, работая, блаженствует, как в раю. А что сказать про музыканта, сидящего со смычком в руке посреди большого оркестра, в то время как льющиеся струи божественных звуков плещут вокруг

---

¹ Райх Роберт. Труд наций. Готовясь к капитализму XXI века // Новая индустриальная волна на Западе. Антология / Под редакцией В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 524-525.

него? Он, конечно, трудится, если вам угодно это называть трудом, но, по правде говоря, такое название — издевательство над самим понятием труда»¹.

Можно посетовать, что приведенная мысль не учитывает ответственности, свойственной перечисленным видам общественно полезной деятельности и которая плохо увязывается с «блаженством рая». Можно вспомнить и о напряжении, которое требуется от исполнителя музыкального произведения. Но в ней все же отражена специфика деятельности, непосредственно обращенной к человеку или служащей, в первую очередь, средством его самовыражения, от производительного труда в собственном смысле слова.

Проводя различие между производительным и непроизводительным трудом, уместно отметить, что импульс в превращении высокоорганизованного животного в человека исходит не из отношений между особями стада, а из его нового отношения к природе, к добыванию средств существования. Прежде, чем поддерживать здоровье человеческого организма или передавать знания, человек должен был сформироваться как человек в процессе преобразования противостоящего ему природного мира. Лишь в меру прогресса такого преобразования, то есть прогресса труда, он обретает способность лечить, обучать, управлять и т.д.

Объем общественно полезной деятельности за рамками собственно труда определяется масштабами экономии труда. Пока труд малопроизводителен, все иные виды социально полезной деятельности находятся в зачаточном состоянии. Только при достижении высокого уровня общественной производительности труда непроизводительная деятельность получает развернутый характер.

Неправомерность попыток выводить производительный характер труда из его важности, полезности, необходимости и т.д. была исчерпывающим образом раскрыта К. Марксом в его полемике против Гарнье. Имея в виду труд работников, в той или иной степени способствующих воспроизводству рабочей силы, т.е. труд врачей, учителей и т.п., Жермен Гарнье (в 1802 г.) утверждал: «И те и другие имеют конечной целью своего труда один и тот же род потребления»².

Вот как возразил ему К. Маркс: «Рассуждая так, придется заключить, что тот, кто ест хлеб, столь же производителен, как и тот,

---

¹ Твен М. Принц и нищий. Янки из Коннектикута при дворе короля Артура / Пер. с англ. — М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2003. С. 370.

² См. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 26, ч. I. С. 168.

кто его производит. Ибо для чего производится хлеб? Для еды. Стало быть, если еда — непроизводительный труд, то почему же производительным является хлебопашество, которое служит лишь средством к достижению цели? Кроме того, тот, кто ест, производит мозг, мышцы и т.д., а разве это не также благородные продукты, как ячмень или пшеница? — мог бы спросить А. Смита какой-нибудь возмущенный друг человечества. Во-первых, А.Смит не отрицает, что непроизводительный работник производит какой-либо продукт. В противном случае он вообще не был бы работником. Во-вторых, пусть и кажется странным, что врач, прописывающий пилюли, не является производительным работником, а аптекарь, приготовляющий их, — производительный работник. Подобным же образом производительным работником является инструментальный мастер, делающий скрипку, но не скрипач, играющий на ней. Это могло бы служить доказательством только того, что некоторые «производительные работники» доставляют также продукты, единственное назначение которых — служить средством производства для непроизводительных работников. Но это не более странно, чем то, что, в конце концов, все производительные работники, во-первых, доставляют средства для оплаты непроизводительных работников, а во-вторых, доставляют продукты, потребляемые теми, кто не выполняет никакого труда»¹.

Если бы всякий труд был объявлен производительным, слово «производительный» оказалось бы ненужным и только засоряло бы язык. Такой привесок к слову «труд» мог бы иметь ценность лишь для тех, кто не знает, что труд в широком смысле, уже по самому своему понятию, есть некоторая целесообразная полезная деятельность, «производящая» что-либо, в противном случае она не называлась бы трудом. Действительный смысл предложений считать всякий труд производительным, как это наглядно продемонстрировал А. Богданов, состоит в уничтожении деления на производительный и непроизводительный труд. Такой же смысл имеет любое иное расширение определения производительного труда за рамки труда материально-производительного.

Позицию сторонников расширительной концепции производительного труда можно принять только в одном случае: если считать, что всякое расширение, даже расширение за рамки истины, есть благо. Но, как хорошо известно, понятие о благе есть понятие

---

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 26, ч. I. С. 169.

социально-классовое, и нетрудно определить класс, для которого выгодны отступления от историко-материалистической методологии. С его точки зрения приемлемо любое деление на производительный и непроизводительный труд, вплоть до отсутствия всякого деления, кроме такого, которое проводится по границе между материально производительным и другими видами труда.

В советской статистике труд по перевозке людей и труд по перевозке вещей попадали в разные категории: первый считался непроизводительным и не относился к производственной сфере, второй считался производительным и причислялся к ней. В связи с этим нередко возникал вопрос: «Как же так, ведь люди выполняют совершенно одинаковые операции и вдруг попадают в разные категории?»

Налицо опять забвение того принципа, согласно которому проводится деление на производительный и непроизводительный труд. Ни важность, ни характер операций не имеют к нему никакого отношения. Определяющим является та роль в процессе воспроизводства, которую выполняет данный вид труда, а роль пассажирского и грузового транспорта различны. Первый перевозит людей, второй — вещи, материальные блага. В первом случае имеет место уже акт потребления, а во втором случае продолжается материальное производство. Точно так же труд по передаче информации, связь, хотя и играет очень важную роль для управления производством, является непроизводительным. При таком определении перемещение идей не смешивается с перемещением материальных благ. А то обстоятельство, что всякая идея имеет свой материальный носитель, не должно служить основанием для отождествления ее с вещью.

Предложение объявить труд по перевозке людей производительным нельзя, однако, не признать — весьма многообещающим. Ведь в этом случае значительное увеличение производства личных автомобилей выступает как прямое расширение сферы производительного труда, и каждый владелец автомобиля, отправляясь за город, сможет наполняться гордостью за то, что он тем самым участвует в производстве. Но ничем не хуже автомобилистов мотоциклисты, велосипедисты и просто пешеходы. Всем им тоже понравится подобное расширение определения производительного труда. Еще бы! Ведь так приятно, прогуливаясь вдоль берега речки, сознавать, что тем самым ты

в поте лица трудишься и этим производительным трудом увеличиваешь богатство общества.

Как только из внимания исследователя ускользает главный принцип деления труда на производительный и непроизводительный — принцип примата материального производства — так сразу начинается критериетворчество. Мы уже познакомились с критерием полезности, нужности, с критерием косвенного воздействия на процесс воспроизводства материальных благ. Это были критерии, так сказать, качественные.

К этому списку можно прибавить еще один критерий, количественный: относить к производительному труду всякий труд, который в ходе общественного развития приобретает все больший удельный вес¹. Но если быть последовательным, то в связи с этим следует не только весь труд в непроизводственной сфере объявить производительным, а заодно труд в сфере материального производства непроизводительным. Тот факт, что им долгое время было занято большинство работников, не должен нас останавливать, поскольку критерием является изменение удельного веса данного труда в общей массе труда общества, а удельный вес материально-производительного труда уменьшается. Полученное деление труда на производительный и непроизводительный было бы вполне применимо для марксистов: необходимую грань между производством материальных благ и производством услуг и идей оно проводит, хотя и выворачивает марксистское определение производительного труда наизнанку.

Экономисты, пытающиеся обосновать включение труда, затрачиваемого в непроизводственной сфере, в состав производительного труда, иногда ссылаются на то, что Маркс будто бы не учитывал роли науки, так как в его время она еще не получила достаточного развития. Любопытно, что эти же экономисты всю ссылаются на ранние работы Маркса, когда желают обосновать тезис о превращении науки в непосредственную производительную силу.

Маркс, как показывает обращение к его произведениям, отнюдь не упускал из виду той роли, которую призвана играть нематериальная сфера. Отмечая тот факт, что деятельность работников

---

¹ П.Г. Олдак возмущенно спрашивает: «Почему нужно придерживаться концепции, которая ведет нас к заведомо неправильному выводу, будто по мере развития коммунистического способа производства общественно полезный труд будет все в большей степени выступать как труд непроизводительный?» (Олдак П.Г. Взаимосвязь производства и потребления. Критерии и оценки. М., 1966. С. 43).

непроизводительной сферы активно влияет на труд производительных работников, Маркс указывал, что этот факт «отнюдь не уничтожает различия между производительным и непроизводительным трудом; напротив, само это различие выступает как результат разделения труда и в этом смысле способствует развитию общей производительности труда — в силу того, что разделение труда превращает непроизводительный труд в исключительную функцию одной части работников, а производительный труд — в исключительную функцию другой части»¹.

Ряд экономистов подходит к решению вопроса о производительном и непроизводительном труде «с позиций экономики будущего». Как можно, спрашивают они, сохранять различие между производительным и непроизводительным трудом или держаться определения производительного труда как материально производительного, если уже недалек тот час, когда материально производительный труд будет составлять лишь незначительную часть общественного труда?

На этот вопрос по существу ответил К. Маркс: «Страна тем богаче, чем меньше при одном и том же количестве продуктов производительное население по отношению к непроизводительному. Ведь относительная малочисленность производительного населения была бы только другим выражением относительной высоты производительности труда»². Различие между производительным и непроизводительным трудом дает нам в руки, следовательно, инструмент для оценки богатства общества и с ростом общественного богатства значение этого инструмента не падает, а растет.

Экономисты, рассматривающие проблему производительного труда «с позиций экономики будущего», ошибаются не только в том, что в будущем надо будет отказаться от деления труда на производительный и непроизводительный труд. Они оказываются, к тому же, столь «логичными», что из фактов будущего хотят вывести необходимость расширения понятия производительного труда уже сегодня.

Среди советских экономистов, высказывающихся в пользу расширенной трактовки производительного труда, были и такие, которые понимали, что деление идет здесь именно на основе материалистического подхода. В.А. Медведев писал: «Труд музыканта, например, также есть воздействие его на природу с помощью

---

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 26, ч. I. С. 293.

² Там же. С. 215.

определенных орудий труда — инструментов, с целью удовлетворения человеческих потребностей. Подобно тому, как электричество потребляется людьми уже в виде световых волн, музыкальные инструменты в результате труда человека превращают механическую энергию в энергию звука, в звуковые волны, которые и воспринимаются слушателем»¹.

Нечто подобное писал еще А. Богданов². Снова приходится иметь дело с повторением той банальной мысли, что идеи, образы и т.п. не «перескакивают» прямо из головы в голову, а имеют какой-либо материальный носитель, причем затушевывается тот факт, что результат одних видов труда — идея, а других — вещь. По аналогии осталось только взять известную марксистскую истину о том, что познание вообще есть свойство высокоорганизованной материи, без материи не существует, и использовать эту истину как аргумент в пользу того, что познание есть акт материального производства.

Очевидно, что аргументация в пользу расширительной концепции производительного труда на удивление легковесная, поверхностная. Это заставляет усомниться в том, что в основе ее лежат чисто научные соображения. На эти же мысли наводит и продолжительная история борьбы за расширение определения производительного труда. Не может быть случайным и обилие определений производительного труда, которые выдвинули сторонники расширительной концепции. Перечислим некоторые из них³.

1. При социализме всякий труд является производительным трудом, если отношения по участию в этом труде являются коллективными, социалистическими⁴.
2. При социализме производительным является тот труд, который непосредственно или косвенно создает материальные и духовные блага, потребительные стоимости или необходимые услуги для

---

¹ См. Мировая экономика и международные отношения. 1969, № 10. С. 105.

² «Даже работа специалиста-производителя в мастерской приводит к удовлетворению потребности производства лишь при том условии, что выражается в словесных указаниях его подчиненным, т.е. принимает физическую форму звуковых колебаний воздушной среды». — Богданов А. и Степанов И. Курс политической экономии. Том 2, вып. IV. ГИЗ, 1919. С. 12.

³ Подробную классификацию и критику этих определений в свое время давал Бурлов В. О границах производительного и непроизводительного труда в социалистическом обществе. Дис. ... канд. экон. н. Ленинград, 1971.

⁴ Политическая экономия социализма. Курс лекций. Изд. МГУ, 1963. С. 167.

- их производства, независимо от того, создает он только необходимый или наряду с необходимым и прибавочный продукт¹.
3. Всякий полезный труд в условиях социализма есть труд производительный².
  4. Весь труд в социалистическом обществе является производительным³.
  5. ...производительный труд в социалистическом обществе — это тот труд, который служит формой движения функционирования всеобщих общественных производительных сил, используемых в интересах наиболее полного удовлетворения потребностей всего общества, планомерно организующего производство на основе общественной собственности на средства производства⁴.
  6. В социалистическом обществе производительным является тот труд, который основан на использовании средств производства, принадлежащих обществу (или кооперативу), непосредственно обобществлен, причем целью его выступает достижение наиболее полного удовлетворения материальных и духовных потребностей членов общества. Отсюда весь труд, занятый в сфере услуг, который входит в ассоциированный труд и подчинен этой единой цели, является производительным трудом⁵.
  7. Производительным трудом при социализме является непосредственно обобществленный труд на основе социалистической собственности на средства производства, занятый в планомерно организованном производстве потребительских стоимостей для удовлетворения разнообразных потребностей общества и его членов... Это относится к труду,

---

¹ Дарий М.А. К вопросу о производительном и непроизводительном труде при социализме // Межвузовский сборник по политэкономии. №2. Кишинев, 1963. С. 118.

² Вальтух К.К. Общественная полезность продукции и затраты труда на ее производство. М.: Мысль, 1965. С. 69.

³ Глязер Л.С. Некоторые вопросы методологии планирования общественных фондов потребления. М.: Экономика, 1966. С. 57.

⁴ Эпштейн Л.Е. О соотношении категорий «производительные силы», «производительный труд», «производительность труда» // Проблемы развития и использования рабочей силы при социализме. Челябинск, 1967. С. 8–9.

⁵ Медведев В.А. Общественное воспроизводство и сфера услуг. М.: Экономика, 1968. С. 127–128.

создающему потребительные стоимости как в материальном, так и в нематериальном производстве¹.

8. В социалистической системе хозяйства все виды труда являются работой на общество, и непосредственно общественный труд является производительным трудом².

Для приведенных выше определений характерно, что они как бы специально придуманы только для того, чтобы включить в состав производительного труда труд непроизводительных работников. Похоже, что их авторы трудились над решением одной и той же довольно простой задачи: сформулировать определение производительного труда так, чтобы весь или почти весь труд в нематериальной сфере оказался производительным.

Разноречивость и пестрота этих определений, которые может объединить лишь неприятие определения производительного труда как труда материально-производительного, заставляет сделать вывод о том, что для их творцов самым важным было расширить определение, а как расширить — это уже не являлось столь существенным. Волей-неволей приходит на ум мысль о том, что в основе «расширенных» определений лежат отнюдь не только, не столько, а часто и совсем не научные соображения. И, действительно, ряд авторов подтвердили это в явной форме.

Я. Певзнер, например, писал, что, по его мнению, «никакие рассуждения о труде «необходимом, но непроизводительном» не могут скрыть того факта, что признание деятельности лиц, занятых в сфере обслуживания, трудом, не создающим новой стоимости, принижает их значение и может создать у широких слоев трудящихся ощущение ненужности их усилий»³. Может быть, Я. Певзнеру было неизвестно специально направленное против подобных взглядов замечание К. Маркса о том, что «мораль, как и «заслуга» того и другого не имеют никакого отношения к этому различию»⁴.

Вряд ли это высказывание К.Маркса было не известно академику Струмилину. Он, тем не менее, писал: «Не пора ли уж признать, что любой общественно полезный труд не может быть бесплодным?»

---

¹ Куликов А.Г. Значение марксистской теории производительного труда и производительность труда при социализме // К.Маркс и социалистическая экономика. М.: Экономика, 1968. С. 144–145.

² Маркус Б. Труд в социалистическом обществе. М.: 1939. С. 37.

³ Мировая экономика и международные отношения. 1969, №3. С. 92.

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 26, ч. I. С. 168.

Социалистический принцип распределения требует от всех сограждан работы по способностям и вознаграждения по их труду, независимо от того, в какой сфере их способности используются в плановом хозяйстве. И признание в этих условиях труда какой-либо категории работников, скажем, учителей и врачей, выполняющих свои обязанности по способностям, непроизводительным порочит не только этих работников, но и все мероприятия, умножающие и вознаграждающие такой якобы бесплодный труд»¹.

Проводимое с помощью определения производительного труда отделение материально-производительного труда от всех прочих видов труда является научным, политэкономическим делением, необходимым для пользования методом исторического материализма. Следует поэтому подчеркнуть неправомерность подхода к этому делению из соображений, как бы кого не обидеть. Чтобы не обидеть и не отказываться от научного метода, есть только один путь: разяснить истинный, научный смысл деления на производительный и непроизводительный труд, доказывать, как это и делал Маркс, что «мораль, как и «заслуга» того и другого, не имеют никакого отношения к этому различию».

Еще один сторонник расширения определения производительного труда — Б.В. Ракитский, отмечал: «Кое-кто из экономистов никак не может преодолеть того предрассудка, будто «работники непроизводственной сферы сами не создают фонда своего существования, а получают его из фонда удовлетворения общественных потребностей»², образуемого при распределении национального дохода, то есть результатов труда работников материального производства. Получается так, будто работники непроизводственной сферы — иждивенцы, нахлебники работников сферы материального производства»³. Нет, непроизводительные работники не иждивенцы, поскольку иждивенцами называются люди неработающие и состоящие на содержании у работающих, не нахлебники, поскольку нахлебники — это люди, уклоняющиеся от общественно полезной деятельности. Но фонды своего существования работники нематериальной сферы не

---

¹ Вопросы экономики. 1968, №9. С. 17.

² Крутиков Б.Д. Общественные фонды потребления в период развернутого строительства коммунизма (по материалам УССР) Автореф. дис. ... канд. экон. н. Киев, 1964. С. 7.

³ Ракитский Б.В. Общественные фонды потребления как экономическая категория. М.: Мысль, 1966. С. 62.

создают просто потому, что нельзя жить в услугах, пить идеи и питаться мыслями, потому, что ни идеи, ни услуги не являются средствами существования.

Высказывания Я. Певзнера и С.Г. Струмилина, Б.В. Ракитского раскрывают один из корней расширительной концепции. Это — привнесение в науку ничего общего не имеющих с ней критериев. Между тем научный подход требует максимума объективности. Если те или иные представители непроизводственной сферы, имеющие высшее образование, обижаются, узнавая, что их труд — непроизводительный, то отсюда вовсе не следует, что экономической науке нужно защищать заблуждения, превращаемые в критерий при осуществлении экономических исследований. Как справедливо указывал П.И. Багрий, «при социализме всякий труд является почетным и общественно полезным, независимо от того, считается ли он в научных и статистических сводках производительным или непроизводительным. Что же касается того, что ярлык непроизводительного порочит якобы труд некоторых работников непроизводственной сферы (учителей, врачей и т.д.), то лучший ответ на это дают конкретные социологические исследования. Так, по данным новосибирских социологов, непроизводительные («порочащие») профессии в области просвещения, культуры и здравоохранения по степени привлекательности для молодежи стоят намного выше других («непорочащих»), производительных профессий, таких, например, как работники промышленности, строительства или сельского хозяйства. Вполне очевидно, что выдвинутый С.Г. Струмилиным аргумент в плане социальной значимости профессий в защиту его расширительной концепции производительного труда не имеет действительной силы»¹.

К сказанному П.И. Багрием можно добавить лишь следующее. Работники, занятые производительным трудом, пользуются у большинства представителей непроизводительного труда особым уважением в силу тех дополнительных тягот, которые при нынешнем уровне развития производительных сил выпадают на их долю. Труд с объективно низким уровнем элементов творчества, труд, монотонный, мало привлекательный, недостаточно развивающий, не требующий особенно больших знаний, труд во вредных для здоровья человека

---

¹ Багрий П.И. Динамика и структура общественного производства при социализме. Киев: Наукова думка, 1971. С. 16–17.

условиях — это чаще производительный, чем непроизводительный труд.

Неравенство в условиях и содержании труда, которое имеет место при социализме, своей отрицательной стороной направлено в сторону производительных работников. Задача ликвидации социально-экономических различий и состоит, в частности, в том, чтобы поднять содержание и условия труда производительных работников до того уровня, который уже теперь имеет значительная часть работников, занимающихся непроизводительным трудом. Сторонники расширительной концепции выражали, следовательно, настроения части представителей непроизводительного труда, которые, не разделяя всех тех тягот, которые выпадают на долю производительных работников, желают, тем не менее, называться производительными работниками.

Сторонники расширительной концепции производительного труда пытались опереться на идею Маркса о совокупном работнике, включающем не только рабочих, но и инженерно-технических работников. Между тем подобное прочтение данной идеи, по сути, некорректно. В научной литературе справедливо отмечалось: «При внимательном изучении высказываний К. Маркса о «совокупном работнике» (или «совокупном рабочем») можно убедиться в том, что это понятие использовалось для определения всей совокупности работников, участвующих в производстве материального продукта, всего комбинированного производственного персонала предприятия, который работает в условиях кооперации и технологического разделения труда. Употребляя в этом смысле, а также в качестве олицетворения субъекта производства понятие «совокупный рабочий», К. Маркс указывал на внутреннюю социальную неоднородность комбинированного производственного персонала предприятия. Рассматривая, например, инженеров в качестве производительных работников, К. Маркс абстрагировался от конкретного содержания труда инженерно-технического персонала, от места и роли этого персонала в общественном разделении труда, в его организации, от различий между ним и рабочими в культурно-техническом уровне, от тех признаков, по которым инженерно-технические работники в социальном отношении отличаются от рабочего класса как один из отрядов интеллигенции¹.

К. Маркс прямо указывал на социальную неоднородность тех, кого он относил к наемным работникам: «Характерную черту

---

¹ См. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 26, ч. I. С. 410.

капиталистического способа производства составляет как раз то, что он отрывает друг от друга различные виды труда, а стало быть, разъединяет также умственный и физический труд — или те виды труда, в которых преобладает та или другая сторона, — и распределяет их между различными людьми. Это, однако, не мешает материальному продукту быть продуктом совместного труда, овеществляться в материальном богатстве; с другой стороны, это разъединение нисколько не мешает также и тому, что отношение каждого из этих людей в отдельности к капиталу неизменно остается отношением наемного работника, отношением производительного рабочего в этом специфическом смысле»¹.

В приведенном высказывании — суть взглядов К. Маркса на то, в каком специфическом смысле можно рассматривать инженерно-технических работников как производительных рабочих и в чем состоит их социальное отличие от рабочего класса по содержанию труда, по месту в общественном разделении труда. Если при характеристике технологического разделения труда Маркс включает инженерно-технический персонал предприятий в состав «совокупного рабочего» (точнее, «совокупного работника»), то при рассмотрении социального разделения труда он четко разграничивает его и рабочих, вскрывает существующие при капитализме социальные противоположности и различия между людьми умственного и физического труда»².

Оперирование понятием совокупного работника для отказа от точного определения производительного труда связано с элементарными ошибками в логике. Принимая за посылку, что труд совокупного работника является производительным, подобные авторы тем самым как бы признают определение производительного труда как труда, непосредственным результатом которого являются материальные блага. Но затем вывод, сделанный в отношении целого применяют по отношению к части, недопустимости чего учат в любой школе. Тем самым они вступают в противоречие с определением, которым они только что пользовались, поскольку ни труд научно-исследовательских работников, ни труд инженерно-технических работников не имеет своим непосредственным результатом материальные блага.

Труд совокупного рабочего производительный не потому, что в состав его входит ИТР и научная интеллигенция, а именно вследствие

---

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 26. Ч. I. С. 422.

² ИМЛ при ЦК КПСС. Фальсификаторы научного коммунизма и их банкротство // «Коммунист». 1972. № 3. С. 103–104.

абстрагирования от этого состава, в силу представления целой совокупности работников, между которыми разделен труд, в виде одного работника. Тогда непосредственным результатом его труда будут являться материальные блага, и на основании определения производительного труда его труд можно считать производительным, но только его как целого, а отнюдь не какой-либо его части.

В свое время давалось следующее весьма важное разъяснение, ставящее заслон спекуляциям с «совокупным рабочим»: «Известно, что немецкое слово “Arbeiter” имеет двоякое значение: одно из них — “рабочий”, второе — “работник”. В русском переводе “Капитала” немецкий термин “Gesamtarbeiter” переведен как “совокупный рабочий”. В то же время в тщательно отредактированном лично К. Марксом французском издании “Капитала”, которое, по его словам, “имеет самостоятельную научную ценность наряду с оригиналом, и потому им должны пользоваться и читатели, знакомые с немецким языком”¹, термин “Gesamtarbeiter” во всех случаях переводится как “le travailleur collectif” (“совокупный работник”), а понятие “рабочий класс” переводится как “la classe ouvrière”².

Пора ответить на вопрос, естественный при следовании научной методологии: «Кому данная идея выгодна?» — Идею, таким образом, требуется свести к объективным экономическим интересам классов и абстрагироваться от того, чем руководствуются люди, выдвигающие и поддерживающие эту идею. Необходимо, следовательно, рассмотреть классовое содержание расширительной трактовки производительного труда.

Если взять ленинское определение классов, то среди классовых признаков мы найдем «место в исторически определенной системе общественного производства» и «роль в общественной организации труда». Определение производительного труда как труда материально-производительного, разграничивающее людей, производящих данные блага и людей, производящих идеи и услуги, проводит, следовательно, классовую границу между людьми, отделяя, в частности, от рабочего класса слой интеллигенции и служащих. Поэтому попытки расширить данное определение, представить границу между трудом по производству материальных благ и трудом по производству услуг и

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23. С. 26.

² Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Научный коммунизм и фальсификация его ренегатами / Под ред. П.Н. Федосеева. М.: Политиздат, 1972. С. 15.

идей как несуществующую, являются попытками размыть границы рабочего класса, затушевать классовые различия.

Подобные «нововведения» могут быть выгодны какому угодно классу, но только не рабочему, который заинтересован в прояснении социально-классовых различий, ибо он наиболее заинтересованный сторонник построения бесклассового общества, в котором обеспечивается полное благосостояние и свободное всестороннее развитие всех членов общества.

Показательно в этом отношении позиция фон Крокова, опубликованная в уважаемой немецкой газете «Die Welt». Противопоставляя нынешнее общество прежнему, в котором «низы» неустанно трудились, а «верхи» — располагали досугом, фон Кроков пишет: «Сегодня все в точности наоборот. «Вверху» стоят те, кто жалуются на свою 70-часовую рабочую неделю и деловой календарь, заполненный на месяцы вперед; в середине находятся те, кому профсоюзы обеспечили 35-часовую рабочую неделю; «внизу» группируется все возрастающая армия частично занятых, безработных и трудоспособных пенсионеров»¹.

Итак, если верить автору статьи, основные тяготы современного производства приходятся на «верхи», на крупнейших частных собственников, и тех, кто управляет в интересах таких собственников. Для этого, правда, требуется умолчать о том, что рабочая неделя в 35 часов — это время производительного труда, осуществляемого в интересах не самих работников, а частных собственников средств производства; 70 же часов управленческой деятельности осуществляются за рамками «царства необходимости», то есть собственно материального производства, и представляют собой использование времени, высвобожденного из сферы материального производства для осуществления более содержательной деятельности в своих частных интересах.

Из сказанного следует, что сторонники расширительной концепции производительного труда, хотя бы они этого или не хотят, вступают в конфликт с историческим материализмом, игнорируют факт воплощения интересов общественного развития в коренных интересах рабочего класса. Определение же производительного труда как труда материально производительного, т.е. как труда, непосредственным и основным результатом которого являются вещь, энергия или их перемещение, адекватно историческому материализму, дает ключ к

---

¹ «Die Welt». 30.05. 1998. S. 1.

научному пониманию той социальной силы, которая олицетворяет общественный прогресс в современную эпоху.

Примат производства и трудовая теория стоимости

Решающая роль производства материальных благ во всем процессе общественного воспроизводства проявляется по отношению к самым различным явлениям и сферам общественной жизни, в том числе по отношению к сфере обмена.

Выражением этой зависимости сферы обмена от сферы производства является тот факт, что стоимость создается в производстве, а обмен, распределение и потребление не могут изменить ее величины, за исключением тех случаев, когда имеет место порча или уничтожение потребительных стоимостей, являющихся носителями стоимостей. Выражающая эти факты экономической действительности трудовая теория стоимости является одной из основ марксистской экономической теории, а ее истинность — одним из самых твердых доказательств справедливости основного тезиса исторического материализма об определяющей роли производства и воспроизводства материальных благ в жизни человеческого общества.

К сожалению, не все экономисты видели, к примеру, ту связь, которая существует между принципом примата производства и трудовой теорией стоимости. В итоге выдвигались предложения по «совершенствованию» этой теории, которые не только не считались с истинным содержанием трудовой теории стоимости, но и были направлены против основной посылки исторического материализма, что лишало экономические исследования надежной методологической основы.

Что происходит, когда ремесленники берутся подправлять или, чего доброго, дописывать полотна гениальных художников? Реставраторам приходится брать скребок и снимать слой поздних красок. Впрочем, всякое сравнение хромает: трудовая теория стоимости — не музейный экспонат, а современный метод экономических исследований.

Выше рассматривались попытки отрицать материалистический характер трудовой теории стоимости, пересмотреть ее путем применения понятия стоимости не только к материальным благам, но также и идеям и услугам различного рода, ко всему, что можно считать

результатом человеческой деятельности или даже только деятельностью.

Теперь речь пойдет о таких видоизменениях в построении трудовой теории стоимости, которые делают величину стоимости материальных благ зависящей не только от труда, затраченного в сфере материального производства производительными работниками, но и от самых различных факторов, ничего общего с материальным производством не имеющих. Тем самым разрывается связь теории стоимости с основной посылкой исторического материализма о примате производства материальных благ, трудовая теория стоимости превращается в разновидность теории спроса и предложения, с элементами теории факторов производства.

Здесь мы рассмотрим три направления попыток пересмотреть трудовую теорию стоимости: одно наиболее серьезное (см. 3.1), одно, связанное с некорректным использованием математического аппарата (3.2), и одно экстравагантное, представляющее подрыв трудовой теории стоимости изнутри (3.3).

3.1. О «новом» определении общественно необходимых затрат труда

Введенное Марксом в I томе «Капитала» понятие количества труда, общественно необходимого для производства товара¹, по единодушному признанию экономистов развивалось и в следующих томах этой работы.

Для одних экономистов, однако, это признание означает, что данное понятие в дальнейшем было поставлено в связь с новыми более сложными явлениями и использовано для их объяснения. Была показана роль понятия «общественно необходимый труд» в раскрытии все более усложняющегося механизма капиталистической экономики и, в частности, его роль в объяснении механизма ценообразования и распределения общественного труда по отраслям общественного производства и т.д. Тем самым углублен и развит качественный смысл

---

¹ «Общественно необходимое рабочее время есть то рабочее время, которое требуется для изготовления какой-либо потребительной стоимости при наличных общественно нормальных условиях производства и при среднем в данном обществе уровне умелости и интенсивности труда». — Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 47.

понятия при том, что количественной характеристикой этого понятия всегда были и остаются средние затраты.

Для других экономистов признание того, что понятие общественно необходимого количества труда развивалось, равносильно признанию изменения и количественной определенности этого понятия¹. При этом последние связывают свой отказ от понимания общественно необходимых затрат как средних затрат с тем, что такое понимание якобы не позволяет объяснить некоторые новые факты, в частности, воздействие на производство структуры общественных потребностей.

С учетом сказанного следует показать, что понимание общественно необходимых затрат труда (о.н.з.т.) как средних затрат может быть с успехом использовано для объяснения этих фактов, и напротив, отказ от такого понимания о.н.з.т. ведет на деле к отказу от трудовой теории стоимости и переходу на позиции теории спроса и предложения.

Величина стоимости товара определяется количеством труда, общественно необходимого для его производства. Следовательно, общественно необходимые затраты труда неразрывно связаны с этой категорией. То или иное понимание о.н.з.т. отражается немедленно и на понимании стоимости.

Закономерная основа цены — стоимость при простом товарном производстве была центром тяготения цен. Ее всестороннее исследование вполне отвечало целям, которые ставил Маркс, работая над «Капиталом»: раскрыть законы возникновения, развития и гибели капиталистического общества. С этих позиций следует рассматривать и категорию о.н.з.т. Следует видеть в о.н.з.т. не величину, определяющую любое колебание цен, а величину, определяющую закономерную основу цен — стоимость².

---

¹ См., например, Шрам К. Основы экономической науки. СПб., 1899; Рахмут В. Некоторые теоретические аспекты образования стоимости базы цен при социализме. *Revue Roumaine des Sciences Sociales. Serie de Science Economiques*, tome 11, №2, 1967. С. 126–127; Ясин Е.Г. Об общественно необходимых затратах труда // Труды Первой Московской конференции молодых ученых. «Экономика». М.: Наука, 1967; Дунаева В.С. Применение математического метода в политической экономии. М.: Мысль, 1969.

² Ср. «Предположение, что товары различных сфер производства продаются по их стоимости, означает, конечно, лишь то, что их стоимость является центром тяготения, вокруг которого вращаются их цены и по которому уравниваются их постоянные колебания вверх и вниз». Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 25, ч. I. С. 195.

Важные характеристики категории о.н.з.т. можно получить, отталкиваясь от простого примера. Предположим, спрос на обувь в обществе простых товаропроизводителей — 100 тыс. пар, а о.н.з.т. на 1 пару — 10 часов. Что произойдет, если обуви будет произведено больше или меньше, чем требует спрос? Прежде чем ответить на этот вопрос, зададимся другим. Каков смысл выражения «общественный спрос на обувь — 100 тыс. пар»? Ведь если спрос эластичен, то величина спроса зависит от цены предлагаемого товара — чем выше цена, тем меньше спрос, и наоборот, чем ниже цена, тем больше спрос.

Какой же смысл мы вкладываем тогда в выражение «спрос на обувь — 100 тыс. пар»? Мы подразумеваем, спрос не при всякой цене, а при той, которая устанавливается в случае, когда производство пропорционально. Мы подразумеваем, следовательно, спрос при цене, стоящей на уровне стоимости. Говорить же о спросе на товар, не указывая или не подразумевая никакой цены, — бессмысленно. Итак, если уточнить одно из условий нашего примера, оно будет выглядеть следующим образом: по стоимости может быть продано не более 100 тыс. пар обуви.

Предположим, что необходимые пропорции производства нарушены только со стороны производителей обуви и фактически произведено 120 тыс. пар обуви. Известно, что по цене, стоящей на уровне стоимости (о.н.з.т. на одну пару — 10 часов), может быть продано только 100 тыс. пар. Следовательно, вся выпущенная обувь может быть продана только по более низкой цене. Снизить цену заставит производителей конкуренция. Если считать для простоты, что снижение цены происходит пропорционально увеличению предложения, то за все 120 тыс. пар обуви производители смогут выручить лишь столько, сколько бы они выручили при продаже 100 тыс. пар стоимости.

Поскольку 10·120000 часов труда принесли производителям столько же, сколько могли бы принести 10·100000 часов (если бы предложение было в размере 100 тыс. пар), то для производителей 10·20000 часов оказалось затраченным впустую рабочим временем. Правда, отсюда не следует, что это время оказалось затраченным впустую с точки зрения потребителей. Они приобрели обуви на 20 тыс. пар больше и реализуют теперь ее потребительскую стоимость. Поскольку цена одной пары обуви оказалась $10 \cdot \frac{100}{120} = 10 \cdot \frac{5}{6}$ часов, т.е. всего $\frac{5}{6}$ стоимости, то, хотя

о.н.з.т. на одну пару обуви 10 часов, производители выручат лишь $\frac{5}{6}$ этой величины.

Это приведет к тому, что часть производителей обуви перейдет в те отрасли, где цены позволяют получать за свой труд сполна, предложение обуви упадет. Предположим, оно упало до 80 тыс. пар, т.е. всего затрачено $80000 \cdot 10$ рабочих часов. Мы знаем, что даже 100 тыс. пар может быть продано по еще более высокой цене. Если считать, что цена увеличилась пропорционально сокращению предложения, то производители повысят цены до $10 \cdot \frac{100}{80} = 10 \cdot \frac{5}{4}$ часов рабочего времени. В этом случае уровень цены поднялся выше общественно необходимых затрат.

Такие колебания будут продолжаться и в дальнейшем. Причем, мы имеем два вида колебаний: цена пары обуви будет колебаться около 10-часового уровня, а общая сумма рабочего времени, затраченного на производство обуви (в первом случае это 1200000 часов, во втором 800000 часов), будет колебаться около необходимого пропорционального количества общественного рабочего времени, «выделенного» обществом на производство обуви — около величины в 1 млн. часов.

Поскольку 10 часов, — средние затраты, — оказываются центром колебаний цен, то по самой сути дела они и должны считаться определяющими величину стоимости (ту величину, около которой в простом товарном производстве колеблются цены). О.н.з.т. на производство единицы продукта не зависят, следовательно, от потребностей. Зато от потребностей зависит вся сумма рабочего времени, выделенная на производство обуви. Действительно, объем потребностей в товаре является одним из факторов, формирующих спрос на товар (два других важнейших фактора — цены и доходы).

С увеличением потребности в обуви возрастет спрос на нее, и по стоимости можно будет продать уже не 100 тыс., а, скажем, 150 тыс. пар обуви. Тогда, если общественно необходимые (средние) затраты на 1 пару составляют по-прежнему 10 часов труда, цены снова будут колебаться около этой величины. Но общая сумма рабочего времени, затраченного обществом на производство обуви, будет колебаться уже около $150000 \cdot 10 = 1,5$ млн. часов, поскольку теперь эти 1,5 млн. часов определяют необходимо пропорциональное количество труда, выделяемое обществом на производство обуви.

С соответствующими модификациями то же рассуждение может быть проделано и для случая капиталистического производства. Там общественный спрос определяется числом товаров, которое может быть продано по цене, стоящей на уровне модификации стоимости. Колебания всей суммы рабочего времени происходит около величины, полученной умножением объема общественного спроса и величины о.н.з.т. для производства единицы продукта. Цены колеблются не около величины о.н.з.т. на производство товара, а около величины, соответствующей модификации стоимости.

Маркс во втором томе «Капитала» предупреждал от того «ошибочного представления, согласно которому меновая стоимость равна стоимости и форма стоимости есть сама стоимость; следовательно (согласно этому представлению. — *А.З., М.П.*), товарные стоимости не могут сравниваться, если они активно не функционируют как меновые стоимости, т.е. если их невозможно действительно обменять друг на друга»¹.

Меновая стоимость выступает как то действительное отношение, в котором обмениваются товары. Если считать, что стоимость товара определяется средними затратами труда на его производство, или, иначе, что определением о.н.з.т.² служат средние затраты, то совсем не обязательно считать, что меновая стоимость тоже определяется средними затратами.

Меновая стоимость — то отношение, в котором действительно обмениваются товары, может определяться, например, по худшим условиям производства, или, при фиксированном предложении, зависеть от спроса, от потребностей. Меновая стоимость и стоимость относятся друг к другу как явление и сущность. Поэтому неверно было бы переносить свойства меновой стоимости на саму стоимость и ставить стоимость в зависимость от спроса, от потребностей. Это значило бы сойти с позиций сторонника монистической трудовой

---

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 24. С. 122.

² Нельзя отождествлять экономический термин о.н.з.т. и выражение «Затраты труда, необходимые обществу». О.н.з.т. есть субстанция стоимости и определены Марксом в «Капитале» как затраты абстрактного труда в средних общественных условиях. Что же касается необходимых обществу затрат, то ими могут являться одновременно затраты в самых худших условиях производства, и в самых лучших, и в средних. Это выражение имеет тогда лишь тот смысл, что без этих затрат нельзя обойтись, нельзя удовлетворить спрос, обеспечить выпуск продукции в необходимом количестве.

теории стоимости и сделать шаг в сторону теории спроса и предложения.

Другое дело меновая стоимость или цены. Цены при данном предложении зависят, конечно, от потребностей, от платежеспособного спроса, и только за достаточно длительный промежуток времени при условии свободного производства материальных благ сводятся к своей основе — стоимости для простого товарного производства или модификации стоимости для капиталистического товарного производства.

В третьем томе «Капитала» Маркс писал: «Если это разделение (труда внутри всего общества. — *А.З., М.П.*) пропорционально, то продукты различных групп продаются по их стоимости (при дальнейшем развитии по их ценам производства) или же по ценам, которые суть модификации этих стоимостей, соответственно цен производства, определяемых общими законами. Закон стоимости в действительности проявляется не по отношению к отдельным товарам или предметам, но каждый раз по отношению ко всей совокупности продуктов отдельных сфер производства; так что не только на каждый отдельный товар употреблено лишь необходимое рабочее время, но и из всего общественного рабочего времени на различные группы употреблено лишь необходимое пропорциональное количество».¹

В соответствии с приведенным здесь высказыванием Маркса назовем необходимым пропорциональным количеством продуктов данной товарной группы такое количество, которое производится, когда разделение труда внутри общества пропорционально и на различные товарные группы употреблено необходимое пропорциональное количество всего общественного рабочего времени.

В этом случае продукты различных групп продаются по их стоимостям (при дальнейшем развитии по их ценам производства). Следовательно, если пропорциональность нарушена за счет несоответствия производства платежеспособной потребности только по данной товарной группе, то необходимое пропорциональное количество продуктов данной товарной группы может быть исчислено как максимальное количество продуктов этой группы, которое удалось бы продать по стоимости (по цене производства). Воспользуемся этим замечанием и покажем, что для понимания приведенной выше выдержки

---

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 25, ч. II. С. 185.

из III тома «Капитала» вовсе не требуется отказ от определения о.н.з.т., данного Марксом в I томе.

Рассмотрим сначала простое товарное производство. Обозначим о.н.з.т. на производство некоторого товара (в смысле определения, данного Марксом в I т. «Капитала») через p . Пусть n — наибольшее количество этого товара, которое может быть поглощено рынком по цене, равной p , т.е. n — необходимое пропорциональное количество товара (спрос, соответствующий цене, установленной на уровне о.н.з.т.).

Пусть m — число действительно выпущенных товаров. Если $m \neq n$, то говорим, что наблюдается непропорциональность в производстве товаров и на всю совокупность товаров рассматриваемого вида затрачено больше (при $m > n$) или меньше (при $m < n$) общественного рабочего времени, чем необходимое пропорциональное количество. То есть $mp > np$ или $mp < np$, соответственно наблюдается отклонение меновых стоимостей от стоимостей, определенных о.н.з.т. в марксовом понимании (средние затраты).

Это отклонение вынуждает к уменьшению или увеличению объема производства m данного продукта до тех пор, пока не будет достигнута пропорциональность, то есть пока m не станет равным n , (где n — общественный спрос на продукцию данного вида), и пока меновая стоимость (как величина, вместе с которой колеблются цены) не станет равной стоимости — закономерной основе цены. Раз m станет равным n , то на производство всей массы данного продукта будет затрачено $mp = np$ общественного труда, т.е. необходимое пропорциональное количество, отвечающее общественной потребности.

Отклонение меновой стоимости от стоимости происходит всякий раз, когда продукта произведенного больше или меньше, чем необходимо для удовлетворения закономерного спроса ($m > n$ или $m < n$), то есть когда на всю массу продукта затрачено общественно необходимое количество np , определяемого платежеспособной общественной потребностью и затратами труда p на единицу продукта. Это отклонение вызывает всегда обратное движение цен (посредством сокращения или расширения производства), направленное к устранению первоначального отклонения¹. Таким образом, общественно необходимое рабочее время mp , затраченное на всю массу продукта,

---

¹ Следует подчеркнуть, что в стихийно регулируемом капиталистическом производстве пропорциональность достигается только через постоянные отклонения от необходимых пропорций.

постоянно стремится к необходимо пропорциональному количеству его рп.

В этом смысле и можно говорить что «закон стоимости в действительности проявляется не по отношению к отдельным товарам или предметам, но каждый раз по отношению ко всей совокупности продуктов отдельных обособившихся благодаря разделению труда общественных сфер производства; так что не только на каждый отдельный товар употреблено лишь необходимое рабочее время, но и из всего общественного рабочего времени на различные группы употреблено лишь необходимое пропорциональное количество»¹.

В самом деле, мы видели, что не только на каждый отдельный товар употребляется в среднем лишь общественно необходимое рабочее время (раз о.н.з.т. определяются как средние затраты), но и на различные группы товаров, если взять достаточно большой промежуток времени, употребляется лишь необходимое пропорциональное количество общественного труда. Последнее следует из того, что рабочее время, затраченное на эти группы, как было показано, постоянно стремится к необходимому пропорциональному количеству.

Закон стоимости для простого товарного производства означает, что цена стремится к стоимости. Это обеспечивается стремлением для каждой группы товаров m к n , следовательно, rp стремится к rp , а при $m = n$ для каждой группы товаров $rp = rp$, т.е. «из всего общественного рабочего времени на различные группы употреблено лишь необходимое пропорциональное количество»².

Заметим, что количество товара n , которое может быть продано по цене p , стоящей на уровне стоимости, вообще говоря, зависит не только от интенсивности потребностей в продуктах данного вида и о.н.з.т. на производство единицы продукта. Поскольку речь идет о платежеспособном спросе, это количество зависит и от о.н.з.т. на

---

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 25, ч. II. С. 185.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Ср. также: «Чтобы товар мог быть продан по его рыночной стоимости, т.е. в соответствии с содержащимся в нем общественно необходимым трудом, для этого все количество общественного труда, употребленного на производство всей массы данного вида товаров, должно соответствовать величине общественной потребности в них, т.е. платежеспособной общественной потребности. Конкуренция, колебания рыночных цен, соответствующие колебаниям между спросом и предложением, всегда стремятся свести к этой мере общее количество труда, затраченного на каждый вид товаров». — Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 25, ч. I. С. 211.

производство всех других продуктов, и от интенсивности потребностей в этих продуктах. Однако при данных затратах о.н.з.т. на все виды продуктов и при данных потребностях в других, когда распределение доходов неизменно, спрос n на рассматриваемый продукт есть функция только потребностей в этом продукте.

Закон стоимости, вынуждая фактически выпущенное количество продуктов m стремиться к n , осуществляет тем самым учет потребностей. Стремление всего общественно необходимого труда, затраченного в отрасли, к необходимому пропорциональному его количеству pn обеспечивает, следовательно, регулирование распределения труда между отраслями в соответствии с потребностями в продуктах этих отраслей.

Как видим, для получения этого вывода нам вовсе не потребовалось отказываться от определения о.н.з.т., данного Марксом в I томе «Капитала». Напротив, мы это определение существенно использовали при нахождении необходимого пропорционального количества труда, которое выделяется обществом для производства продукта в соответствии с общественной потребностью.

Эти выводы получены при рассмотрении простого товарного производства, но почти буквально все может быть повторено и для другого рассматриваемого Марксом случая, когда имеется модификация стоимости. Пусть о.н.з.т. (в смысле определения, данного Марксом, см. т. I «Капитала») на производство единицы товара равны p , то есть стоимость продукта равна p . Предположим, что q — закономерный уровень цены, соответствующий модификации стоимости. Обозначим через n максимальное количество продукции, которое может быть поглощено рынком по цене q . Это n теперь будет определять необходимое пропорциональное количество pn общественного рабочего времени, которое может быть употреблено на всю массу рассматриваемого товара в соответствии с общественным спросом. Закон стоимости здесь действует так, что меновая стоимость (как величина, вместе с которой колеблются цены) стремится к q . Это осуществляется при стремлении действительно выпущенного количества данного товара к n . Ясно, что вместе со стремлением m к n происходит и стремление pm к pn . И в этом случае закон стоимости проявляется так, что «из всего общественного рабочего времени на различные группы употреблено лишь необходимое пропорциональное количество»¹.

---

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 25. С. 185.

Таким образом, утверждение о том, что на каждую сферу производства должно выделяться необходимое пропорциональное количество всего общественного рабочего времени, является прямым выражением закона стоимости. Ведь из утверждения о том, что количество выпущенной продукции стремится к количеству, при котором цена устанавливается на уровне стоимости (или модификация стоимости), немедленно следует, что общественно необходимое рабочее время, затраченное на всю массу каждого вида продукции, стремится к необходимому пропорциональному количеству. Это количество зависит в свою очередь от величины платежеспособной общественной потребности и о.н.з.т. на производство единицы продукта.

Выясним теперь, можно ли без ущерба для трудовой теории стоимости считать, что категория о.н.з.т. не только развивалась в качественном отношении, но изменила и свою количественную определенность. Сторонники такой точки зрения считают, что если товара произведено больше, чем необходимое пропорциональное количество, то только та сумма труда, которая затрачена на производство продуктов, количественно соответствующих общественной потребности, создает стоимость. В.В. Новожилов пишет, например: «Качественное и количественное соответствие товара потребности в нем есть необходимое условие, чтобы затрачиваемый на него труд создавал стоимость»¹.

Посмотрим, какое же определение в таком случае должен получить общественно необходимый труд, затраченный на производство единицы товара, что за ним стоит. Если товаров некоторого вида произведено больше, чем необходимое пропорциональное количество, то нам предлагают считать труд, затраченный на производство товарного излишка, не создающим стоимости. Тогда стоимость всех выпущенных продуктов данного вида определяется общественно необходимым трудом, затраченным только на необходимое пропорциональное количество товаров.

Разделив так определенную стоимость всех выпущенных товаров на число этих товаров, мы получим стоимость единицы. Стоимость единицы товара в свою очередь определяется общественно необходимым трудом на производство товарной единицы. Следовательно, общественно необходимый труд на производство

---

¹ Новожилов В.В. Проблемы измерения затрат и результатов при оптимальном планировании. М.: Экономика, 1967. С. 368.

товарной единицы тоже есть частное от деления общественно необходимого труда, затраченного для производства необходимого пропорционального количества товаров, на общее количество выпущенных товаров (1). Но общественно необходимый труд, затраченный на производство необходимого пропорционального количества товаров, определяется, с другой стороны, как сумма общественно необходимых затрат на единицу тех продуктов, которые входят в необходимое пропорциональное количество (2).

Мы получили противоречие, так как общественно необходимый труд на производство необходимого пропорционального количества товаров, с одной стороны (см. (1)), равен сумме о.н.з.т. всех товаров, а с другой стороны, (см. (2)) только тех, которые входят в необходимое пропорциональное количество.

От этого противоречия, не отступая от рассматриваемой точки зрения, можно избавиться, если пропорциональность производства мерить с помощью общественно необходимых затрат в том значении, какое им придавал Маркс в I томе «Капитала», но не считать их при этом о.н.з.т. За величину о.н.з.т. тогда придется принять величину, предлагаемую Е.Г. Ясиным, полученную путем деления общественно необходимого труда в марксовом понимании, затраченного для производства необходимого пропорционального количества продуктов, на количество всех выпущенных продуктов данного вида. Эта величина предлагалась Е.Г. Ясиным¹ в качестве величины, определяющей стоимость. Чтобы понять, к чему приводит такое понимание количественной стороны о.н.з.т., представим выдвинутый Е.Г. Ясиным метод определения о.н.з.т. подробнее.

Обозначим через p — о.н.з.т. на производство единицы продукта, т.е. p — величина, полученная в соответствии с определением, данным Марксом в I т. «Капитала». Пусть n — максимальное число продуктов данного вида, которое может быть продано по стоимости, а m — действительно выпущенное количество продуктов.

Тогда о.н.з.т. на одну товарную единицу в определении Е.Г.Ясина есть частное от деления необходимого пропорционального количества рабочего времени pn , выделенного обществом для производства продуктов данного вида, на общее количество выпущенных продуктов

---

¹ Ясин Е.Г. Об общественно необходимых затратах труда // Труды Первой Московской гор. конференции молодых ученых. «Экономика». М.: Наука, 1967. С. 36.

т. Если обозначить эти затраты через $\bar{p}$, то $\bar{p} = p \frac{n}{m}$. Ясно, что $\bar{p}$ совпадает с p только при $m=n$.

Итак, общественно необходимыми затратами труда на единицу товара предлагается считать $\bar{p}$, а не p , соответственно — что именно $\bar{p}$ определяет стоимость товара, а не p . Но $\bar{p}$ зависит не только от труда p , но и от спроса (n) и предложения (m) (ведь $\bar{p} = p \frac{n}{m}$). Таким образом, стоимость представляется зависящей от спроса и предложения. «Более развитое выражение о.н.з.т.» оказывается на деле отголоском теории спроса и предложения.

Если бы было сказано, что $\bar{p}$, т.е. затраты труда по условиям потребления, определяют меновую стоимость при данном предложении, то это не подрывало бы трудовой теории стоимости, поскольку меновая стоимость не равна стоимости. И действительно, тогда сужение спроса означало бы понижение не стоимости, а меновой стоимости ниже p и понижение цен, расширение спроса — повышение меновой стоимости и цены выше p .

Но вся беда в том, что по условиям потребления предлагают определять именно стоимость. В зависимость от рынка, от спроса и предложения ставится не цена, не меновая стоимость, а стоимость. Такое толкование общественно необходимых затрат, лежащих в основе стоимости, отрицает ядро трудовой теории стоимости. Хороша была бы стоимость, которая все время скачет из-за того, что случайно выпускается больше или меньше продуктов (m), сужается или расширяется спрос (n), вопреки тому, что не изменились ни условия производства, ни его технология, ни производительность труда.

К сожалению, забвение примата производства проявилось и в книге В.С. Дунаевой¹. В.С. Дунаева на стр. 12 правильно указывает, что «субстанцией стоимости служит труд, а не потребительная стоимость», а на стр. 16 вдруг оказывается, что «величина стоимости товара зависит от признания его общественной полезности». Последнее утверждение находится в вопиющем противоречии с марксистской методологией, в чем мы можем убедиться с помощью самого же критикуемого автора. «Важнейшим условием общественного признания вещи, — пишет

---

¹ Дунаева В.С. Применение математического метода в политической экономии. М.: Мысль, 1969.

В.С. Дунаева, — является количественное соответствие массы произведенных продуктов данного вида величине общественной потребности в них»¹. Под этим В.С. Дунаевой подразумевается соответствие предложения спросу. Именно спросу, поскольку, по словам самой же В.С. Дунаевой, общественная потребность в товаре формируется и под воздействием таких факторов, «как уровень доходов населения, соотношение цен на различные товары и т.п.»². Итак, «величина стоимости товара зависит от признания его общественной полезности», признание его общественной полезности — от спроса и предложения, величина стоимости товара зависит, следовательно, от спроса и предложения — совсем не новая теория.

Теперь можно по достоинству оценить высказывание одного из сторонников «развитого» толкования о.н.з.т. И. Рахмута (Румыния): «Общественно необходимое рабочее время и, следовательно, стоимость товара образуется и в зависимости от меры, в которой совокупность товаров какой-то категории обеспечивает потребности всего общества в этом товаре»³. Это высказывание свидетельствует о том, что в определении стоимости И. Рахмут порывает с принципом примата производства, порывает с монизмом трудовой теории стоимости и, включая меру удовлетворения общественных потребностей в число факторов, определяющих величину стоимости товара, становится на почву экономического дуализма.

Теперь понятно, почему эту же точку зрения защищал экономист К. Шрам (в книге «Основы экономической науки», СПб, 1899 г.). «Этот автор с определенностью, не допускающей никаких кривотолков, утверждает, что для того, чтобы мы назвали трудовые затраты общественно необходимыми, совершенно недостаточно, чтобы эти затраты соответствовали средним условиям общественной техники, — требуется также, чтобы это время было необходимым с точки зрения общественной потребности»⁴.

Экономисты, понимающие развитие категории о.н.з.т. не только как ее качественное развитие, но и как изменение количественной определенности данной категории, стали жертвами целого ряда ошибок

---

¹ Там же. С. 14.

² Там же. С. 14.

³ Рахмут И. Некоторые теоретические аспекты образования стоимости базы цен при социализме. *Revue Roumaine des Sciences Sociales. Serie de Sciences Economiques*. Tome 11, № 2, 1967. С. 126–127.

⁴ Кон А. Курс политической экономии. Госиздат. 1929. С. 75.

и недоразумений. Некоторые из них не заметили за рассуждениями о «трудовых затратах» теорию спроса и предложения. Но этого могло и не произойти, если бы не смешение меновой стоимости и стоимости и если бы не смешение экономического термина «общественно необходимые затраты труда на производство товара» и выражения «затраты труда, необходимые обществу».

Те затраты труда, которые пошли на производство продуктов, количественно соответствующих общественному спросу, мы вправе называть необходимыми обществу, необходимыми по условиям спроса, по условиям потребления и т.д. Сохраняя то же значение, мы можем сказать про них: общественно необходимые затраты. Но здесь последние три слова рассматриваются не как специально определенный экономический термин, а в соответствии с их буквальным смыслом.

Точно так же мы вправе те затраты труда, которые пошли на продукты, превышающие общественный спрос, не считать необходимыми обществу или, переставляя слова и сохраняя смысл, не считать общественно необходимыми. При этом единственный смысл, который мы вкладываем в эти выражения: данные затраты труда обществу нужны или не нужны, смогут продавцы реализовать в обмене рыночную стоимость¹ товаров или не смогут.

Другое дело — экономический термин «о.н.з.т. на производство товара». Смысл любого экономического термина, в том числе и этого, должен быть специально определен. Определение этому термину было дано Марксом в I томе «Капитала» и говорит о том, сколько в среднем абстрактного труда требуется обществу для производства данного товара. Совершенно очевидно, что и для тех единиц товара, которые превосходят необходимое пропорциональное количество или вообще остаются за пределами платежеспособного спроса, может быть поставлен вопрос, сколько труда в среднем требуется для их изготовления, или, используя соответствующий экономический термин, какова величина общественно необходимых затрат труда на их производство. Здесь о.н.з.т. используются уже как экономический термин, а не как смысловое выражение, значение которого складывается из значений входящих в него слов.

И. Рахмуг был бы совершенно прав, говоря, что «общественно необходимое время работы формируется и в зависимости...от

---

¹ Рыночная стоимость рассматривается здесь как устойчивый центр колебания цен.

структуры совокупного общественного продукта, и от меры, в которой эта структура покрывает структуру общественных потребностей», если бы и продолжал говорить о времени работы, необходимом для выпуска продукта в количестве, которое требуется обществу. Однако он спутал это выражение с термином «общественно необходимое рабочее время» и, следовательно, «стоимость товара образуется в зависимости от меры, в которой совокупность товаров какой-то категории обеспечивает потребности всего общества в этом товаре»¹. Вместо трудовой теории — экономический дуализм, несовместимый с принципом примата производства.

Поясним значение еще одной выдержки (из X гл. III тома «Капитала»), наводившей на мысль об изменении количественной определенности о.н.з.т.

«...Раз определенный товар произведен в количестве, превышающем наличную общественную потребность, часть общественного рабочего времени оказывается растроченной попусту, и вся масса товаров представляет тогда на рынке гораздо меньшее количество общественного труда, чем то, которое в ней действительно заключается... Поэтому эти товары должны быть проданы ниже их рыночной стоимости, а часть их и вовсе не может быть продана»².

Как видим, Маркс в приведенной выше выдержке из тома III «Капитала» отнюдь не вводит измененного определения общественно необходимого труда или стоимости. Он показывает, что отклонение величины предложения товаров от необходимого количества неразрывно связано с отклонением всей суммы затраченного на эти товары общественного рабочего времени от необходимого пропорционального количества. Это влечет за собой отклонение цены от рыночной стоимости или даже уничтожение части продукции.

По форме высказывание Маркса построено так, что непосредственной причиной отклонения цен от рыночной стоимости кажется только непропорциональность в затратах общественного рабочего времени. Но дело в том, что факт непропорциональности в количествах продукции каждого вида эквивалентен факту непропорциональности в распределении общественного рабочего времени по соответствующим отраслям. Как из первого следует второй, так и из второго следует первый. Поэтому каждый из них можно

---

¹ Рахмут И. Цит.соч. С. 126–127.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 25, ч. I. С. 205.

назвать причиной отклонения цен от рыночной стоимости. А на рынке причиной выступает только непропорциональность в количествах произведенных товаров, поскольку связь потребностей с производством осуществляется через продукт.

Теперь можно переходить к выводам. Высказывания Маркса в третьем томе «Капитала» не свидетельствуют об изменении количественной определенности о.н.з.т. Нельзя определять о.н.з.т. на производство товара по условиям потребления, не покидая позиции трудовой теории стоимости, не порывая с принципом примата производства. Общественно необходимый труд на производство товара, образующий субстанцию стоимости, не зависит от объема потребности в товаре.¹ От величины потребности зависит зато количество этого труда, которое должно быть выделено на производство всей массы товаров данного вида, чтобы они могли быть проданы по рыночной стоимости. Это количество труда Маркс тоже называет необходимым количеством.

3.2. Трудовая теория стоимости и разработка ее математического аппарата

Бурное развитие линейного программирования и общепризнанные успехи его в решении конкретно-экономических задач сделали вполне естественным стремление в максимальной степени расширить сферу использования методов линейного программирования. Неудивительно поэтому попытки применить их и для разрешения теоретических вопросов политэкономии.

При критическом подходе к использованию аппарата линейного программирования подобные попытки могут принести только пользу. К сожалению, в ряде случаев использование этого аппарата свелось к таким изменениям теоретических конструкций политической экономии, которые означали втискивание этих построений в прокрустово ложе неадекватного им математического аппарата и шли вразрез с принципом примата производства.

Примером служат попытки истолковать «объективно обусловленные оценки» (о.о. оценки) в качестве количественной основы стоимости. Подобные попытки предпринимались неоднократно², хотя на

---

¹ Конечно, при условии, что с изменением объема производства технология не меняется.

² См., например, Петраков Н.Я. Хозяйственная реформа: план и экономическая самостоятельность. М.: Мысль, 1971.

несостоятельность истолкования о.о. оценок в качестве основы стоимости указал еще В.С. Немчинов в предисловии к известной книге Л.В. Канторовича¹.

В дискуссии «Экономисты и математики за круглым столом» Л.В. Канторович заявил, что ему не хуже политэкономов по специальности известно, что стоимость определяется общественно необходимыми затратами труда. Однако это заявление в устах Л.В. Канторовича вовсе не означало отказа от позиций отождествления стоимостей и о.о.оценок. Дело в особом понимании общественно необходимых затрат труда, предложенном Л.В. Канторовичем в одной из его статей².

Л.В. Канторович коэффициентом приведения индивидуальных затрат к затратам среднего труда называл отношение двойственной оценки продукции к величине трудовых затрат на ее производство. Ничего общего, кроме поверхностной аналогии, операция умножения на этот коэффициент с приведением индивидуальных затрат труда к затратам среднего труда не имеет.

Л.В. Канторович предлагал коэффициент, на который требуется умножить индивидуальные затраты, чтобы получить двойственную оценку произведенного продукта. Этот множитель был бы множителем приведения индивидуальных затрат к затратам среднего труда лишь в том случае, если бы величина оценки и величина затрат среднего труда были бы равны для всех продуктов. Следовательно, для доказательства того, что предложенная им операция действительно является операцией приведения индивидуальных затрат к затратам среднего труда, Л.В. Канторович должен был бы доказать равенство стоимостей двойственным оценкам. Он этого не доказывал.

Доказать это можно только для совершенно исключительных случаев, когда специально подобраны целевая функция и ограничения, например, когда задача линейного программирования имеет вид:

$$\begin{aligned} \min tX, \\ X-AX=B, \end{aligned}$$

где t — вектор затрат живого труда,

A — матрица затрат,

X — вектор валового выпуска.

---

¹ Канторович Л.В. Экономический расчет наилучшего использования ресурсов. М.: Изд. АН СССР, 1959.

² Канторович Л.В. Об исчислении производственных затрат // Вопросы экономики. 1960. № 1.

В этом случае двойственная задача

$$\begin{aligned} \max PB, \\ P(E-A)=t \end{aligned}$$

дает оценки P , совпадающие по величине с полными затратами труда (E — единичная матрица).

В общем случае и, в частности, в модели Л.В. Канторовича, двойственные оценки и стоимости не совпадают. Экономически это вполне объяснимо. Трудовая стоимость потому и называется так, что ее величина зависит только от затрат труда. Двойственные же оценки в общем случае зависят от массы факторов, большинство которых ничего общего с трудом не имеет. Можно перераспределять созданную стоимость пропорционально двойственным оценкам, но ожидать постоянного равенства стоимостей и оценок означает ожидать, что трудовая теория стоимости перестанет быть верной.

Приходится констатировать, что рассмотренная попытка применить аппарат линейного программирования для проведения редукции труда оказалась неудачной. Несостоятельно, следовательно, и утверждение Н.Я. Петракова о том, что оценки представляют собой «коэффициенты редукции непосредственных затрат труда к общественно нормальному уровню».¹

Из сказанного ясно, что отождествление стоимостей и двойственных оценок равносильно отказу от трудовой теории стоимости. Результатом такого отказа служит превращение теории стоимости, отождествляющей о.о.оценки и стоимости, в конгломерат теории факторов и теории спроса и предложения.

В справедливости последнего утверждения мы можем убедиться с помощью одного из наиболее активных сторонников отождествления стоимостей и о.о.оценок Н.Я. Петракова. Он писал: «Как мы видели выше, объективно обусловленные оценки действительно объективно определяются всеми условиями решаемой экономической задачи. Если задача ставится в масштабах всего народного хозяйства, то значение полученных цен-оценок будет соответствовать величине общественно необходимых затрат»². Итак, по Н.Я. Петракову, значение о.о.оценок соответствует величине общественно необходимых затрат и, следовательно, величине стоимости, а поскольку о.о.оценки определяются всеми условиями задачи и, следовательно, всеми факторами производства, то получается, что всеми факторами

---

¹ Петраков Н.Я. Ук. соч. С. 104.

² Петраков Н.Я. Указ. соч. С. 95.

определяется и величина стоимости. Кроме того, «общепризнанно, что объективно обусловленные оценки находятся в непосредственной связи со степенью дефицитности продукции. Но степень дефицитности продукции определяется соотношением спроса и предложения»¹. Стоимость, по Н.Я. Петракову, зависит, следовательно, и от спроса, и предложения. Это — не трудовая теория стоимости, а концепция, порывающая с принципом примата производства.

Заявляя, что «общественно необходимый труд — это труд, оцениваемый (измеряемый) его общественными результатами, т.е. степенью удовлетворения общественной потребности»², Н.Я. Петраков отдавал себе отчет в том, что «такой подход к определению общественного труда снимает проблему о различии факторов, участвующих в процессе создания потребительной стоимости, и факторов, определяющих стоимость»³. Указанный автор даже ставил себе такой подход в заслугу. Однако ключевым пунктом трудовой теории стоимости является именно разграничение процесса создания стоимости и процесса создания потребительной стоимости, выделение труда как субстанции стоимости, как единственного фактора, создающего стоимость, из всех факторов, участвующих в процессе производства и создания потребительной стоимости. Смещение стоимостного и натурально-вещественного аспектов производства, безусловно, ошибочно.

Аппаратом, адекватным трудовой теории стоимости, является аппарат балансовых уравнений. Этот аппарат применим для исчисления средних затрат труда в предположении, что редукция труда проведена. Такое предположение в теоретической политэкономии вполне может быть сделано, тем более, что принципиальная сторона определения коэффициентов редукции ясна (необходимо сравнение затрат общечеловеческой рабочей силы за единицу времени на данном рабочем месте и в средних общественных условиях производства). Здесь мы приводим более общую, чем используемую обычно, систему балансовых уравнений, которая позволяет определить одновременно как средние затраты абстрактного труда на единицу продукции, так и индивидуальные, изобразив механизм усреднения затрат.

Введем следующие обозначения:

---

¹ Там же. С. 85.

² Там же. С. 100.

³ Там же. С. 100.

X_{ij}^{kl} — количество i -ого продукта, произведенного на k -том предприятии, расходуемое для производства j -ого продукта на λ -м предприятии; $i, j=1, \dots, m$; $k, \lambda=1, \dots, n$.

X_j^l — количество j -го продукта, произведенное на λ -м предприятии.

X_j — общее количество j -го продукта, произведенное на всех n предприятиях.

t_j^l — затраты живого труда на единицу j -ого продукта на λ -м предприятии.

t_j — средние затраты живого труда на единицу j -ого продукта.

T_j^l — индивидуальные затраты абстрактного труда (как живого, так и общественного) на λ -м предприятии на производство единицы j -ого продукта, определяющие индивидуальную стоимость единицы j -ого продукта.

T_j — общественно-необходимые (средние) затраты труда на производство единицы j -го продукта, определяющие стоимость единицы j -го продукта.

В принятых обозначениях уравнения, связывающие индивидуальные и средние затраты труда, примут следующий вид:

$$X_j^l T_j^l = t_j^l X_j^l + \sum_{ik} X_{ij}^{kl} T_j, \quad j = 1, \dots, m; \quad \lambda = 1, \dots, n.$$

$$T_j = \frac{\sum X_j^l T_j^l}{X_j}, \quad j = 1, \dots, m.$$

Последние m уравнений записаны, исходя из определения о.н.з.т. как средних затрат. Первые mn — исходя из определения полных затрат как суммы затрат живого и овеществленного труда. Система содержит $mn+m$ уравнений и $mn+m$ неизвестных, следовательно, с помощью нее можно одновременно определить как величины индивидуальных стоимостей продуктов T_j^l , так и стоимостей T_j .

Нетрудно видеть, что сложив уравнения первой группы по l и воспользовавшись последними m уравнениями и уравнениями

$t_j = \frac{\sum_l X_j^l t_j^l}{X_j}$, означаящими, что t_j — средние затраты живого труда на единицу j -го продукта, $j = 1, \dots, m$, мы получим обычные уравнения для определения полных затрат, где $X_{ij} = \sum_{kl} X_{ij}^{kl}$.

В самом деле:

$$\sum_l X_j^l T_j^l = \sum_l X_j^l t_j^l + \sum_{ikl} X_{ij}^{kl} T_i, \quad j = 1, \dots, m,$$

но

$$\sum_l X_j^l T_j^l = X_j T_j \quad \text{и} \quad \sum_l t_j^l X_j^l = t_j X_j,$$

так что получаем следующее уравнение:

$$X_j T_j = X_j t_j + \sum_i X_{ij} T_i \quad \text{или} \quad T_j = t_j + \sum_i a_{ij} T_i,$$

где

$$a_{ij} = \frac{X_{ij}}{X_j}.$$

Подчеркнем, что аппарат балансовых уравнений для исчисления полных затрат труда является адекватным трудовой теории стоимости благодаря тому, что о.н.з.т. определяются как средние затраты.

Рассмотрим теперь, в каком отношении к трудовой теории стоимости стоит математический аппарат теории предельной полезности. Покажем, что этот аппарат не может дать доказательства того, что предельные полезности определяют стоимости продуктов, зато он может быть использован для изображения противоположного влияния — влияния стоимости на величину предельной полезности индивидуального потребителя и поэтому применим в марксистской политэкономии на стадии перехода от сущностных к являющимся категориям. Этот аспект в марксистской политической экономии очень важен, и те авторы, которые фактически не различают субстанцию и явление (например, цитированный выше Н.Я. Петраков по существу не различает стоимость и цену), обедняют экономический анализ и закрывают себе дорогу к исследованию экономических явлений во всей их сложности.

Характерно, что попытки математического оформления идей теории предельной полезности быстро привели к отказу от некоторых весьма

серьезных ее притязаний. Если Джевонс, который наряду с Вальрасом считается основателем математической школы политической экономии, дает еще причинное истолкование выведенному им равенству предельной полезности и цен¹, то в настоящее время лишь очень немногие экономисты продолжают придерживаться этого истолкования.

Применение математики сделало настолько очевидным полное отсутствие оснований для такого истолкования, что экономисты не претендуют более на выяснение причинной зависимости между предельными полезностями и ценами и ограничиваются функциональной. Однако злоключения теории предельной полезности, связанные с разработкой математического аппарата для выражения ее идей, на этом не кончаются.

Воспользовавшись этим аппаратом, легко показать, что при тех предпосылках, которые делаются в неоклассической политической экономии, причинную взаимосвязь можно обнаружить, но только противоположную той, которую выдвигали сторонники теории предельной полезности. Не предельные полезности определяют цены, а цены определяют предельные полезности и поведение потребителя, и, следовательно, именно социальными факторами определяется действие индивидуума на рынке, а не наоборот.

Чтобы убедиться в вышесказанном, рассмотрим модель индивидуального поведения потребителя, выдвинутую представителями математической школы.

Пусть U — функция полезности, заданная на множестве наборов предметов потребления $(x_1, x_2, \dots, x_n)$, изображающая предпочтение потребителя на этом множестве. x_i здесь означает количество i -го продукта в потребительском наборе. Пусть M — доход нашего потребителя, а $p_1, p_2, \dots, p_n$ — цены продуктов.

Предполагаем, что потребитель стремится выбрать самый благоприятный для него набор товаров. Математически это выражается тем, что потребитель стремится к получению набора, максимизирующего его функцию полезности на множестве всех тех продуктов, которые могут быть приобретены на сумму M . Задача,

---

¹ Jevans W.S. The theory of political economy. London, 1924 (первое издание в 1871 г.).

которая стоит перед потребителем, запишется тогда так: найти: $\max U(x_1, x_2, \dots, x_n)$ при $x_1 p_1 + x_2 p_2 + \dots + x_n p_n = M$.

С помощью метода множителей Лагранжа получим, что для выбранного потребителем вектора $(x_1^*, x_2^*, \dots, x_n^*)$, максимизирующего его функцию полезности при данном доходе, справедливы следующие соотношения

$$\frac{\partial U}{\partial X_i}(x_1^*, x_2^*, \dots, x_n^*) = I p_i; i, j = 1, \dots, n. \quad \frac{\partial U}{\partial X_j}(x_1^*, x_2^*, \dots, x_n^*) = I p_j.$$

где $\frac{\partial U}{\partial X_i}$ — предельная полезность i -го продукта,

$\frac{\partial U}{\partial X_j}$ — предельная полезность j -го продукта.

Как видим, в этой модели цены пропорциональны предельным полезностям. Действительно,

$$\frac{\frac{\partial U}{\partial X_i}(x_1^*, x_2^*, \dots, x_n^*)}{\frac{\partial U}{\partial X_j}(x_1^*, x_2^*, \dots, x_n^*)} = \frac{I p_i}{I p_j} = \frac{p_i}{p_j}.$$

Но какой же вывод следует отсюда и, прежде всего, какой отсюда следует математический вывод? Доказано, что для данной модели, какие бы цены ни взять, они всегда окажутся пропорциональны полезностям. Стало быть, возьмем ли стоимостные цены — они будут пропорциональны полезностям, возьмем ли цены производства — тоже, возьмем любые другие — результат не изменится. А из этого следует тот важный вывод, что потребитель просто будет всякий раз выбирать новый набор $(\tilde{x}_1^*, \tilde{x}_2^*, \dots, \tilde{x}_n^*)$ и за счет выбора другого набора значения предельных полезностей на новом наборе окажутся пропорциональными установленным ценам. Цены, следовательно, управляют потребителем, а не потребитель ценами.

Если цены постоянно стоят на уровне стоимости и изменяются только вместе с нею, то для потребителя, который стремится максимизировать свою функцию полезности, предельные полезности для выбранного им набора благ будут постоянно пропорциональны стоимости. Подсунув под равенство словечко «определяют»,

субъективная школа не только отказалась признать примат производства и объективно социальную точку зрения, но и пошла на искажение математических выводов, выдавая равенство за причинное отношение.

Для трудовой теории стоимости, базирующейся на историческом материализме, центр тяготения цен, закономерная основа цен есть выражение определенных производственных отношений, определяется производством. Примат производства для субъективистов — нечто неприемлемое. Их учение сродни индивидуалистической философии, которую они исповедуют, и отражает психологию субъекта, потребляющего, но не производящего, полностью или частично устранившегося от участия в общественном производстве.

Субъективисты утверждают, что цены определяются субъективными оценками. Чтобы привести теорию субъективистов в соответствие с действительностью, ее нужно перевернуть, поставить с головы на ноги. Производство определяет цены и доходы, доходы и цены определяют субъективные оценки и, следовательно, в конечном счете, как цены, так и субъективные оценки определяются производством.

На модели индивидуального поведения потребителя мы видели, как это может происходить и видели, что цены и даже стоимости могут оказаться равными предельным полезностям. Но это равенство марксисты истолкуют в том смысле, что цены управляют субъективными оценками, определяют величину предельных полезностей, а субъективисты, искажая действительность, истолкуют это равенство в противоположном смысле — будто субъективные оценки определяют цены. Если отклонить эти необоснованные претензии субъективистов, то из теории предельной полезности можно извлечь объективно верное. Ее можно использовать для объяснения поведения потребителя на капиталистическом рынке под воздействием складывающихся на рынке цен.

3.3. «Открытие» информационной природы труда

Это «открытие» в советской экономической литературе принадлежит академику В.А. Трапезникову. Приведем по возможности полнее аргументацию, с помощью которой предпринималась попытка доказать информационную природу труда, чтобы читатель смог

самостоятельно оценить ход мысли, приведший к такому сногшибательному выводу.

«При создании потребительной стоимости, — писал В.А. Трапезников, — используются вещество, энергия и информация. Употребляя вещество, живой организм «генерирует» лишь в процессе размножения. Энергию (механическую, мускульную) человек «генерирует» при любом виде труда, однако в настоящее время, при общей высокой энерговооруженности, эта энергия почти не имеет значения. В самом деле, средняя мощность, развиваемая человеком физического труда, составляет около 50 ватт. При существующих тарифах на энергию стоимость механической (мускульной) энергии, «генерируемой» человеком, например, землекопом, не превосходит 1% от получаемой им зарплаты. В таком случае, за какой же компонент труда человек получает зарплату? Если не за вещество и не за энергию, то, следовательно, ему оплачивается «генерируемая» им управляющая информация.

В процессе любого труда, — продолжал академик В.А. Трапезников, — да и вообще в любых условиях сознательной жизни, человек непрерывно управляет, идет ли речь о людях физического или умственного труда. Землекоп управляет движением рук, держащих лопату, машинист — работой механизма, руководитель управляет работой предприятия, начальник статистического управления — движением информации, художник, артист, композитор управляют эмоциями людей. Разумеется, каждый из них «генерирует» и известное количество мускульной энергии, однако это, как уже отмечалось, почти не имеет значения. Ведь и в области физического труда, не говоря уже о тонких процессах ремесла, главным является умение, сноровка.

Следовательно, основной продукт труда — это информация (Подчеркнуто не нами. — А.З., М.П.), частично овеществляемая в предметах труда, частично расходуемая в процессе управления на борьбу с энтропией (неупорядоченностью). Отсюда вытекает, что результат труда, а значит и стоимость (Подчеркнуто автором. — А.З., М.П.) любого продукта труда, строго говоря, должна измеряться в масштабе информации (Подчеркнуто автором. — А.З., М.П.). Таким образом, и стоимость производственных фондов — это, в известном масштабе, запасенная информация.

Производство любого продукта требует использования трех компонентов — вещества, энергии и информации; поэтому и его стоимость определяется суммой этих компонентов. Содержание

вещества в готовом продукте легко измерить — вещество сохраняется. Затраты энергии могут быть измерены в процессе производства. Но информацию, израсходованную в процессе производства, пока измерить невозможно. Косвенно «расход» информации в какой-то мере характеризуется общей зарплатой работающих на основе установленных разрядов, должностных окладов и премий, зависящих от квалификации и результативности работающих.

Однако истинный объем управляющей информации, «генерируемой» отдельным человеком или коллективом, далеко не всегда соответствует зарплате. Так, например, существуют эффективно и неэффективно работающие НИИ и КБ, хорошие работники и «болтуны», и «генерируемая» ими полезная информация может быть совсем не пропорциональной их зарплате, т.е. учитываемым затратам¹.

Да, да, существуют «хорошие работники и «болтуны», и «генерируемая» ими полезная информация может быть совсем не пропорциональной их зарплате», что верно, то верно. В приведенной выше выдержке так много экономических и логических ошибок, что, право, испытываешь затруднение от избытка возражений. Попытаемся все же разобрать аргументацию В.А. Трапезникова.

Первое, что бросается в глаза, — это постоянное смешение затрат и результатов. «При создании потребительной стоимости, — пишет сначала В.А. Трапезников, — используются вещество, энергия и информация», т.е. результатом труда им признается потребительная стоимость, а затратами считаются вещество, энергия и информация. Потом вдруг оказывается, что затрачивается труд, а его продуктом является информация («основной продукт труда — это информация») и, наконец, делается огромной логической силы вывод: «результат труда, а значит (не у Д.Б. Кларка ли В.А. Трапезников позаимствовал это замечательное «значит»?) и стоимость (!) любого продукта труда...должна измеряться в масштабе информации».

В дополнение к этим ошибкам В.А. Трапезников считает правомерным сводить затраты общечеловеческой рабочей силы к затратам энергии, вещества и информации, как будто бы целое есть простая сумма частей, и затраты человеческой рабочей силы могут быть рассмотрены как механическое соединение трех указанных компонентов. Сама постановка вопроса: «за какой же компонент труда

---

¹ Трапезников В.А. Темп научно-технического прогресса — показатель эффективности управления экономикой // Автоматика и телемеханика. 1971. № 4. С. 17.

человек получает зарплату?» содержит в себе нелепое предположение, что такое сложное явление, как труд, может быть целиком и полностью сведено к одной из трех элементарных категорий. Достаточно вспомнить хотя бы то, что затраты рабочей силы очень часто означают прямое сокращение человеческой жизни, которая не сводится ни к веществу, ни к энергии, ни к информации, чтобы убедиться в недопустимости производимой В.А. Трапезниковым операции.

То, что в статье В.А. Трапезникова выглядело как экстравагантное отклонение от преобладающих в советской экономической литературе представлений о природе стоимости, в западной литературе получило оформление в рамках концепции «информационного общества», возникшей в начале 60-х гг. XX века, а также в примыкающей к ней концепции «общества знаний».

Как отмечается в аналитических работах, согласно этим, ныне модным и в России концепциям, «в экономике вообще и трудовой деятельности в частности, главную роль начинает играть созидание и использование знаний»¹. Тем самым, при оценке роли знаний в экономике налицо уже отмечавшееся смешение фактора и результата производства. Основным и непосредственным результатом материального производства выступают не знания, а предметы, энергия или их перемещение. К тому же знание не выступает как непосредственный фактор производства, оно воплощается либо в повышении квалификации труженика, либо в более производительных средствах производства.

Предпринимаются попытки подвести философскую базу под концепцию «информационного общества». Так, по-прежнему предлагается «исходить из того, что структурообразующими элементами любой экономической системы являются в конечном счете *вещество, энергия, информация...*»². Так как экономическая система характеризуется единством производительных сил и производственных отношений, то на деле речь идет о результатах функционирования экономики. Возможную критику о придании равнозначности в экономике объективным, материальным результатам (веществу и энергии) и субъективному (информации), цитируемый автор пытается

---

¹ Социум XXI века: рынок, фирма, человек в информационном обществе / Под ред. А.И. Колганова — М.: Экономический факультет, ТЕИС, 1998. С. 55.

² Цвылев Р.И. Информационная сущность экономических процессов // Информационное общество и Россия / Под ред. В.П. Колосова, М.Н. Осьмовой. — М.: Экономический факультет, ТЕИС, 2002. С. 54.

отвести трактовкой информации как «объективно существующей»¹, как порождаемой «спонтанными природными формообразованиями»². Но тогда под «информацией» подразумевается структурная определенность вещества, которую странно рассматривать как элемент, не зависимый от самого вещества, существующий наряду с ним. Попытка согласовать концепцию «информационного общества» с методологией исторического материализма закономерно потерпела неудачу.

В «обществе знаний», если верить сторонникам этой концепции, появляется «стоимость, созданная знанием». Вводя это понятие, Тайичи Сакайя пишет, что подобной стоимостью «обладает фирменное название»³. Соответственно, по его мнению, «наиболее важным средством умножения созданной знанием стоимости оказывается разум отдельного человека...»⁴.

Очевидно, что указанный автор, отказавшись от разграничения производительного и непроизводительного труда, неправомерно приписывает стоимость — эту объективную экономическую категорию — такому субъективному явлению, как «название».

Раз способностью создавать стоимость наделяется не производительный труд, а «разум», то мыслительная деятельность отождествляется им с материальной, что препятствует пониманию объективных экономических процессов, в том числе процесса образования стоимости.

Как и многие другие сторонники концепций «информационного общества», «общества знаний» и т.д., Тайичи Сакайя обращает внимание на тот известный факт, что цена некоторых товаров (модных или воплощающих новые идеи и т.д.) может многократно превышать обычные издержки на их производство. Это превышение образуется, по его мнению, стоимостью, созданной знанием⁵.

В действительности же речь идет об отклонении цены от стоимости (или от цены производства как модификации стоимости) под влиянием

---

¹ Цвылев Р.И. Информационная сущность экономических процессов // Информационное общество и Россия / Под ред. В.П. Колосова, М.Н. Осьмовой. — М.: Экономический факультет, ТЕИС, 2002. С. 54.

² Там же. С. 55.

³ Сакайя Тайичи. Стоимость, создаваемая знанием, или История будущего // Новая постиндустриальная волна на Западе / Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Изд. «Academia», 1999. С. 350. С. 350.

⁴ Сакайя Тайичи. Указ. соч. С. 356.

⁵ Сакайя Тайичи. Указ. соч. С. 353.

отмеченных факторов. Фирмы-новаторы способны, воздействуя на спрос, получать сверхприбыль, что вполне согласуется с трудовой теорией стоимости и не требует введения столь надуманной теоретической конструкции, каковой является «стоимость, созданная знанием».

В одном можно согласиться с цитируемым автором: «Разработка универсальной концепции (подобной теории трудовой стоимости), применимой в отношении созданной знанием стоимости, невозможна...»¹. Эта невозможность, добавим мы, обусловлена несоответствием представления о «стоимости, созданной знанием», действительной сущности стоимости.

Такая сущность научно раскрыта трудовой теорией стоимости, и попытки обойтись без нее в анализе стоимости приводили и будут приводить к теоретическим казусам, подобным рассмотренным выше.

---

¹ Там же. С. 362.

Характеристика производительного труда в трудовой теории потребительной стоимости

Трудовая теория стоимости раскрыла роль производительного труда как субстанции стоимости. Стоимость — не вещь, а общественное отношение между товаровладельцами.

С отрицанием капиталистического производства утверждается господство непосредственно общественного производства, то есть такого, в котором отношения между производителями уже не опосредствуются товарным обменом, которое непосредственно подчиняется удовлетворению общественных потребностей. Такое производство, разумеется, не может быть адекватно охарактеризовано теорией стоимости.

Исторический опыт наглядно свидетельствует, что попытки применения теории стоимости для характеристики непосредственно общественного производства приводили к появлению той или иной разновидности концепции «рыночного социализма». Практическая реализация подобной концепции столь же неизбежно завершалась реставрацией товарного хозяйства в его капиталистической форме.

Поэтому для правильного понимания непосредственно общественного производства требуется теория, согласующаяся с приматом материального производства, и вместе с тем не повторяющая теории стоимости. Для обозначения такой новой теории В.Я.Ельмеев предложил термин «трудовая теория потребительной стоимости», который и будет использоваться в данной работе.¹

4.1. Субстанциональная роль производительного труда в непосредственно общественном производстве

Трудовая теория потребительной стоимости отражает изменение роли потребительно-стоимостных характеристик общественного

---

¹ См.: Ельмеев В.Я. Трудовая теория потребительной стоимости — новая парадигма экономической науки. — СПб: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1996. — 136 с.

производства и затрат труда при переходе от капиталистического производства к непосредственно общественному. Если в единстве стоимости и потребительной стоимости решающая роль принадлежит первой, то отрицание товарного хозяйства предполагает выдвигание на первый план именно потребительной стоимости.

Потребительная стоимость в непосредственно общественном производстве перестает быть носителем меновой стоимости. Непосредственной целью производства становится удовлетворение общественных потребностей. Это не означает, однако, что производительный труд не является больше основой жизни общества. Средства удовлетворения материальных потребностей по-прежнему производятся. Но в отличие от капиталистического производства, в рамках которого ориентация на прибавочную стоимость связана с наращиванием затрат абстрактного труда, в непосредственно общественном производстве богатством выступает сам всесторонне развитый человек. В таком производстве должно затрачиваться столько труда, сколько это необходимо для обеспечения полного благосостояния всех членов общества.

Соответственно, вместо закона стоимости как основного закона всякого товарного производства, а, значит, и капиталистического, в непосредственно общественном производстве вступает в действие закон потребительной стоимости. Он «является законом, по которому общество определяет, сколько времени необходимо уделять материальному производству, чтобы удовлетворять свои жизненные потребности»¹.

Отрицание закона стоимости с переходом от капиталистического производства к непосредственно общественному носит диалектический характер, то есть предполагает снятие прежних определений. Это означает, что воспроизводится регулирующая роль рабочего времени, хотя оно и не выступает больше в качестве основного мерила общественного богатства.

Воспроизводится в снятом виде и двойственный характер труда. В товарном хозяйстве двойственность труда заключается в единстве конкретного и абстрактного труда. Абстрактный труд, являясь источником стоимости, служит специфическим для товарного хозяйства выражением общественной сущности труда.

---

¹ См.: Ельмеев В.Я. Трудовая теория потребительной стоимости — новая парадигма экономической науки. — СПб: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1996. С 53.

В непосредственно общественном хозяйстве направленность труда на обеспечение благосостояния всех членов общества составляет определенность его социально-экономической формы, общую для всех конкретных видов производительного труда. Тем самым наряду с особой целесообразной формой каждому виду производительного труда объективно присущ момент общности, предполагающий абстрагирование от специфики данного вида. Отсюда следует, что производительный труд «сохраняет свой двойственный характер (свою абстрактность и специфичность) и как создатель потребительной стоимости»¹. Разумеется, момент общности различных видов труда в непосредственно общественном производстве противоположен абстрактному труду товаропроизводителя, ибо имеет принципиально новое содержание — непосредственную ориентацию на удовлетворение общественных потребностей.

Потребительная стоимость в непосредственно общественном производстве обретает свою социально-экономическую специфику. Потребительная стоимость средств производства состоит здесь в замещении, высвобождении живого труда в тех производствах, где производительно потребляется эта техника. Это означает, что при обеспечении прежнего объема выпуска благодаря использованию новой, более прогрессивной техники экономится труда больше, чем его затрачивается на ее создание. В результате общество может располагать сэкономленным временем для осуществления деятельности, удовлетворяющей другие потребности.

Экономия рабочего времени в результате применения прогрессивной техники достигается и в капиталистическом производстве. Однако там она проявляется в специфически капиталистической форме — потребительной стоимости машин как основного капитала. В такой форме и фиксируется прогресс техники в современной капиталистической экономике, например, П. Пильцером, отмечающим, что «*капитал все больше замещает труд*»².

Новая техника используется при капитализме для экономии необходимого рабочего времени с целью увеличения прибавочного времени, то есть как фактор увеличения прибыли. Между тем прибыль есть результат присвоения капиталистом неоплаченного труда рабочих, с общественной точки зрения она представляет собой затратный

---

¹ Ельмеев В.Я. Указ. соч. С 52.

² Пильцер Пол. Безграничное богатство. Теория и практика «экономической алхимии»//Новая постиндустриальная волна на Западе. 1999. С. 425.

показатель. Соответственно, экономия рабочего времени сама по себе не является доминирующим мотивом, приоритет отдается достижению прибыльности.

Сущности непосредственно общественного производства соответствует использование новой техники именно для высвобождения труда. При таких условиях общеэкономическая потребительная стоимость новой техники совпадает с ее специфически общественной потребительной стоимостью.

Правда, на первой стадии его развития непосредственно общественное производство не свободно от следов своего «выхождения из капитализма», и потому сохраняется момент использования техники для удовлетворения тех интересов производственных коллективов, которые расходятся с их общими интересами, требующими экономии труда. Поэтому и при социализме объективно возможна тенденция к торможению НТП в погоне за увеличением показателей, отражающих затраты общественного труда.

Однако подобная тенденция обусловлена моментом отрицания сущности нового способа производства, а не ее позитивным выражением. При целенаправленном разрешении противоречий использования передовой техники в соответствии с сущностью нового социально-экономического строя будет обеспечиваться приоритетность экономии труда, потребительная стоимость средств производства получит последовательную реализацию.

Закон потребительной стоимости предполагает развитие не только средств производства, но и работника как основной производительной силы общества. Потребительная стоимость более развитой способности к труду состоит в экономии труда на выпуск фиксированного объема продукции. Так, по расчетам Джеймса Роча, производительность труда городского рабочего возрастает на 2,8% пропорционально каждому году дополнительного обучения¹. Действительная экономия труда достигается при том условии, что затраты труда на повышение квалификации окажутся меньше объема труда, высвобождаемого вследствие вхождения в производство более квалифицированного работника.

И в данном случае в непосредственно общественном производстве проявляется момент, противоречащий его сущности. Он связан с

---

¹ Данные взяты в: Стюарт Томас. Интеллектуальный капитал. Новый источник богатства организаций // Новая постиндустриальная волна на Западе. 1999. С. 386.

увеличением затрат труда для наращивания валовых показателей, так что снижается потребность в развитии работников. Поэтому обеспечение экономии труда благодаря развитию основной производительной силы общества требует целенаправленной деятельности рабочего класса.

С учетом сказанного можно констатировать, что производительные силы непосредственно общественного производства имеют в форме экономии производительного труда единую меру потребительной стоимости. Очевидно, что эта мера объективная, общественно обусловленная, выражающая субстанциональную роль производительного труда, поскольку экономится именно он. Это и дает основание для характеристики такой теории в качестве трудовой теории потребительной стоимости.

Рассмотренное не затрагивает оценки потребительной стоимости предметов потребления — проблемы, имеющей длительную историю в экономической науке. Выше было показано, что субъективные оценки полезности товаров определяются в товарном хозяйстве уровнем цен, то есть имеют объективную основу. Но полученные выводы прямо не применимы к характеристике потребительной стоимости продуктов в непосредственно общественном производстве, где отсутствует такое общественное отношение, как стоимость. Требуется выразить потребительную стоимость продуктов в новой экономике адекватным для нее образом.

В экономической литературе неоднократно предпринимались попытки дать объективную меру потребительной стоимости предметов потребления. Выдвигалась точка зрения, что потребительную стоимость необходимо оценивать временем потребления¹. Основанием для такого предложения служит та мысль, что потребительная стоимость реализуется именно в процессе потребления, который, как и всякий социальный процесс, может быть измерен временем.

Отмеченная точка зрения, по сути, отождествляет процесс потребления с процессом труда, реализацию потребительной стоимости с ее созданием. Социальный аспект потребительной стоимости обусловлен общественной природой воплощенного в ней труда, а не потреблением самим по себе. Характеристика потребления как

---

¹ См.: Система экономического обеспечения качества продукции: Трудовая теория потребительной стоимости / Сиськов В.И., Губанов С.С., Шаповалов В.Р., Ельмеев В.Я. и др. — Ч. I. — М.: Издательство стандартов, 1992.

«потребительного производства» подчеркивает, что потребление — это момент общественного воспроизводства, но не ставит под сомнение примат собственно материального производства. Поэтому время потребления не может характеризовать потребительную стоимость продуктов.

Можно встретить предложение измерять полезность предметов потребления через прирост потребительной стоимости рабочей силы, измеряемый экономией труда. Стремление согласовать характеристику потребительной стоимости продуктов с общей логикой трудовой теории потребительной стоимости, безусловно, заслуживает внимания и поддержки. И все же отмеченный подход не решает проблему.

Дело в том, что личное потребление непосредственно обеспечивает воспроизводство человеческого организма и не более того. Потребление более качественного хлеба, мяса и т.д. само по себе не влияет на уровень квалификации работника и потому не отражается на производительности труда. Соответственно, улучшение потребительских свойств предметов личного потребления, удовлетворяющих материальные потребности людей, не поддается измерению экономией труда.

Потребление духовных благ (изучение новой специальной литературы, прослушивание лекций и т.д.), ведущее к росту профессиональных знаний, отражается на производительности труда. Однако, то, как реализуются новые знания, зависит также от мотивации работника, от психологического климата в коллективе и т.д. Все эти факторы образуют целостность, и потому величина экономии труда не может служить адекватной мерой потребительной стоимости какого-либо отдельного духовного блага. Посредством экономии труда можно измерить рост потребительной стоимости рабочей силы более высокой квалификации, но нельзя — потребительную стоимость духовных благ, способствовавших росту квалификации работника. Это отражает нетождественность результатов материального производства, с одной стороны, и духовного, с другой.

Потребительную стоимость предметов потребления в непосредственно общественном производстве с экономической точки зрения целесообразно определять следующим образом. Надо учесть, что и общество в целом, и каждый трудоспособный для присвоения в необходимом объеме предметов потребления данного вида должны затратить соответствующее количество труда. В связи с ростом производительной силы труда затраты рабочего времени на единицу

данного вида продукта сокращаются, так что для удовлетворения потребности в нем каждому работнику объективно можно трудиться меньше. Осуществляется экономия труда, размер которой и определяет потребительную стоимость данного блага.

Применительно к первой фазе непосредственно общественного производства, в рамках которой новые производственные отношения проявляются не только в новых, но и в старых, товарно-денежных формах, потребительная стоимость предметов личного потребления проявляется специфическим способом. Снижения затрат труда на производство данного продукта позволяет понижать цену на него. Тогда, в условиях распределения по труду, для приобретения того же объема данного продукта любой трудоспособный член общества должен трудиться меньшее количество времени. Разница между количеством рабочего времени, требуемым для приобретения данного продукта работником до понижения цены и после, и образует экономию труда, измеряющую потребительную стоимость данного продукта.

Если речь идет о новом продукте, удовлетворяющем прежнюю потребность, то его потребительная стоимость оценивается снижением цены в расчете на единицу полезного эффекта, что также соответствует принципу экономии труда.

Хотя при снижении цены экономится труд у всех потребителей данного продукта, однако подобная экономия будет неодинаковой для работников, имеющих неодинаковую зарплату, что отражает существование социально-экономического неравенства на первой фазе нового способа производства. Но отмеченные различия в потребительной стоимости одного и того же продукта для разных людей не отрицают ее общего для них объективного критерия — экономии труда. В меру продвижения к социально-экономическому равенству различных видов труда будет формироваться и равенство экономически измеренной потребительной стоимости продукта для разных членов общества.

Таким образом, трудовая теория потребительной стоимости позволяет раскрыть объективную экономическую природу потребительной стоимости предметов потребления. Речь идет об экономии труда у потребителей, достигаемой вследствие удешевления приобретаемых ими жизненных средств.

Поскольку потребительная стоимость этих средств определяется экономией труда, то выявляется общая экономическая мера полезности для всех производимых благ. А так как экономия труда у потребителей

жизненных средств обусловлена ростом производительной силы труда, то в рамках этой общности проявляется примат материального производства в его единстве с потреблением.

Следует особо обратить внимание на то, что отмеченные социально-экономические свойства потребительной стоимости носят общеэкономический характер, обусловлены общественной природой производительного труда. Поэтому трудовая теория потребительной стоимости способна многое прояснить, например, в понимании капиталистической экономики.

Вместе с тем только в непосредственно общественном производстве общие экономические определения потребительной стоимости одновременно выступают и как выражение ее специфической общественной формы. Следовательно, трудовая теория потребительной стоимости в полной мере соответствует именно данному способу производства и не может претендовать на замену трудовой теории стоимости в раскрытии закона движения капиталистического способа производства.

То, что в непосредственно общественном производстве потребительная стоимость производимых благ и способности к труду социально-экономически выражается посредством экономии труда, высвобождения его из собственно материального производства, воочию обнаруживает субстанциональность производительного труда в общественной жизни. Все сферы общественной жизни функционируют в рамках сэкономленного рабочего времени, представляют собой реализацию экономии производительного труда. Следовательно, производительный труд является основой всего социального.

Исходя из признания основополагающей роли производительного труда, необходимо решать вопрос об оценке результатов общественного производства.

4.2. Реализация экономии производительного труда

Как было рассмотрено выше, совершенствование средств производства, рост квалификации работников в производстве продукта данного вида ведут к экономии производительного труда. Достигнутая экономия на практике используется тройко: для увеличения выпуска данного вида продукта; для роста выпуска других продуктов; для увеличения времени социальной деятельности, не являющейся производительным трудом.

В двух первых случаях экономия труда носит условный характер, поскольку время, сэкономленное при выпуске продукта в прежнем объеме, реализуется в сфере производительного труда, без увеличения свободного времени непосредственных производителей. Когда же возрастает время социальной деятельности, не являющейся непосредственно производительным трудом, тогда экономия труда в данном производственном процессе означает, при прочих равных условиях, его экономию в общественном масштабе.

В общественном производстве имеют место и условная, и действительная экономия труда. Когда объем выпуска данного продукта достигал соответствия общественной потребности в нем, прогресс производительных сил чаще всего выражался в высвобождении труда из данной отрасли. Сэкономленный труд мог быть реализован для формирования новой отрасли, в которой впоследствии также начинался процесс экономии труда. С учетом того, что НТП способствует все более быстрому насыщению новых потребностей и охватывает все сферы общественного производства, действительная экономия труда, чем дальше, тем больше, преобладает над условной.

Экономия производительного труда используется для увеличения объема непроизводительного труда, свободного времени общества. Прогресс в организации непроизводительного труда, в технических средствах его осуществления, в профессиональной подготовке занятых им работников приводит к тому, что меньшее количество определенного вида такого труда способно удовлетворять соответствующую потребность в нем.

Принципиальное отличие подобного уменьшения времени от экономии производительного труда состоит в том, что оно не сопровождается сокращением времени непроизводительной социальной деятельности в общественном масштабе. Происходит перераспределение непроизводительного труда в пользу тех его видов, которые нуждаются в увеличении. Речь идет, прежде всего, об отраслях непроизводительной деятельности (народном образовании, культуре, здравоохранении, науке и т.д.), которые непосредственно направлены на свободное всестороннее развитие всех членов общества. Подобная тенденция проявляется и в развитых капиталистических странах. Так, например, отмечается, что в США «на каждую кассиршу, потерявшую работу в банке в результате автоматизации, приходится три новых рабочих места для преподавательниц аэробики. Создается впечатление,

что люди испытывают неутолимое стремление к тому, чтобы к ним проявляли персональное внимание»¹.

Поскольку прогресс разумных потребностей духовного и физического развития человека безграничен, то объективно невозможен избыток времени для осуществления соответствующей непроизводительной деятельности. Всегда существует общественная потребность превращать экономию производительного труда в прирост свободного времени общества. И, наоборот, в условиях прогресса крупной машинной индустрии уменьшение объема непроизводительного труда общества для увеличения масштабов труда производительного не является закономерным, так как удовлетворение общественных потребностей в материальных благах происходит при снижающихся затратах производительного труда. Сокращение общего объема свободного времени препятствовало бы развитию работника как основной производительной силы общества. Поэтому подобное сокращение не имеет экономической основы и может свидетельствовать лишь о деградации общественного производства.

Понимание экономии труда общества именно как экономии производительного труда позволяет правильно оценить перспективу динамики рабочего времени. Современный научно-технический прогресс создает такую ситуацию, когда общий объем производительного труда сокращается не только относительно продолжительности непроизводительной социальной деятельности, но и абсолютно. Абсолютное сокращение времени производительного труда общества может замедляться, например, ростом численности населения, но раньше или позже оно закономерно проявляется, в чем находит свое адекватное выражение закон экономии времени.

Закономерность абсолютного уменьшения общественного фонда рабочего времени не прослеживается, если не разграничивать производительный и непроизводительный труд. Тогда высвобождение труда из сферы материального производства принимает видимость перераспределения рабочего времени общества. А поскольку общий объем непроизводительного труда возрастает, то суммарное время производительного и непроизводительного труда также может увеличиваться. Отсюда, например, то представление о современном

---

¹ Райх Роберт. Труд наций. Готовясь к капитализму XXI века // Новая индустриальная волна на Западе. Антология / Под редакцией В.Л.Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 519.

производстве, что «сокращение рабочего времени работника... ведет к возрастанию общей массы рабочего времени в стране»¹.

Спрашивается, если общая масса рабочего времени в стране растет, то как же действует закон экономии времени? В чем же тогда проявляется безграничность роста общественной производительности труда в условиях НТП? И в данном конкретном случае обнаруживаются неправомерность расширительной концепции производительного труда, необходимость разграничения производительного и непроизводительного труда.

Экономия производительного труда используется для увеличения массы непроизводительного труда, свободного времени. В отличие от непроизводительного труда как общественно полезной деятельности, то есть непосредственно ориентированной на удовлетворение общественных потребностей, индивидуальное свободное время наполнено деятельностью, связанной с удовлетворением социально обусловленных потребностей индивидуума.

Следует отметить, что удовлетворение естественных потребностей человека охватывает время за рамками специфически социальной деятельности, включающей производительный и непроизводительный труд. Удовлетворение естественных потребностей — процесс, обусловленный принадлежностью человека к животному миру. И хотя он осуществляется по-человечески, неправомерно рассматривать его ни как производственный процесс, ни как использование экономии труда.

Непроизводительный труд и индивидуальное свободное время, несмотря на их различие, обусловленное ориентацией на потребности разного уровня (общественные, с одной стороны, и индивидуальные, с другой), имеют единую субстанцию — экономию производительного труда. Они представляют собой социальную деятельность, свободную от непосредственного воздействия на средства производства. Безусловно, такая деятельность не находится под тем влиянием природных закономерностей, которое характерно для производительного труда. Эта деятельность создает куда более благоприятные возможности для свободного всестороннего развития человека. При такой субстанциональной общности непроизводительного труда и индивидуального свободного времени правомерно характеризовать время их осуществления как свободное

---

¹ Патрушев В.Д. Использование совокупного времени общества. М.: Мысль, 1978. С. 50.

время общества. «Сбережение рабочего времени, — отмечал К. Маркс, — равносильно увеличению свободного времени»¹.

От такого понимания проблемы отличается расхожее ограничение свободного времени досугом. Оно базируется на представлении о несовместимости свободы и общественного регулирования деятельности человека. Отмеченное представление имеет под собой объективную основу в условиях наемного характера непроизводительного труда, когда проявляется противоположность интересов работников и собственников предприятий. И все же тот факт, что непроизводительный труд, имея преимущественно совместный, непосредственно общественный характер, требует общественного регулирования, сам по себе вполне согласуется с реализацией творческого потенциала работников непроизводственной сферы. Другое дело, что наемный характер труда порождает специфически капиталистические препятствия для реализации данного потенциала.

При определении общей величины свободного времени нельзя поэтому ограничиваться суммированием времени досуга всех индивидов, надо принимать во внимание и время непроизводительного труда. Так, например, В.Д. Патрушев обоснованно включает в свободное время общества наряду с досугом «затраты времени работников тех учреждений и организаций, которые обеспечивают использование свободного времени членами общества»². К этому следует добавить и время непроизводительного труда по технологической подготовке производства, управлению и всех остальных видов подобного труда, также имеющих своей субстанцией экономию производительного труда.

В.Я Ельмеев справедливо отмечает: «Свободное время общества составляется из не отведенного материальному производству времени, расходуемому на активную деятельность по управлению обществом, развитию производительно-трудовых качеств людей, их научно-образовательных возможностей, по нравственному воспитанию, развитию эстетических качеств и художественному воспитанию, физическому совершенствованию, а также на досуг.

В соответствии с таким пониманием содержания свободного времени его количественный масштаб можно определить как сумму времени, отводимую непроизводительному труду и времени всего

---

¹ Большевик, 1939. № 11–12. С. 65.

² Патрушев В.Д. Время как экономическая категория. М.: Мысль, 1966. С. 20.

занятого населения, затрачиваемого сверх рабочего дня на осуществляемые в свободное время указанные виды деятельности»¹.

При определении величины свободного времени общества следует также учитывать и время социальной деятельности нетрудоспособных. Процесс социализации подрастающего поколения происходит в рамках этого времени. Те, кто перешагнул верхнюю возрастную границу трудоспособности, также осуществляют свою социальную деятельность в пределах свободного времени общества.

Свободное время обоснованно рассматривается как выражение богатства общества: «Свободное время, время, которым можно располагать, есть само богатство».² Правда, лишь в непосредственно общественном производстве эта форма богатства получает приоритет над денежным богатством.

В капиталистической экономике свободное время имеет подчиненное значение по отношению к накоплению денег, что отражается, в частности, в моделях неоклассической ветви экономической теории, исходящей из наивысшей эффективности капитализма. Свободное время в этих моделях, по сути, не рассматривается как самостоятельная ценность. Так, значимость свободного времени измеряется в них величиной заработка, упущенного человеком из-за пребывания вне сферы экономической деятельности.

Оценивая свободное время как богатство, не менее важно сознавать и роль производительного труда как источника происхождения этого богатства. Тот факт, что «свободное время может порождаться лишь трудом»³, учитывается отнюдь не всеми направлениями экономической мысли. Неоклассическая теория рассматривает свободное время как нечто заданное извне по отношению к экономической системе. Связь между рабочим и свободным временем имеет в подобной интерпретации чисто внешний характер обратной зависимости, причем предполагаются равно возможными как вариант увеличения свободного времени за счет сокращения рабочего, так и его уменьшения вплоть до полного замещения рабочим временем. Очевидно, что подобный подход, игнорируя субстанциональность производительного труда, не

---

¹ Ельмеев В.Я. Теория и практика социального развития: Сб. научных трудов. К 75-летию со дня рождения. — СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2004. С. 100.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. II. С. 265–266.

³ Зборовский Г.Е. Пространство и время как формы социального бытия. Свердловск, 1974. С. 147.

способен выявить закономерную динамику рабочего и, соответственно, свободного времени общества.

Раз деятельность, наполняющая свободное время общества, базируется на экономии труда, то этим обусловлено ее существенное соотношение с производительным трудом. Отсюда и измерение богатства общества величиной свободного времени невозможно осуществить должным образом, рассматривая свободное время изолированно, вне связи с объемом рабочего времени. Например, увеличение массы свободного времени общества может произойти при прежнем уровне производительности труда вследствие роста общей величины рабочего времени в связи с увеличением населения. Этот же объем свободного времени может быть обеспечен за счет прогресса экономии труда при прежней численности населения. Очевидно, что в первом случае предпосылки для свободного развития каждого члена общества будут менее благоприятными, чем во втором.

Вот почему для более точного измерения общественного богатства необходимо использовать отношение свободного времени общества к его рабочему времени. Поскольку свободная деятельность общества имеет своей субстанцией сэкономленный труд, то этим обуславливается единство производственной и свободной деятельности, а, следовательно, и их соизмеримость в единицах времени. А так как сэкономленный труд не затрачивается в материальном производстве, то различие затрат и результатов труда общества является не формальным, а действительным. Отсюда правомерность их сопоставления.

Следует согласиться с В.Я. Ельмеевым, который пишет: «Для выражения богатства в форме свободного времени нужно, на наш взгляд, вместо затратного измерителя материального богатства ввести измеритель другого рода — норму свободного времени, выражаемую отношением свободного времени общества к его рабочему времени»¹. Безусловно, предложенный показатель в полной мере раскрывает роль свободного времени как измерителя богатства общества.

При расчете нормы свободного времени общества следует учесть, что производительный труд затрачивается не только в общественном производстве, но и в домашнем хозяйстве. В процессе обобществления производства объем домашнего труда закономерно снижается. Однако затраты рабочего времени в нем все еще значительны и они, безусловно, должны отражаться в подобных расчетах.

---

¹ Ельмеев В.Я. Теория и практика социального развития. С. 333.

Норму свободного времени общества целесообразно рассчитывать по следующей формуле:

$$N = \frac{\sum_{i=1}^{14} n_i (\bar{T}_i + \tilde{T}_i)}{\sum_{i=1}^{14} n_i (T_i + \hat{T}_i)},$$

где: N — годовая норма свободного времени общества;

n_i — среднегодовая численность i -той группы, где:

$i=1 \dots 14$;

$i=1$ — соответствует группе рабочих;

$i=2$ — соответствует группе крестьян;

$i=3$ — соответствует группе инженерно-технических работников;

$i=4$ — соответствует группе работников социальной сферы;

$i=5$ — соответствует группе военнослужащих;

$i=6$ — соответствует группе государственных служащих;

$i=7$ — соответствует группе предпринимателей;

$i=8$ — соответствует группе детей дошкольного возраста;

$i=9$ — соответствует группе учащихся;

$i=10$ — соответствует группе студентов;

$i=11$ — соответствует группе лиц трудоспособного возраста, занятых в домашнем хозяйстве;

$i=12$ — соответствует группе пенсионеров по возрасту;

$i=13$ — соответствует группе инвалидов;

$i=14$ — соответствует группе безработных;

$\bar{T}_i$ — среднегодовое количество часов непроизводительного труда, удовлетворяющего общественные потребности, в расчете на одного входящего в i -ю группу;

$\tilde{T}_i$ — среднегодовое количество часов свободной деятельности, непосредственно удовлетворяющей индивидуальные (семейные) потребности, в расчете на одного, входящего в i -ю группу;

T_i — среднегодовое количество часов общественно-производительного труда в расчете на одного входящего в i -ю группу;

$\hat{T}_i$ — среднегодовое количество часов труда в домашнем хозяйстве в расчете на одного входящего в i -ю группу.

Предложенная формула учитывает все элементы времени производительного труда и свободного времени общества. Измерение времени в часах позволяет с максимально возможной точностью

установить величину затрат и результатов труда. Среднегодовая численность социальных групп, принимаемых во внимание приведенной формулой, может быть определена из данных современной статистики. Продолжительность различных составляющих времени труда и свободной деятельности определяется исходя из данных бюджетов времени.

Приведенная формула абстрагирует от фактора внешнеэкономических связей. Последние же оказывают определенное влияние на величину нормы свободного времени общества. Систематическое превышение экспорта товаров и производственных услуг над их импортом означает, что страна затрачивает производительного труда больше, чем требуется для обеспечения свободной деятельности ее граждан, что часть экономии труда реализуется за рубежом. И наоборот, превышение импорта товаров и производственных услуг над экспортом дает возможность осуществлять свободную деятельность в большем объеме, чем позволяет собственный фонд рабочего времени страны.

Расчеты нормы свободного времени общества, проделанные по предложенной методике, показывают, что норма свободного времени превысила в СССР значение единицы в результате индустриализации народного хозяйства. Утверждение господства машинной индустрии означает переворот в соотношении производительного и непроизводительного труда, когда преобладание доли производительного труда в общем объеме социальной деятельности сменяется превышением доли непроизводительной деятельности. Тем самым впервые в истории обретает свое адекватное выражение то обстоятельство, что «превосходство результата труда по своей полезности (потребительной стоимости) над затратами труда на его достижение составляет... смысл и назначение человеческой деятельности и всего развития общества»¹.

В 1985 г. в России один час производительного труда общества обеспечивал 2,7 часа, сэкономленного для осуществления свободной деятельности (без учета фактора внешнеэкономических связей). Поскольку в 1985 г. объем экспорта из России превышал объем импорта, то на самом деле норма свободного времени общества была несколько выше.

---

¹ Ельмеев В.Я. Трудовая теория потребительной стоимости — новая парадигма экономической науки. С. 60.

В соответствии с определением производительности труда как результативности конкретного труда в единицу времени норма свободного времени общества выступает показателем общественной производительности труда. Никакой другой показатель не может в такой же степени претендовать на роль измерителя общественной производительности труда. Расчет производительности по выпуску продукции в натуральном выражении предполагает слишком ограниченные предпосылки, делающие его непригодными для определения общественной производительности труда. Использование в этих целях стоимостной оценки произведенного общественного продукта вынуждает сопоставлять друг с другом затраты труда (хотя и взятые в различной форме), неправомерно исключает из рассмотрения сферу труда в домашнем хозяйстве.

Что касается нормы свободного времени общества, то ее динамика отражает экономию труда, то есть изменение трудозатрат на выпуск одного и того же объема продукции. При ее расчете агрегируются результаты труда, затраченного на удовлетворение различных потребностей. Тем самым она сохраняет достоинства рассмотренных показателей. Но, очевидно, что она свободна от их недостатков. Все это позволяет характеризовать ее как более адекватный показатель общественной производительности труда.

Использование нормы свободного времени общества позволяет оценить динамику общественной производительности труда. Так, с 1959 г. по 1985 г. эта норма возросла в России на 63%, что отражает повышение общественной производительности труда.

При измерении такой динамики возникает следующая проблема. Рост общественной производительности труда может выражаться в увеличении объема общественного продукта при одних и тех же затратах труда. В этом случае свободное время, как и его норма, не изменяется, хотя производительность труда растет. Налицо условная экономия труда. Например, производительность общественного труда, измеренная при помощи стоимостной оценки общественного продукта за период с 1960 года по 1985 год, возросла в России на 227 % (несомненно, здесь сказались и инфляционные факторы)¹. В этот период резко увеличилась производительность труда в домашнем хозяйстве в связи с масштабным строительством современного жилья. Между тем

---

¹ Рассчитано по: Народное хозяйство РСФСР за 70 лет: Стат. ежегодник / Госкомстат РСФСР — М.: Финансы и статистика. 1987.

прирост нормы свободного времени общества был существенно ниже. Это свидетельствует о том, что достигнутая тогда экономия труда в значительной степени носила условный характер и потому не полностью отражалась в динамике нормы свободного времени общества.

Определенное расхождение в изменении рассматриваемого показателя и реального уровня общественной производительности труда неизбежно, как и для любого показателя, отражающего развитие социально-экономической действительности. Но к этому добавляются специфические обстоятельства. Чем ниже уровень общественной производительности труда, тем значительнее часть прироста производительности труда, которую общество вынуждено использовать для увеличения вещественного богатства, удовлетворяющего материальные потребности членов общества. А чем выше общественная производительность труда, чем полнее удовлетворяются потребности общества в предметах потребления и средствах производства, тем меньше необходимость наращивать массу потребительных стоимостей, тем значительнее прирост действительной экономии труда, превращаемой в свободное время общества, по сравнению с приростом условной. Таким образом, мера адекватности динамики нормы свободного времени общества изменению общественной производительности труда повышается в ходе социально-экономического прогресса.

Не всякое изменение нормы свободного времени общества отражает динамику общественной производительности труда. Так, например, увеличение безработицы означает сокращение рабочего времени общества и увеличение свободного времени лишь в части прироста времени профессиональной переподготовки безработных. Однако циклическая составляющая безработицы не находится в прямой зависимости от НТП, и потому ее увеличение — это мнимое выражение экономии труда. Точно так же сокращение циклической безработицы в действительности не понижает общественную производительность труда, хотя формально норма свободного времени общества уменьшается. Подобные несоответствия присущи товарному хозяйству. Не случайно западные экономисты вынуждены оперировать показателем «естественный уровень ВНП».

В советской статистике фокусировалось основное внимание на определении совокупного общественного продукта как материализации производительного труда общества. Использование нормы свободного

времени позволяет отразить развитие сферы непроизводительного труда через оценку затрачиваемого в ней объема времени и вместе с тем избежать суммирования денежной оценки результатов производительного и непроизводительного труда, противоречащего тому факту, что стоимость создается только производительным трудом.

Таким образом, исследование результатов производительного труда в соответствии с трудовой теорией потребительной стоимости дает ключ к решению важных проблем экономической науки. В числе этих проблем — и соотношение материальной и нематериальной сфер общественной жизни.

Материальная и нематериальная сферы

5.1. Соотношение материальной и нематериальной сферы

Непроизводительный труд как постоянное занятие определенных лиц исторически мог возникнуть лишь в результате того, что производительность общественного труда достигла величины, достаточной для того, чтобы можно было прокормить, одеть и дать жилье людям, непосредственно не создающим материальные блага. Одним из первых видов непроизводительного труда был труд по управлению, развившийся из функции организации совместного труда и жизни членов первобытной общины, который стал ступенькой к зарождению класса эксплуататоров. Это дало Ф. Энгельсу основание написать, что в основе появления классов лежало разделение труда.

Разделение труда на производительный и непроизводительный, превратившее непроизводительный труд в исключительное занятие одних индивидов, а производительный труд — других, послужило, в свою очередь, мощным фактором повышения производительности труда в материальном производстве. Каждый дальнейший шаг в развитии этого разделения, подготовленный ростом производительности труда, означал в тех условиях появление новых возможностей для еще большего роста производительности.

Особое значение для развития производительных сил имело отпочкование от дерева общественного труда такого его вида, которому впоследствии суждено было развиться в труд ученых, исследователей и конструкторов. Сфера нематериального производства, вырастая на базе развития материального производства, расширялась и оказывала все большее обратное воздействие на сферу производства материальных благ. Характерно, что рост производства позволяет расширять и сферу производства, и сферу науки. Развитие же науки не может непосредственно привести к увеличению числа научных работников и опосредствуется внедрением научных достижений в производство.

В эксплуататорских формациях трудящиеся были лишены возможности в полной мере использовать плоды духовного развития

общества. Капитал довел отделение умственного труда от физического до противоположности между ними. Люди умственного труда эксплуатировали или помогали эксплуатировать производительных работников — создателей средств существования и роскоши, создателей всех материальных благ. Буржуазная интеллигенция, получавшая средства своего существования из рук буржуазии, поставила величайшие достижения человеческого разума на службу классу капиталистов. Лишь немногие представители буржуазной интеллигенции переходили на сторону рабочих, борющихся за освобождение труда. «Надо сказать, — писал В.И. Ленин, — что главная масса интеллигенции старой России оказывается прямым противником Советской власти, и нет сомнения, что нелегко будет преодолеть создаваемые этим трудности»¹.

Российский пролетариат, создав свою, социалистическую интеллигенцию, дал человечеству опыт уничтожения противоположности умственного и физического труда.

Управление, наука, культура, просвещение, медицина составляют часть непродуцированной (нематериальной) сферы, то есть той сферы человеческой деятельности, которая является сферой преимущественно непродуцированного труда и в которой непродуцирующий труд является главным, основным видом труда, определяющим лицо этой сферы. Аналогичным образом определяется продуцирующая (материальная) сфера, то есть как сфера преимущественно продуцированного труда, который не только преобладает в этой сфере количественно, но и определяет лицо этой сферы, определяет конечный результат ее функционирования.

Словом «преимущественно» подчеркивается, что как в нематериальной сфере имеются продуцирующие работники, выполняющие в ней вспомогательную роль, так и в материальной сфере имеются непродуцирующие работники, хотя их задача состоит лишь в том, чтобы способствовать созданию материальных благ и росту производительности труда продуцирующих работников. В состав совокупного работника, например, входят такие представители непродуцированного труда, как руководители производства, инженеры, техники, мастера, обслуживающий персонал и т.д.

Деление на продуцирующую и непродуцирующую сферу, проводимое советской статистикой, целиком относило всю сферу

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 420.

обслуживания к непроизводительной сфере, не выделяя и не причисляя к производственной сфере производительные виды обслуживания (ремонт, стирка, химическая чистка и т.д.). Статистиков можно критиковать за непоследовательность, но у них было основание для того, чтобы отделять от производственной сферы производительные виды обслуживания.

Дело в том, что предметом труда для производительных работников, занятых в сфере обслуживания, служили материальные блага, не являвшиеся общественной собственностью трудящихся. Проводимая статистикой грань между производственной и непроизводственной сферой отделяла, следовательно, производство тех материальных благ, которые в течение всего процесса производства являются общественной собственностью и только в результате распределения могут перейти в личную, от производства тех материальных благ, которые с самого начала своего производства находятся в личной собственности отдельных индивидуумов.

Итак, материальная сфера определилась как сфера преимущественно производительного труда, нематериальная — как сфера преимущественно непроизводительного труда. В XX веке наблюдалось быстрое изменение количественного соотношения между материальной и нематериальной сферами, увеличение удельного веса нематериальной сферы. С 1940 по 1989 г. удельный вес непроизводственной сферы в общей численности занятых в народном хозяйстве (исключая военнослужащих и учащихся) повысился с 11,7 до 27,8%, а доля отраслей материального производства снизилась с 88,3 до 72,2%¹.

Расширение нематериальной сферы, изменение количественного соотношения между материальной и нематериальной сферами могли бы, на первый взгляд, служить показателем изменения качественного отношения между ними. Однако, хотя определяющая роль сферы материального производства отнюдь не означает сохранения во что бы то ни стало ее удельного веса и не предполагает непременно ее количественного преобладания, магистральный путь развития общества связан не с сокращением числа производительных работников, а с увеличением их свободного времени, используемого в том числе и для выполнения функций непроизводительного труда.

---

¹ ЦСУ СССР. Народное хозяйство СССР в 1970 г., М.: Статистика, 1971. С. 508, Народное хозяйство СССР в 1989 г.: Статистический ежегодник / Госкомстат СССР. — М.: Финансы и статистика, 1990. С. 47.

Для роста нематериальной сферы необходим рост материальных благ в виде зданий, сооружений, оборудования и средств существования для непроизводительных работников, причем нематериальная сфера может вырасти лишь настолько, насколько вырастет объем материальных благ, обеспечивающих ее функционирование. Любая самая далекая от производства материальных благ отрасль человеческого труда существует лишь в тех границах, какие установлены суммой материальных благ, имеющихся для ее содержания. Выделенные для данной отрасли объем средств существования и масса сэкономленного производительного труда определяют число занятых в ней работников. Планирование развития непроизводственной сферы тесно связано поэтому с планированием сферы производства материальных благ, обеспечивающей функционирование непроизводственной сферы.

Всякий новый шаг в развитии непроизводственной сферы должен быть подготовлен соответствующим изменением в материальной сфере, в количестве и структуре производимых материальных благ. Даже такое, казалось бы, «внутреннее» для сферы торговли, например, мероприятие, как расширение сети магазинов самообслуживания, могло быть проведено лишь при условии, что увеличился выпуск фасованных товаров, была произведена реконструкция торговых залов, расширился выпуск специальных кассовых аппаратов и т.д.

Основой расширения нематериальной сферы явилось мощное развитие материальной сферы. Если, например, в 1960 г. валовой общественный продукт составлял в СССР 304 млрд. рублей, то в 1970 г. он уже был равен 643 млрд. рублей, т.е. вырос более чем вдвое¹. Прирост национального дохода, составивший за седьмую пятилетку 45 млрд. рублей, за восьмую пятилетку равнялся уже 77 млрд. рублей². Ясно, что поскольку материальная сфера обеспечивает материальными благами не только нематериальную сферу, но и все другие общественные сферы, постольку за любой период объем производимых в обществе материальных благ возрастает на большую величину, чем величина, обеспечивающая прирост нематериальной сферы.

Уровнем развития материального производства определяется богатство общества, возможность освободить людей для непроизводственной деятельности. Одна из важнейших задач, которую

---

¹ ЦСУ СССР. Народное хозяйство СССР в 1970 г. М.: Статистика, 1971. С. 60.

² Там же. С. 57.

необходимо решить для обеспечения полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества — свести к минимуму производительный труд за счет увеличения его производительности, экономии рабочего времени.

Нематериальная сфера не является лишь пассивным продуктом сферы материального производства. Во-первых, нематериальная сфера оказывает все возрастающее воздействие на рост производительности труда. Во-вторых, ее роль не сводится лишь к обслуживанию сферы производства. Развитием непроизводственной сферы, функционирующей в рамках свободного времени общества, обеспечивается всестороннее развитие личности. Маркс писал о свободном времени, как о «времени для того полного развития индивида, которое само, в свою очередь, как величайшая производительная сила обратно воздействует на производительную силу труда»¹.

Взаимодействие между производственной и непроизводственной сферами диалектически противоречиво. С одной стороны, поскольку производительный труд — создатель материальных благ и средство удовлетворения материальных потребностей, то кажется, что целесообразно в максимальной степени увеличивать число работников, занятых в сфере материального производства. Но, с другой стороны, увеличение числа занятых в сфере производительного труда за известным пределом начинает сдерживать рост его производительности и сковывает всестороннее развитие личности. Важно поэтому для каждого исторического момента установить то объективно обусловленное соотношение между производственной и непроизводственной сферами, которое обеспечит наиболее быстрое движение по пути создания и реализации предпосылок для свободного развития каждого. Установить это соотношение можно только на основе исследования тенденций развития техники, установления возможных вариантов развития экономики и выбора из них оптимального, то есть наилучшим образом удовлетворяющего интересам свободного развития всех членов общества.

Рабочий класс, являясь классом, наиболее заинтересованным в обеспечении универсального развития индивидов, заинтересован, поэтому как в прогрессе материального производства, так и в развитии нематериальной сферы, способствующей увеличению свободного

---

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. II. С. 221.

времени трудящихся и росту их образования и культуры. Верно, что нельзя обеспечить свободное развитие каждого, не развив материальное производство настолько, чтобы коренным образом преобразовать содержание и условия труда, сократить рабочее время и обеспечить распределение материальных благ по потребностям. Но верно также и то, что гигантский рост материального производства должен быть использован и для развития нематериальной сферы, обеспечивающей духовное обогащение трудящихся, и наряду с развитием материальной сферы, непосредственно способствующей ликвидации социально-экономических различий, уничтожению классов и всестороннему развитию личности.

В непроизводственной сфере выделяются две части. Одна включает деятельность работников, труд которых как бы подготавливает производительный труд (некоторые разделы теоретических наук, технические науки, разработки, проектирование, физическая культура, медицина). Другая часть включает труд, который либо замыкает производство (торговля), либо не оказывает на него прямого влияния (культура).

Первая из указанных частей в свою очередь также разделяется на две части: ту, в которой заняты работники, непосредственно обеспечивающие воспроизводство рабочей силы (образование, медицина, физическая культура), и ту, в которой трудятся работники, подготовляющие воспроизводство материальных благ в целом (ряд областей науки, разработки, проектирование). Наука на современном этапе все в большей мере становится как бы подготовительной ступенью материального производства. Происходит сращивание науки и производства, и от успехов в развитии этого процесса сейчас в решающей степени зависит рост производительности труда.

5.2. Наука и производство. Определяющая роль производства по отношению к науке

Если собственно производство в политэкономии означает производство вещей, то наука принадлежит к сфере производства идей, и научная деятельность является такой разновидностью человеческой деятельности, специфическая роль которой заключается в получении знаний об объективной действительности и путях и средствах ее преобразования.

В период своего зарождения, когда научная деятельность еще только возникла из потребностей практики и определяющая роль производства по отношению к науке была совершенно очевидной, эта деятельность состояла главным образом в изобретении путей и средств преобразования действительности. Познание объективной действительности само по себе выступало лишь как необходимый вспомогательный момент, целиком подчиненный потребностям повседневной практики.

В ходе исторического развития этот момент постепенно получил преобладающее, а затем и господствующее значение, и в течение долгого времени познание ради познания определяло лицо науки. Разделение труда в сфере науки оторвало труд по изучению существующей действительности от труда по использованию этих знаний для изобретения средств и методов преобразования этой действительности. Наука разделилась на теоретическую и прикладную. Началась эпоха накопления знаний, их систематизации, эпоха развития науки в основном как науки теоретической. Прикладное значение науки тогда было невелико и начинает расти снова лишь с наступлением эры машинного производства.

К. Маркс писал, что машинно-фабричное производство «делает необходимым применение науки»¹. Он указывал, что «применение природных агентов — в известной степени включение их в капитал — совпадает с развитием науки как самостоятельного процесса. Если производственный процесс становится сферой применения науки, то и наоборот, наука становится фактором, так сказать, функцией производственного процесса»².

Рост прикладного значения науки получил и соответствующее философское отражение. Идеализм сменился материализмом, а фейербаховский созерцательный материализм — диалектическим материализмом, предполагающим не просто пассивное отражение существующего мира, а активную деятельность по его преобразованию.

Наука, совершив в своем развитии виток диалектической спирали, принялась за развитие своей прикладной стороны теперь уже на прочном фундаменте крупных достижений теоретических наук. Этим

---

¹ Маркс К. Машины. Применение природных сил и науки (Из рукописи 1861–1863 гг. «К критике политической экономии» // Вопросы естествознания и техники. 1968. Вып. 25. С. 76.

² Там же. С. 75.

объясняются те гигантские успехи, которые имеет на современном этапе применение достижений науки в производстве.

Знания об объективной действительности, накопленные теоретическими науками и составляющие их логическую основу¹, делают теоретические науки относительно самостоятельными от производства, способными развиваться согласно своей внутренней логике. Извне, из практики, из производства они получают теперь лишь общее направление и импульсы для своего развития в виде новых крупных проблем, которые им предстоит разрешить.

Если на заре науки постановка проблем была исключительно делом практики, то на современном этапе наука помогает практике обнаружить их часть задолго до того, как они созреют в препятствие для развития производства. Наука в своем развитии как бы опережает практику, заранее выясняя ее будущие потребности на основе изучения сегодняшнего состояния производства, и заблаговременно ищет средства их удовлетворения.

Определяющая роль производства проявляется теперь не только в том, что потребности производства по-прежнему определяют масштабы и основные направления исследований, но и в том, что выросшие из потребностей производства научные результаты уже накоплены, приведены в систему и, являясь логическим отражением производства, также «от имени производства» направляют ход исследований. Изменилась, следовательно, форма воздействия практики на теорию, техники и производства на развитие естествознания.

В настоящее время ученый, ищущий пути к раскрытию сущности изучаемых явлений, к созданию новых естественно-научных теорий или к открытию новых законов природы, «субъективно не всегда задается целью ответить на какие-то конкретные практические запросы техники, ибо вследствие полнейшей новизны или малой изученности данного круга явлений никто таких запросов перед ним в данный момент поставить не может. В таких случаях практика толкает ученых не на решение каких-то строго определенных и уже сформулированных задач, а на то, чтобы познавать все более широко и глубоко процессы материального движения в природе безотносительно к их практической значимости. Среди множества изученных наукой объектов и процессов, происходящих в природе, не могущих получить практического

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, как известно, понимали под наукой продукт «общего исторического развития в его абстрактном итоге» — Архив Маркса и Энгельса, т. II (VIII). С. 157.

применения в ближайшее время, обнаруживаются случайно и такие объекты и процессы., для которых уже сейчас или в скором будущем могут появиться определенные сферы практического применения.

Отсюда и возникает ложное представление о том, что будто бы в современных условиях наука и техника полностью поменялись своими местами: из определяющего фактора, каким была техника в прошлом, она стала теперь фактором, производным от науки, а наука из производного превратилась в детерминирующий фактор по отношению к развитию техники.

На самом деле «обмен местами» между наукой и техникой произошел, но не совсем так. Действительно, наука из фактора, отстававшего (с хронологической точки зрения) от развития техники, превратилась в фактор, опережающий развитие техники. Однако перестановка основных компонентов общего научно-технического движения не означает, что определяющая, детерминирующая роль вообще перешла от техники к науке. Напротив, сама по себе указанная перестановка обоих компонентов современного научно-технического движения общества вызвана потребностями практики, техники, которая была и осталась детерминирующим фактором всего движения в целом. Сегодня, чтобы обеспечить науке возможность в полной мере осуществлять свою общественную функцию — обслуживать технику теоретическими и экспериментальными средствами и выводами, техника предоставила науке все необходимые условия для опережения самой техники»¹.

Фундаментальные теоретические науки соединяются с практикой через прикладные науки и из них черпают себе материал. Тот факт, что на современном этапе прикладная ветвь науки получает столь мощное развитие, вновь делает прозрачной причинно-следственную связь между производством и наукой. Современное производство требует превращения технических, а в известной мере и теоретических наук в подготовительную стадию производства.

---

¹ Кедров Б.М. Развитие форм связи между наукой и техникой // Сб. «Процесс превращения науки в непосредственную производительную силу». М.: Наука, 1971. С. 12–13.

5.3. Наука как всеобщая общественная производительная сила

Целесообразно различать производительные силы общественного труда и всеобщие общественные производительные силы¹. К первым относятся рабочая сила и средства производства, соединение которых в трудовом процессе своим непосредственным результатом имеет материальные блага. В число вторых входят все факторы, повышающие производительную силу общественного труда и, следовательно, в качестве основного элемента всеобщих общественных производительных сил выступает наука как один из самых мощных катализаторов технического прогресса.

В одной из своих ранних экономических рукописей, не публиковавшихся при его жизни, К. Маркс написал: «Развитие основного капитала является показателем того, до какой степени всеобщее общественное знание [Wissen, knowledge] превратилось в непосредственную производительную силу, и отсюда — показателем того, до какой степени условия самого общественного жизненного процесса подчинены контролю всеобщего интеллекта и преобразованы в соответствии с ним»².

В дальнейшем, однако, Маркс ни в рукописях, ни в опубликованных работах, говоря о науке как о производительной силе, уже никогда больше не употреблял слово «непосредственная». Он, как известно, отличался исключительной последовательностью, и если позже, отказавшись от подобного словоупотребления, в своем главном и завершающем труде «Капитал» нигде не говорил о науке как о «непосредственной» производительной силе, то это никак не может считаться случайным. Он, по-видимому, старался избежать неправильного понимания его мысли о том, что производство все больше превращается в технологическое применение науки³ и

---

¹ Ср.: «Капитал...как сила, поглощающая и присваивающая себе... производительные силы общественного труда и всеобщие общественные производительные силы, например, науку» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. Т. 26, ч. I. С. 400).

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. II. С. 215 — рукопись 1857–1858 гг.

³ Ср.: «Только капиталистическое производство превращает материальный производственный процесс в применение науки в производстве — в науку, примененную на практике», К. Маркс. Машины. Применение природных сил и

представления ее как мысли о том, что наука будто бы непосредственно, без помощи производства может создавать материальные блага.

Наука не создает непосредственно ни машин, ни локомотивов, ни железных дорог. Все это — продукты материально-производительного труда. «Все это — созданные человеческой рукой органы человеческого мозга, овеществленная сила знания»¹. Наука является мощным фактором повышения производительности труда, научные открытия, будучи материализованы, воплощены, овеществлены в новых заводах, технологических линиях, машинах в колоссальной степени повышают эффективность производства, но, только будучи овеществлены.

Нельзя забывать, что наука принадлежит не к сфере общественного бытия, а к сфере общественного сознания. Сращивание, переплетение этих сфер в реальной жизни не должно служить поводом для того, чтобы перестать отличать бытие от сознания, вещь от идеи этой вещи. Идея остается лишь идеей, перевоплощаясь из замысла в проект, из проекта в чертеж, пока, наконец, рабочий не превратит идею нового станка в новый станок, идею новой машины в новую машину, идею новой технологической линии в новую технологическую линию. В конце пути от идеи нового средства производства до ее реализации всегда стоит производство, и только посредством производства наука может произвести что-либо материальное. Непосредственно наука производит идеи и только идеи, и тот факт, что любая идея имеет какой-либо материальный носитель (проект, например, излагается на бумаге), ничего не меняет в этом отношении.

Если бы наука непосредственно, без посредства производства, производила материальные блага, то вовсе незачем было бы ломать голову над тем, как сократить путь научных разработок в производство. Сложность проблемы внедрения научных достижений в производство как раз и является самым ярким свидетельством того, что наука сама производить не может, производят производительные работники, производит производство. Наука является всеобщей производительной силой, непосредственно не производящей материальные блага, но в колоссальной степени развивающей производительную силу общественного труда.

науки (Из рукописи 1861–1863 г.г. «К критике политической экономии») // Вопросы истории естествознания и техники, 1968 Вып. 25. С. 76.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. II. стр. 215. Подчеркнуто нами. — А.З., М.П.

Всякий труд есть единство духовного и физического процессов. Выделение из производительного труда умственной деятельности и превращение ее в самостоятельный вид труда, в профессию, позволяет развить этот вид деятельности и результаты этого развития использовать для повышения производительности труда. Не являясь непосредственным участником трудового процесса, научный труд именно в силу этого становится таким мощным фактором развития производительных сил и роста производства. Его роль тем больше, чем большее развитие получает наука и чем шире ее технологическое применение.

С выделением ряда умственных аспектов труда в самостоятельный вид деятельности проблема возвращения результатов этой деятельности в производство, проблема технологического применения науки из второстепенной превращается в решающую для повышения эффективности производства. Она определяет собой современный этап развития производительных сил.

Тот факт, что наука является всеобщей общественной производительной силой, и роль этой всеобщей производительной силы общественного труда постоянно растет, тот факт, что на современном этапе широкое внедрение научных достижений в производство открывает невиданные возможности для его развития, служат объяснением наблюдаемому повсеместно факту роста сферы науки. В силу того, что наука способна оказывать такие большие услуги производству, последнее требует высоких темпов развития науки.

Расходы на науку в СССР росли следующим образом.

Таблица 1

Расходы на науку в СССР по государственному бюджету и другим источникам, 1940–1989 гг. (млрд. руб.)

1940	1950	1960	1965	1969	1970	1980	1985	1989
0,3	1,0	3,9	6,9	10,0	11,7	22,3	28,6	43,6

В процентах к национальному доходу эти расходы выросли с 0,3 % в 1940 г. до 4,1 % в 1970 г. и до 6,6% в 1989 г.¹

А вот как росла численность работников, занятых в науке и научном обслуживании.

---

¹ Народное хозяйство СССР в 1989 г.: Статистический ежегодник/Госкомстат СССР. — М.: Финансы и статистика, 1990. С. 290.

Таблица 2

Рост численности научных работников¹, 1940–1985 гг. (тыс. чел.)

	1940	1950	1960	1970	1980	1985
Всего рабочих и служащих в народном хозяйстве	33926	40420	62032	90186	112498	117798
Наука и научное обслуживание	362	714	1763	3238	4379	4554

До 70-х гг. в СССР происходили структурные изменения в общественном разделении труда и формирование сферы науки как сферы, результаты которой не эпизодически, а систематически внедряются в производство. Факты свидетельствуют о том, что затраты на науку в 1970 г. по сравнению с 1940 г. выросли более чем в 30 раз, а численность работников, занятых в науке и научном обслуживании, — почти в 9 раз. В 70-е гг. процесс формирования заканчивается, и темпы роста науки стабилизируются. Если в СССР за 1950–1965 гг. ежегодный прирост затрат на науку составлял 12,85%, то в последующие четыре года он был равен 5,45%². Однако и в будущем темпы роста сферы науки по-прежнему должны превосходить темпы роста сферы материального производства.

Зародившаяся при капитализме тенденция к росту общественного характера производства не могла не оказать влияния на сферу науки. С расширением масштабов технологического применения науки существование науки как свободного занятия отдельных лиц стало совершенно невозможным, ибо общественный характер производства не терпит распыленности, разбросанности и беспорядочности научных исследований. Поскольку производство стало требовать для своего дальнейшего развития систематически проводимых научных исследований и разработок, тенденция к обобществлению захватила сферу науки.

¹ Народное хозяйство СССР в 1970 г. М.: Статистика. С. 511, 512. Народное хозяйство СССР в 1989 г.: Статистический ежегодник/Госкомстат СССР. — М.: Финансы и статистика, 1990. С. 48–49.

² Государственный пятилетний план развития народного хозяйства СССР на 1971–1975 годы. М.: Политиздат, 1972. С. 85.

В ней протекают процессы концентрации и централизации, аналогичные соответствующим процессам в сфере производства. Общественный характер науки в настоящее время возрос настолько, что в развитых странах капитализма основные затраты на развитие науки и ее организацию берет на себя представитель всего класса капиталистов — буржуазное государство. Ни одной, даже самой могущественной финансово-промышленной группе не под силу самостоятельное развитие науки в тех масштабах и на том уровне, которые требуются современным производством.

Централизуя в значительной мере науку, капитализм все же не может достичь той степени концентрации научного труда, которую требуют современные производительные силы и которую позволяют достичь лишь социалистические производственные отношения. Новый строй, соединяя в одно целое науку и производство, объединяя их единым планом, отвечает той тенденции к обобществлению, которая на современном этапе захватила производительные силы общественного труда, а вслед за ними и всеобщие общественные производительные силы.

Страны СЭВ добились высокой обеспеченности народного хозяйства квалифицированными кадрами. Так, в 1970 г. дипломированных инженеров в СССР было в 2,7 раза больше, чем в США. И по масштабам подготовки новых кадров государства СЭВ находились впереди. В 1970 г. в СССР инженеров было выпущено 257 тысяч, в США — 52 тысячи. Численность ученых в странах СЭВ возрастала значительно быстрее, чем в США или в западноевропейских государствах. В странах СЭВ работала треть всех научных работников мира. В социалистических странах ассигнования на развитие науки быстро росли и достигли, например, в СССР в 1970 г. 4,1 процента использованного национального дохода, что было больше, чем в странах Западной Европы, и примерно столько же, сколько в США. В целом по странам СЭВ общественная производительность труда, измеряемая объемом национального дохода в расчете на одного работника материального производства, увеличилась в 1966–1970 гг. на 35% против 29% в 1961–1965 гг.

Несмотря на то, что и в развитых капиталистических странах расширялось использование научно-технических достижений, страны социализма в 60-е гг. значительно опережали их по темпам повышения производительности труда. Так, в 1961–1971 гг. среднегодовые темпы

прироста производительности труда в промышленности СССР составили 6,3%, а в США — 3,3%¹.

Таким образом, при развитии непосредственно общественного производства научно-технический прогресс создает предпосылки для освобождения общества от классовых различий, а также социально-экономических различий между городом и деревней, между людьми умственного и физического труда.

5.4. Сращивание науки и производства

С того момента, как началось превращение производства в технологическое применение науки, производство стало требовать более четкой, планомерной организации науки, более высокой дисциплины и ответственности научных работников и учреждений за выполнение явных и неявных заказов производства и за качество научной подготовки производства. Те или иные просчеты или ошибки в научных исследованиях, разработках и проектировании теперь не оседают только в виде «иногo мнения» в научно-технических журналах, а через определенный период времени сказываются на материальном производстве. Они приводят к огромным потерям материальных благ и сбоям производственного ритма, подрывают рост производительности труда, а иногда ведут и к человеческим жертвам. Время, когда то или иное научное суждение оставалось лишь достоянием научной литературы, уходит.

Такие качества, как «разгильдяйство, небрежность, неряшливость, неаккуратность, нервная торопливость, склонность заменять дело дискуссией, работу — разговорами, склонность за все на свете браться и ничего не доводить до конца»², на которые Ленин указывал как на «одно из свойств «образованных людей», одно время были неизбежны. Они вытекали «вовсе не из их дурной природы, тем менее из злостности, а из всех привычек жизни, из обстановки их труда, из переутомления, из ненормального отделения умственного труда от физического и так далее и тому подобное»³. Подобные качества под благотворным влиянием производства на сферу науки отмирают и

---

¹ См. Микульский К. Научно-техническая революция в условиях экономического соревнования двух систем // Коммунист. 1972. № 10. С. 104, 108.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 201.

³ Там же. С. 201–202.

будут отмирать тем быстрее, чем в большей степени будет развиваться научная подготовка производства и чем в большей степени наука будет превращаться в подготовительную ступень к производству.

В условиях первой фазы непосредственно общественного производства негативные тенденции во взаимодействии науки и производства обусловлены и сохранением у производственных предприятий и научных учреждений интересов, расходящихся с общественными. Проявления подобных негативных тенденций были описаны и в научной литературе, и в периодической печати.

О том, что «некоторые проектные организации без должной ответственности и заинтересованности подходят к созданию и внедрению новой техники, дают путевку в жизнь явно не доработанным машинам и агрегатам», писал в свое время, например, в «Правде» главный экономист металлургического завода «Красный октябрь» А. Карпов: «Вот примеры, связанные со строительством нашего второго электросталеплавильного цеха. Проект электропечей разрабатывал Всесоюзный научно-исследовательский институт электротермического оборудования (ВНИИЭТО). А исполнитель — Новосибирский завод электротермического оборудования (НЗЭТО). Первую установленную печь емкостью 80 тонн потребовалось коренным образом перестроить. Мы, естественно, обратились за помощью к проектантам, но получили отказ. Пришлось обходиться своими силами. Печь все-таки реконструировали, и она сейчас работает хорошо. Емкость ее доведена до ста тонн.

Во ВНИИЭТО нас уже упрекнули — вот, дескать, цепляйтесь за вчерашний день. Разве это печь? Мы дадим вам уникальную, каких еще нет в стране, — на 200 тонн. Мы, понятно, обрадовались и решили строить такие печи. Но когда получили рабочие чертежи, увидели массу конструктивных недоработок. В общей сложности набралось 52 замечания. Ознакомили с ними автора проекта Л.С. Кацевича и других товарищей из ВНИИЭТО. А там и слышать ничего не хотели. Вы, говорят, некомпетентны, нам лучше знать, что к чему.

Вопреки нашим возражениям и техническим доводам, печь все-таки сдали в испытания. И тут начались сплошные неприятности. Уже на холодном опробовании сорвало редуктор механизма отворота свода и разорвало корпус электродвигателя. А когда начались горячие испытания — оборвалась цепь и упал противовес системы перемещения электровозов... Случилось то, чего опасались и о чем предупреждали

проектировщиков заводские специалисты. С «уникальной» печью произошел конфуз.

Мы не станем рассказывать, сколько потрачено сил на бумажную переписку, пустые споры, различные проверки и заключения. Дело доходило до арбитража. Самое обидное, что эта печь — новинка обошлась заводу в два миллиона рублей, а ожидаемого эффекта не дала. Ее мощность почти на уровне печи емкостью в 100 тонн. Подобное же положение и с другой 200-тонной печью. Она тоже работает с перебоями, часто приходится менять узлы, себестоимость выплавляемой стали намного выше проектной.

Согласитесь, явление явно ненормальное. И мы, наверное, вправе спросить руководителей Главэлектropечи Министерства электротехнической промышленности В.Г. Субачева, М.И. Пережогина, руководителей ВНИИЭТО и НЗЭТО А.П. Альтгаузена, А.С. Бородачева и И.П. Лоскутова: почему же так получается? Мы считаем, что надо поднять личную ответственность каждого специалиста, причастного к созданию и внедрению новой техники. А то вот что получается: когда мы обратились в государственный арбитраж, то виновных не оказалось. ВНИИЭТО, сказали нам, — бюджетная организация, чего, мол, с нее возьмешь? Работники Новосибирского завода тоже говорят — мы тут ни при чем, делали по чертежам института»¹.

Существовали примеры и того, когда проекты делались доброкачественными, а вот связь наука — производство не срабатывала, проекты оставались лишь идеей на бумаге, а не идеей, овеществленной в производстве. Так отмечалось: «В течение пяти лет Грузинский республиканский комитет профсоюза рабочих и служащих сельского хозяйства и заготовок и директор Потийского мелькомбината обращались в республиканское и союзное министерства по поводу того, что комбинат находится в аварийном состоянии, необходим его срочный ремонт или реконструкция. Пять лет у руководителей отрасли лежала без движения проектно-техническая документация на ремонт предприятия. В декабре прошлого года техинспектор категорически потребовал прекратить работу на Потийском мелькомбинате. Это предписание не было выполнено. Вскоре элеватор рухнул. Авария нанесла не только материальный ущерб: погибли люди»².

---

¹ Карпов А. С кого спросить за просчет? // Правда, 1972, 11 июня.

² Фролов И. Не приказом единым // Труд, 1972, 8 июня.

Из сказанного следует, что без повышения хозяйственной дисциплины и ответственности научно-технический прогресс невозможен и это повышение — прямое требование производительных сил на этапе широкого и систематического применения достижений науки в производстве. В то же время повышение дисциплины и ответственности является необходимой, но далеко не единственной мерой укрепления связи науки и производства. Нужны и прогрессивные организационные отношения, эффективные формы соединения науки и производства. В СССР в качестве таких форм выступали производственные и научно-производственные объединения.

Объединение решало сразу две задачи, обусловленные НТП. Во-первых, оно обеспечивало необходимую степень концентрации производства и, во-вторых, способствовало преодолению того разделения между научным исследованием, проектированием, конструкторскими разработками, экспериментом и производством, которое являлось тормозом для развития производства.

В 70-е гг. отмечалось, что из среднего цикла «исследование-производство» в 7–9 лет «примерно 40% уходит на перерывы между стадиями и этапами цикла, связанные с согласованием, увязкой, ожиданием включения задания в планы очередной организации. Предприятия фактически заново проводят значительную часть разработок. Когда завод получает от КБ чертежи, то прежде всего начинает их проверять, а затем переделывает сообразно особенностям своего производства. Ведь в чертежах, как правило, не учитывается, какие на данном заводе заготовительные цехи, каков состав его оборудования. Поэтому заводские конструкторские бюро часто заняты малопродуктивной работой по корректировке чертежей. И здесь единственный способ решения проблемы — объединение»¹.

Объединение, с одной стороны, давало научным исследованиям мощную экспериментальную базу, а с другой стороны, производству — возможность своевременно и полно использовать результаты научных исследований. В зависимости от типа производства наилучшей формой может быть производственное объединение (в котором главным является крупное предприятие). Научно-производственное объединение, например, «имеет в своем составе исследовательское, проектно-конструкторское и технологическое подразделение, опытную

---

¹ Бляхман Л.С. Экономические проблемы девятой пятилетки. Лениздат, 1972. С. 119–120.

базу, пуско-наладочную организацию, которая устанавливает новую технику на предприятиях отрасли, центр по подготовке специализированных кадров по эксплуатации новой техники, контору по комплектации»¹.

Поскольку головной организации подчиняются все подразделения объединения, включая проектно-конструкторские и пусконаладочные организации, обеспечивается необходимая степень оперативности во внедрении научных достижений в производство. С образованием научно-производственного объединения «Позитрон», например, «основная цепочка, главные стадии цикла «исследования — производство» оказались в рамках одной экономической единицы. В итоге срок освоения ряда новых изделий сократился с 2–5 лет до 1 года»². «Позитрон» выпустил на уровне, превышающем мировые достижения, 60% новых изделий, «Светлана» — 10 электронных приборов в наиболее перспективных областях генераторной, модуляторной и рентгеновской техники. Из 25 изделий, освоенных «Позитроном» в 1970 году, 8 не имели равных в мире по техническим параметрам, а 17 не уступали лучшим зарубежным образцам.

Связывая единой организованной связью научно-исследовательские, конструкторские, проектные организации и предприятия, объединения были способны добиваться слаженной и эффективной работы, главным результатом которой являлся быстрый рост производительности труда. В 1971 году в промышленности СССР действовали свыше 600 производственных объединений, много крупных комбинатов. В Ленинграде были созданы 57 крупных объединений, включавших 233 предприятия, 42 научные и проектно-конструкторские организации. Они выпускали более трети всей продукции, хотя на их долю приходится лишь четвертая часть работающих. Среднегодовые темпы роста выпуска продукции и производительности труда в ряде объединений Ленинграда достигли в 1966–1970 годах 10% — в 1,5–2 раза выше, чем на остальных предприятиях. ЛОМО при стабильной численности персонала увеличило объем производства в восьмой пятилетке в 2,5 раза. В Москве были созданы более 40 крупных объединений предприятий, связанных между собой технологически³.

Процесс формирования научно-производственных объединений продолжался в СССР до конца 80-х гг. Достаточно отметить, что их

---

¹ Там же. С. 120.

² Там же. С. 111.

³ См. Бляхман Л.С. Ук. соч. С. 107–108.

общее количество возросло со 192 в 1980 г. до 528 в 1989 г.¹ Связанное с образованием объединений приближение науки к производству способствовало развитию науки, так как наука получала от производства больше импульсов для своего движения вперед.

Поскольку в современном мире производство ставит перед наукой все больше проблем, причем ставит их не эпизодически, а систематически, то, безусловно, закономерность сращивания науки и производства будет проявляться все последовательнее. Характер современного производства выдвигает и такие фундаментальные проблемы, решение которых для ряда отраслей науки станет эпохальным событием. Примат производства во взаимодействии науки и производства проявляет себя с новой силой и получает новые доказательства своей истинности и глубины.

---

¹ Народное хозяйство СССР в 1989 г.: Статистический ежегодник / Госкомстат СССР. — М.: Финансы и статистика, 1990. С. 313.

Исторический прогресс производительного труда

В предыдущих главах рассматривались преимущественно методологические и общетеоретические проблемы производительного труда. Более конкретное исследование производительного труда предполагает учет его социально-экономической специфики, определяемой господствующими производственными отношениями. Так как производственные отношения — форма развития производительных сил, то для понимания эволюции производительного труда необходимо учитывать преобразования в техническом базисе общественного производства. Как известно, здесь выделяются длительная эпоха преобладания ручного труда и начавшаяся с конца XVIII века эпоха преобладания машинного труда.

6.1. Эволюция производительного труда в доиндустриальный период

История производительного труда начинается в первобытном обществе. Первобытный человек приводит в действие средства производства посредством рук, в меру физических возможностей своего организма. Его производительный труд является ручным. Использование других источников энергии в процессе труда (ветра, воды и т.д.), за исключением приготовления пищи, в основном имеет вспомогательный характер. Отсюда — низкий уровень производительности труда индивида, неспособность его устойчиво обеспечивать свои потребности.

При таких условиях работники вынуждены сообща и согласованно осуществлять важные трудовые функции (расчистку участков от зарослей, охоту на крупных животных и т.д.), благодаря чему производительность труда возрастает. Производительный труд имеет тем самым непосредственно общественный характер.

Совместное присвоение главных средств производства (земли как промысловой территории, охотничьих загонов и т.д.) ведет к совместному присвоению результатов производства. Труд, следовательно, непосредственно подчинен цели воспроизводства первобытной общины, в чем состоит общий интерес ее членов.

Производительный труд в общих интересах предполагает обязательность участия в нем каждого трудоспособного. Такая обязательность есть следствие и одновременно форма реализации положения человека как совместного наряду с другими членами общины собственника результатов труда. В основе общей собственности лежит именно участие в совместном производительном труде.

В условиях первобытного общества разделение труда, как выполнение разными работниками неодинаковых трудовых функций, обусловлено половозрастными различиями людей. В рамках этого естественного разделения сохраняется равенство людей как участников совместного труда. Соответственно, такое разделение труда не влечет за собой социально-экономического неравенства в присвоении произведенных продуктов.

Взаимодействуя в труде и совместно присваивая произведенное, члены общины сообща принимали решения по жизненно важным для всех вопросам. Поскольку круг субъектов, принимающих такие решения, совпадает с кругом их исполнителей, то исторически исходной формой управления общественными делами выступало общинное самоуправление. Собрание взрослых членов общины является основной формой организации самоуправления.

Трудовая кооперация предполагала выделение специальной функции управления, выполняемой наиболее опытным, умелым работником. Однако подобная специализация долгое время оставалась моментом общинного самоуправления, так как определялась его целями, была совместимой с участием такого человека в выполнении непосредственно производительных функций, с его подконтрольностью общине, и поначалу не влекла за собой социально-экономических привилегий.

Таким образом, будучи в социально-экономическом отношении равными в труде, члены первобытной общины были равны в потреблении и управлении. Их производительный труд, как совместный и непосредственно подчиненный цели воспроизводства его

исполнителей, как обуславливающий социально-экономическое равенство членов общины, являлся свободным.

Свобода труда вела к реализации способностей человека в той мере, в какой это было возможно при существовавших тогда условиях. Как справедливо отмечал В.Г.Комаров, «в главной области своей жизнедеятельности — в добывании средств к существованию — первобытная община должна опираться на весьма развитую способность дифференцировать рабочие силы своих членов, чтобы иметь возможность рационально организовать хотя бы только простую половозрастную кооперацию труда. Следовательно, здесь не было и не могло быть основных объективных предпосылок как для нивелирования трудовых и всех прочих способностей индивидов, так и для подавления их практического мышления, обладавшего достаточно развитыми навыками различения как объектов внешней природы, так и структур своей социальной организации»¹.

Вместе с тем для собирательства и охоты характерна крайне высокая зависимость человека от внешних, не зависящих от него условий существования. Тем самым масштабы подконтрольного человеку взаимодействия с природой, определяющие технологический базис свободы труда, оставались узкими.

Непосредственно общественный характер труда в первобытной общине не имеет адекватной технической основы, поскольку орудия труда являются индивидуально используемыми, не образуют единой системы.

При существующей в первобытном обществе производительности ручного труда устойчиво обеспечивается только простое воспроизводство, то есть производство продуктов в неизменных масштабах. В результате отсутствуют предпосылки для роста численности населения, не прогрессирует величина сэкономленного рабочего времени, образующего субстанцию времени, которым члены общины могут свободно располагать.

Вследствие всех этих причин потенциал производительного труда как основы развития всех членов общества ограничен в первобытной общине не преодолимыми для нее рамками. Поэтому развитие работников остается ограниченным.

Дальнейший прогресс производительности ручного труда обеспечивался вследствие общественного разделения труда —

---

¹ Комаров В.Г. Указ. соч. С. 278.

социально-экономического закрепления больших групп людей за экономически неоднородными видами деятельности. Так, например, появились племена, занятые земледелием, наряду с закрепленными за скотоводством. При господстве ручного труда решающим фактором производительности является развитие трудовых навыков, которому как раз и способствует выполнение более узких производственных функций.

Общественное разделение труда сопровождалось растущей дифференциацией видов трудовой деятельности, что способствовало распространенному смешению отражения этих двух процессов в научной литературе. Однако они не тождественны: чередование людьми выполнения различных видов труда означает его разделение в смысле дифференциации трудовых функций при отсутствии общественного разделения труда как «сращивания» работника с определенной функцией.

Крупным этапом в общественном разделении труда стало социально-экономическое закрепление определенного социального слоя за выполнением умственного труда. Очевидно, что здесь экономическая неоднородность общественных функций, закрепляемых за разными социальными группами, приобретала более глубокий характер, чем в случае отделения земледельческих племен от скотоводческих.

В последнем случае и та, и другая социальная группа участвовали в выполнении собственно производительного труда. Что касается монополизации умственного труда особой социальной группой, то это означало ее исключение из непосредственного участия в производстве продуктов. Соответственно ее потребление обеспечивается за счет прибавочного продукта, то есть создаваемого непосредственными производителями сверх продукта, необходимого для их жизни. А время, используемое для умственного труда, выступает как сэкономленное рабочее время непосредственных производителей, которым, однако, располагают те, кто сами продукта не производят.

При общественном разделении труда на физический и умственный возникало и его разделение на управленческий и исполнительский: слой управленцев — это подгруппа занятых умственным трудом, основной массой исполнителей являются первоначально непосредственные производители.

Возникновение и углубление общественного разделения труда отрицало социально-экономическое равенство людей как участников совместного труда, а, следовательно, породило и неравенство в

присвоении средств производства и результатов труда. Так возникала частная собственность, которая прогрессировала по мере развертывания товарного обмена, закономерного в условиях закрепления больших групп производителей за неоднородными видами труда.

В результате происходило деление общества на классы — «большие группы людей, различающихся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, и следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают»¹. Тем самым в основе деления общества на классы лежит закон разделения труда.

Первой формой классового общества является рабовладение. Прогресс производительности труда достигался в нем не только за счет развития навыков работников, специализирующихся на выполнении узких производственных функций. С появлением класса рабовладельцев, занятых умственным трудом, возникает наука как особая сфера социальной деятельности, вследствие чего становилось возможным использование ее достижений для научной организации труда, совершенствования средств производства и производственных технологий. Применение совместного труда в более крупных масштабах, чем в первобытном обществе, также способствовало росту производительности. Развитие обмена ускорило рост и дифференциацию потребностей как побудителей развития производства. Таким образом, происходила более полная реализация потенций производительного труда как основы жизни общества.

Такой прогресс труда достигался при тех специфических условиях, что сам непосредственный производитель — раб был не вправе распоряжаться своими способностями к труду. Он являлся собственностью рабовладельца, который и определял порядок использования трудовых способностей раба. Соответственно труд реализовывал чужую для раба волю. Раб был отделен от управления, которое тем самым, в отличие от первобытной общины, не являлось самоуправлением непосредственных производителей. Больше того, рабы были лишены каких-либо элементов самоорганизации в труде. Труд, подчиненный интересам рабовладельцев, поглощал все время жизни раба за вычетом сведенного к минимуму времени

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.39. С. 15.

удовлетворения естественных потребностей (так, в Древнем Риме рабский труд продолжался в среднем 15 часов в день, норма свободного времени была практически нулевой). Продукт труда раба противостоял ему в качестве чужого продукта.

Объективно невозможно в основе своей добровольно выполнять труд, который чрезмерной продолжительностью подрывает жизненные силы работника, лишен самостоятельности и имеет результатом создание продукта, образующего собственность рабовладельцев. Для осуществления такого труда необходимо неприкрытое принуждение со стороны класса рабовладельцев, организованного в государство. Все это характеризует рабский труд как в высшей степени отчужденный, несвободный.

Не следует думать, что форма свободного труда, присущая первобытному коммунизму, с переходом к рабовладению исчезает бесследно. Свобода и самоуправление, свойственные непосредственно общественному труду в его исторически исходной форме, воспроизводились в деятельности свободных граждан, образующих общество как таковое (рабы, как известно, рассматривались в качестве «говорящих орудий»). А.С. Казеннов справедливо отмечает, что государство «отрицает предшествующий способ самоорганизации и поэтому оно есть в себе самоорганизация и самоуправление»¹.

Однако различие между самоуправлением для всех и самоуправлением для немногих, безусловно, существенно. В последнем случае отсутствует действительное совпадение субъекта и объекта управления, так как круг лиц, принимающих решения, оказывается более узким, чем круг исполнителей. Поэтому при рабовладении самоуправление становится формальным.

Отчуждение труда означает отрицание собственной заинтересованности работников в росте производительности труда. Усиление надзора за рабами приносило ограниченный эффект, поскольку одновременно росли расходы на содержание надзирателей. Не удивительно, что, в конце концов рабовладельцы были вынуждены пойти на смягчение режима рабского труда, допуская меры его морального поощрения, позволяя рабам создавать семьи и т.д. Однако такие меры не могли в полной мере преодолеть отчужденный характер рабского труда. К тому же основная масса орудий труда оставалась

---

¹ Казеннов А.С. Генерационные отношения в воспроизводстве человека и самоорганизации общества. СПб.: Лен. гос. обл. ун-т им. А.С. Пушкина, 2002. С. 131.

индивидуально применяемыми орудиями, так что широкомасштабная кооперация труда не имела требуемой технической основы.

Закрепление рабов за физическим трудом предполагало низкую ценность подобного труда в глазах свободных граждан, что наряду с разорением мелких свободных производителей в условиях конкуренции со стороны рабовладельческих хозяйств, привело к появлению значительной массы неимущих, живших за счет пожертвований государства и частных лиц. Люмпен-пролетариат не выполнял общественно полезных функций.

Все это предопределило историческое прехождение рабской формы производительного труда.

Переход к феодализму существенно изменил социально-экономическое положение непосредственных производителей. Крепостной крестьянин — собственник своего жилища и орудий труда, полностью или частично распоряжался своим рабочим временем, часть рабочего времени работал на себя. Он участвовал в регулировании ряда социально-экономических вопросов (например, в распределении наделов и т.д.) Крепостной крестьянин имел свободное время, использовавшееся по его усмотрению. Так, в феодальную эпоху в среднем в течение года было 84 «святых» дня, свободных от работы¹. При таких условиях развитие принадлежащих ему производительных сил становится собственным интересом крестьянина.

В рамках феодализма воспроизводится и кооперация труда — в форме помещичьего хозяйства, что создает свои предпосылки для развития производительных сил.

Вместе с тем труд крестьян в рамках собственных хозяйств оставался обособленным, что при ручном производстве обуславливало его низкую производительность.

Крепостная зависимость крестьянина означала сохранение принудительного труда в интересах помещика, принудительное отчуждение части произведенного продукта. Интересы развития работника были подчинены тем самым интересам присвоения земельной ренты.

Включение крестьян в производство на рынок делало их зависимыми от принудительных сил конкуренции. При таких условиях самостоятельность крестьянина как частного собственника

---

¹ Данные взяты из: Зборовский Г.Е. Пространство и время как формы социального бытия. Свердловск, 1974. С. 146.

оборачивалась непомерным трудом, не спасающим от разорения. Интересы субъекта как работника приносились в жертву его интересам как частного собственника.

Все это исключало возможность свободного развития крепостных крестьян.

Помещики, выполняя функцию управления, были отделены от участия в непосредственно производительном труде. Их интерес состоял в безвозмездном присвоении прибавочного продукта, созданного трудом крепостных крестьян. Соответственно заинтересованность помещиков в развитии производительных сил имела ту особенность, что она реализовывалась во многом вопреки интересам самих непосредственных производителей — крестьян.

Ремесленники-горожане, будучи лично свободными, трудились в собственных интересах. Присвоение средств производства и результатов труда основывалось на собственном производительном труде ремесленника. Положение собственника позволяло каждому на равных участвовать в решении общих для ремесленников данного цеха вопросов.

Вместе с тем в период средневековья цеховые объединения — это организации частных собственников средств производства. Эти корпорации регламентировали производственный процесс в соответствии с интересами ремесленников как мелких частных собственников, а не работников. Неудивительно, что мастера эксплуатировали здесь своих учеников, что в целях предотвращения конкуренции сковывалась трудовая инициатива. Цеховые корпорации образуют элемент сословной организации общества, в котором власть принадлежит монарху и отчуждена от непосредственных производителей.

Таким образом, в доиндустриальную эпоху происходит эволюция общественной формы производительного труда: от свободы труда в ее исторически исходной, неразвитой форме — через отчужденный характер рабского труда — к возникновению частного труда мелких товаропроизводителей, постепенно освобождающихся от выполнения принудительного труда на феодалов. Эта эволюция обеспечивает рост производительности ручного труда, чем обуславливается ее закономерный характер.

Разложение феодальных порядков, предполагающее отделение работников от собственности на средства производства, создает условия для кооперирования труда под началом капитала сначала в форме

простой кооперации труда (когда все наемные рабочие выполняют одинаковые операции), а затем в форме мануфактуры, предполагающей разделение труда между работниками. Базисом мануфактуры остается ремесло, так что сохраняется возможность превращения работников в мелких частных собственников. Вместе с тем мануфактурное производство подготавливает возникновение фабрики — кооперации труда, имеющей своей технической основой систему машин.

6.2. Наемный характер производительного труда при капитализме

Замена господства ручного труда господством машинного характеризуется как промышленная революция. Она впервые началась в конце XVIII века в Англии. Позднее все современные страны прошли через этап промышленной революции, который завершается установлением преобладающей роли в экономике крупной машинной индустрии.

«Машинный» не означает, разумеется, что функция труда переходит к машине. Трудится по-прежнему человек, но при машине, приводимой в действие двигателем, который использует первоначально паровую, а затем электрическую энергию. В результате рост производительности труда освобождается от ограничений, налагаемых физическими возможностями человека, и определяется достижениями научно-технического прогресса.

Крупная машинная индустрия исторически возникает в капиталистической форме. Это означает, что средства производства находятся в частной собственности, а работники отделены от собственности на них и вынуждены продавать свою рабочую силу. Цена рабочей силы выступает как заработная плата. Ее объективное предназначение — обеспечить воспроизводство наемного работника.

Для капиталиста смысл купли рабочей силы состоит в использовании ее для производства прибавочной стоимости, то есть стоимости, создаваемой наемным работником сверх стоимости его рабочей силы и безвозмездно присваиваемой капиталистом. Поэтому капиталист заинтересован в развитии производительных сил, включая работника, в той мере, в какой это способствует возрастанию прибавочной стоимости. Поскольку собственниками средств производства выступают капиталисты, то в экономике доминируют

именно их интересы, интересы наемных работников имеют подчиненный характер.

В условиях машинной индустрии прогрессирует общественный характер производства, когда усиливаются связи между отдельными производственными процессами. Общественный характер производства не ограничивается рамками отдельных государств, а приобретает мировой масштаб.

Система машин — это орудия труда, по своей сути допускающие только коллективное применение. На этой основе расширяется масштаб кооперации труда, появляются предприятия, на которых заняты тысячи работников.

Интересы капиталистов реализуются в конкурентной борьбе, диктующей необходимость снижать издержки в целях увеличения прибыли. Основным орудием снижения издержек выступает внедрение новой техники, экономящей живой труд, высвобождающей его из сферы материального производства для непроемственной деятельности. В результате впервые в истории человечества норма свободного времени общества, показывающая соотношение времени непроемственной социальной деятельности в масштабах всего общества к общей массе рабочего времени, начинает превышать единицу.

Прогресс общественной природы производительного труда обуславливает общность социально-экономического положения работников, проявляющегося и в формировании однотипных потребностей, и в требованиях к профессиональной подготовке.

Научно-технический прогресс, предполагающий периодическое обновление поколений техники, порождает тенденцию к перемене и сочетанию различных видов труда в деятельности каждого, что способствует росту квалификации работников и повышению их ответственности в труде. Данный процесс идет быстрыми темпами. Так, со второй половины 80-х гг. XX века отмечались значительные изменения в составе американского рабочего класса. До этого большинство промышленных рабочих (57%) были станочниками, сборщиками и чернорабочими; остальные имели более высокую квалификацию и были заняты в точном производстве и на специализированных работах. Через десять лет соотношение стало

обратным: «55% заняты в точном производстве, а 45% являются станочниками и чернорабочими»¹.

В передовых компаниях реализуются программы по обогащению содержания труда, расширению диапазона выполняемых работниками функций, по повышению их самостоятельности и ответственности в труде. Прогрессирует практика привлечения работников к участию в управлении. Растут расходы предпринимателей на профессиональную подготовку и переподготовку работников, достигающие в США 60 млрд. дол. Повышение квалификации и профессиональная переподготовка все чаще осуществляются за счет соответствующего сокращения рабочего времени с сохранением оплаты. Показателен следующий факт: «Если до 1947 года в отделе кадров корпорации «Форд» даже не спрашивали, сколько классов закончил нанимаемый работник, теперь же от одной трети до двух пятых — вдвое больше, чем десять лет назад, — вновь нанятых рабочих на автозаводах получили какое-то образование после окончания средней школы»². По сравнению с XIX веком и началом XX века существенно сократилось рабочее время наемных работников: с 65–70 часов в неделю до 38–40 часов.

Все эти меры способствуют росту производительности труда. При том условии, что этот рост опережает соответствующие затраты, отмеченные меры выступают факторами увеличения прибыли как формы проявления прибавочной стоимости. Существенно, что подобные факторы совпадают с требованиями развития производительных сил.

Рост зарплаты в связи с возвышением потребностей работников ведет к нормальному воспроизводству работников, поддерживает их трудовую мотивацию. При опережающем росте производительности труда увеличение зарплаты совместимо с увеличением прибыли и потому согласуется с интересами капиталистов. Кроме того, повышение зарплаты наемных работников означает возрастание потребительского спроса основной массы населения. В результате расширяется сбыт товаров, что увеличивает массу прибыли.

Вследствие того, что в условиях машинной индустрии труд всех работников зависит от труда каждого, развитие каждого становится условием развития всех. Поэтому коренные интересы работников

---

¹ Стюарт Томас. Интеллектуальный капитал. Новый источник богатства организаций // Новая постиндустриальная волна на Западе. 1999. С. 382.

² Стюарт Томас. Интеллектуальный капитал. Новый источник богатства организаций // Новая постиндустриальная волна на Западе. 1999. С. 382.

крупной машинной индустрии однонаправлены: реализация интересов одного субъекта предполагает реализацию тождественных интересов другого. Соответственно удовлетворение потребностей индивида перестает быть только его заботой. Отсюда возрастающая роль в условиях крупной машинной индустрии социальных гарантий и льгот, понимаемых как безвозмездное (или частично оплачиваемое) предоставление обществом ряда благ определенным социальным группам или всем.

Чем более развиты производительные силы, тем выше объективные возможности расширения круга льгот и гарантий. Эти возможности реализуются в порядке разрешения противоречия между накоплением и потреблением, когда совершенствуются средства производства, растет объем потребительских благ, сокращается рабочее и увеличивается свободное время всех членов общества. На такой основе создаются предпосылки дальнейшего прогресса производительных сил общества, роста общественного благосостояния.

Для развития человека существенно удовлетворение всех его разумных потребностей. Поэтому все блага могут присваиваться членами общества в форме льгот и гарантий. В первую очередь речь идет о всеобщей доступности образования как блага, непосредственно обеспечивающего формирование и развитие специфически человеческих способностей. Аналогичной гарантией выступает обеспеченность жильем, услугами системы здравоохранения. Гарантии доступности должны распространяться и на предметы потребления.

Данные объективные требования осознавались еще на заре капиталистического способа производства. Так, выдающийся буржуазный демократ М. Робеспьер отмечал: «Пища, необходимая человеку, так же священна, как и сама жизнь. Все, что необходимо для сохранения жизни, является общим достоянием»¹. Но в развернутой форме социальные льготы и гарантии предоставляются населению со второй половины XX века, когда социальные расходы государства стали достигать 40–50% бюджета, минимальная зарплата устанавливается в соответствии с прожиточным минимумом.

Поскольку при осуществлении социальных гарантий и льгот в капиталистической экономике предполагается изъятие через налоги части прибыли, возникает видимость негативного влияния социальных

---

¹ Цит. по: Матьез Альбер. Французская революция. Ростов-на Дону. Издательство «Феникс», 1995. С. 332.

расходов на инвестиционные возможности общества. В действительности же, расходы, непосредственно связанные с воспроизводством и развитием человека, приносят позитивный эффект, превосходящий объем затрат, что дает повод рассматривать их как разновидность инвестиций (при всей условности подобного обозначения).

Едва ли найдется статья социальных расходов, которая не сопрягалась бы с положительным производственным эффектом. В этом отношении особенно показательны расходы на образование, здравоохранение, позволяющие формировать, восстанавливать и развивать трудовые способности людей. Но и другие направления социальных расходов обладают подобным эффектом.

В силу отмеченных обстоятельств льготы и гарантии, в конечном счете, позитивно влияют на реализацию целевой установки капиталистической фирмы — максимизацию прибыли. Больше того, во многих случаях этот выигрыш является непосредственным. Так, во многом социальными льготами и гарантиями, обеспечиваемыми государством, объясняется живучесть мелких и средних предприятий, так как в результате снижается уровень притязаний работников по зарплате. Крупные и крупнейшие фирмы компенсируют более высокие (в абсолютном выражении) налоговые выплаты повышенной эффективностью, когда расширение границ кооперации труда приносит кумулятивный эффект от развития совокупного работника.

Интернационализация производства в условиях капитализма порождает предпосылки для ускоренного прогресса производительных сил стран, прежде отстававших от стран-лидеров НТП, а, следовательно, для сближения социально-экономического положения работников различных стран.

Все сказанное свидетельствует о том, что доминирующие в капиталистической экономике интересы частных собственников средств производства во многом совместимы с интересами развития производительных сил общества, создают присущие им стимулы для прогресса производительного труда. В результате развитие производительных сил ускоряется в сравнении с эпохой преобладания ручного труда, что обуславливает улучшение социально-экономического положения непосредственных производителей за счет формирования и определенного проявления предпосылок свободного всестороннего развития каждого.

Вместе с тем интересы капиталистов однонаправлены с интересами развития производительных сил не безусловно и не всегда.

Новая техника внедряется с целью увеличения прибыли. Следовательно, непосредственным интересом предпринимателя выступает снижение издержек на рабочую силу, а не экономия труда. Однако варианты нововведений, эффективные по критерию экономии на зарплате, не тождественны эффективным с точки зрения высвобождения труда.

Увеличивать прибыль можно не только за счет снижения издержек (что, как отмечалось выше, не всегда ведет к действительной экономии труда), но и за счет повышения рыночной цены, доступного для крупных капиталистических предприятий. Соответственно снижается заинтересованность предпринимателей в осуществлении НТП.

При внедрении новой техники капиталист учитывает последствия непосредственно для собственного бизнеса. Однако позитивный эффект от нововведений может проявиться в последующих звеньях технологических цепочек — на предприятиях, принадлежащих другим собственникам. Хотя тенденция к расширению масштабов производства под контролем одного собственника способствует разрешению подобного противоречия, при сохранении частной собственности оно воспроизводится, обуславливая специфически капиталистические границы высвобождения труда.

Высвобождение труда в форме сокращения рабочего времени зачастую оказывается для предпринимателей непосредственно менее выгодным, чем сокращение количества занятых на предприятии. Это связано, прежде всего, со стремлением уменьшить отчисления в фонды социального страхования, которые, как правило, зависят от количества занятых. Кроме того, сокращение персонала вместо уменьшения продолжительности его рабочего времени служит формой давления на работников в переговорах с нанимателями по поводу условий найма рабочей силы. В результате рост производительности труда используется предпринимателями для увольнения части работников, что в целом порождает безработицу в капиталистической экономике.

Несмотря на рост производительности труда, продолжительность рабочего времени наемных работников может не уменьшаться. Так, быстрые темпы сокращения рабочего времени в развитых капиталистических странах наблюдались, в основном, до начала 80-х гг. Затем ситуация существенно изменилась. Согласно данным Евростата, «если с середины 1950-х до начала 80-х гг. средняя продолжительность

отпусков в странах с развитой рыночной экономикой увеличилась с двух-трех до четырех-шести недель, то, начиная с 1980-х гг., никаких серьезных изменений в этой области произведено не было, длительность отпусков оказалась фактически заморожена»¹. Показательно, что в 1998 г. количество часов, фактически отработанных мужской частью экономически активного населения в среднем за неделю, «в большинстве промышленно развитых стран оставалось на уровне 1975 г., когда этот показатель был равен 40 часам»². Проявляется и тенденция к увеличению доли тех, кто «имеет длинную рабочую неделю (по международной классификации — свыше 45 часов). Между 1984 и 1994 гг. доля этой категории занятых мужчин увеличилась в Австралии с 30 до 38%, в Великобритании — с 34 до 41%, в Канаде — с 20 до 24%. Незначительный, но все же прирост наблюдался в Швеции, Италии, Ирландии, Дании, Норвегии, США»³.

Возможность одновременного увеличения прибыли и зарплаты не отрицает того, что получение прибыли базируется на безвозмездном присвоении нанимателями чужого неоплаченного труда. Это обуславливает противоположность интересов нанимателей и наемных работников. Поскольку производство подчиняется интересам нанимателей, то наемный характер труда означает существование отчуждения труда как работу в интересах, противоположных интересам самих работников. В таком качестве труд остается несвободным.

Для наемного работника труд выступает, прежде всего, средством заработка: именно зарплата присваивается самим работником, тогда как результат его труда присваивается собственником средств производства. Но раз результат труда — не собственность работника, то и труд не выступает его самостоятельностью, подчинен противостоящим работнику интересам и воле.

Несмотря на то, что прогресс машинной индустрии требует перемены и сочетания труда, у капиталистов сохраняется и заинтересованность в воспроизводстве «частичных работников», то есть выполняющих узкие трудовые функции. Узкая специализация снижает затраты на подготовку работника, а, следовательно, уменьшает стоимость рабочей силы, что, при прочих равных условиях, увеличивает прибавочную стоимость. Кроме того, узкоспециализированный работник имеет более слабые позиции в торге об условиях купли-

---

¹ Обзор занятости в России. Вып.1(1991–2000гг.). — М.: ТЕИС, 2002. С. 290.

² Там же. С. 291.

³ Там же. С. 292.

продажи рабочей силы, что способствует понижению цены рабочей силы при данном уровне ее стоимости.

Затраты на профессиональную подготовку и переподготовку со стороны фирм осуществляются таким образом, чтобы эффект от них доставался данным фирмам. Подготовка, способная принести результаты для других фирм, реализуется за счет самих работников. Это ограничивает возможности роста квалификационно-образовательного уровня работников.

В соответствии с интересами удешевления рабочей силы воспроизводится общественное разделение труда в той его форме, когда одни наемные работники — рабочие — социально-экономически закреплены за выполнением непосредственно производительного труда, а другие — за выполнением иных общественно необходимых функций. Соответственно в течение рабочего дня время собственно производительного труда рабочих преобладает над временем их непроизводительной социальной деятельности, напротив, специалисты и служащие заняты, главным образом, деятельностью, не являющейся производительным трудом.

При подобном разделении труда общность социально-экономического положения работников, занятых собственно трудом и иными общественно необходимыми функциями, состоит в наемном характере их деятельности, в подчинении ее интересам капиталистов. Поэтому у обеих категорий работников деятельность имеет отчужденный характер, по отношению к ним действует тенденция ограничения возможностей их развития стоимостью рабочей силы.

Однако, если рабочие создают для капиталистов прибавочную стоимость, то нерабочие обеспечивают предпосылки для создания и присвоения нанимателями прибавочной стоимости. Специалисты и служащие в форме зарплаты получают часть этой стоимости, время их деятельности имеет своей субстанцией экономию чужого труда. Как следствие — социально-экономическое положение подобных работников может быть улучшено за счет роста прибавочной стоимости и перераспределения в их пользу сэкономленного труда рабочих. Следовательно, единство интересов отмеченных категорий работников не абсолютно, у специалистов и служащих больше интересов, расходящихся с интересами развития производительных сил.

Противоположность интересов нанимателей и наемных работников накладывает свой отпечаток на участие рабочих в управлении. Оно ограничено не только по времени, так что сохраняется социальный слой

управленцев, но и по полномочиям. Принятие решений остается за собственниками или управленцами — представителями их интересов. При этом, чем значительнее роль управленца в реализации интересов капиталиста, тем выше размер его вознаграждения, имеющего своим источником прибавочную стоимость. Соответственно, усиливается общность интересов менеджеров с интересами нанимателя и ослабляется момент единства с интересами остальных наемных работников и, особенно, рабочих.

При сохранении закона общественного разделения труда прогресс экономии труда выражается преимущественно в том, что класс непосредственных производителей материальных благ количественно сокращается, а масса занятых непроизводственными функциями увеличивается. Так, в США численность «белых воротничков» превысила количество «синих» уже в 1956 г. А в 80-е гг. фабричный рабочий класс составлял в этой стране не более 17% трудоспособного населения¹. Подобная тенденция характерна для всех экономически развитых капиталистических стран. В результате предпосылки для развития человека, создаваемые рабочим классом, во все возрастающей мере используются нерабочими, что сдерживает реализацию созидательного потенциала производительного труда.

Увеличение льгот и гарантий работникам и максимизация прибыли однонаправлены далеко не всегда. Возможно несовпадение субъекта затрат и получателя непосредственной выгоды от этих затрат. Те расходы на социальные цели, которые не приносят отдачи самому предпринимателю, с его точки зрения неоправданны. Их снижение представляется ему оптимальной линией поведения и непосредственно таковой является. То, что при распространении подобной практики (например, при всеобщем уклонении от уплаты налогов) замедляются темпы экономического роста, снижается конкурентоспособность отечественного капитала на международной арене, не отменяет ориентации на текущую собственную выгоду: частные собственники не в состоянии контролировать отдаленные общественные последствия своих действий.

Ориентация на текущую предпринимательскую выгоду вступает в противоречие с предоставлением социальных льгот и гарантий и потому, что отмеченные блага распространяются не только на

---

¹ Иноземцев В. Перспективы постиндустриальной теории в меняющемся мире // Новая постиндустриальная волна на Западе. 1999. С. 28.

трудоспособное население. Воспроизводство совокупного работника предполагает и подготовку подрастающего поколения, и заботу о поколении, утратившем трудоспособность. Между тем отмеченные фазы воспроизводства непосредственно не приносят отдачи в виде увеличения совокупной прибыли. Воспитание подрастающего поколения даст экономический эффект через два десятилетия. Пожилые люди — претенденты на часть общественного продукта на том основании, что в свое время они делились созданным ими продуктом с нетрудоспособными. Но возврат обществом этого своеобразного долга старшему поколению с точки зрения совокупного капитала — вычет из его сегодняшней прибыли.

Следовательно, реализация льгот и гарантий в условиях рыночной экономики — процесс, отражающий общеэкономическое противоречие между потреблением и накоплением специфическим образом: как противоречие между интересами увеличения прибыли и воспроизводства наемной рабочей силы. В этом противоречии доминирующей стороной выступают интересы роста прибыли, определяющие капиталистические границы для развития работников. Не удивительно, что в последние годы в развитых капиталистических странах обнаружилась тенденция к свертыванию социальных гарантий.

Наемные работники равной квалификации и производительности могут отличаться принадлежностью к полу, этнической группе и т.д. Опираясь на эти различия, предприниматели способны платить различную зарплату работникам с одинаковой производительностью труда, предоставлять им различные шансы при найме и увольнении, продвижении по службе, то есть осуществлять дискриминацию на рынке труда. Дискриминация позволяет увеличивать прибыль за счет сравнительно низкой зарплаты представителям дискриминируемых групп, усиления конкуренции между различными группами работников.

Для крупных капиталистических производителей, способных влиять на уровень рыночных цен, становится выгодным повышение цен (в рамках допустимого со стороны рыночного спроса). Дело в том, что в соответствии с трудовыми договорами уровень денежной зарплаты фиксируется на определенный срок, а при фиксированной зарплате повышение цен на произведенную продукцию ведет к увеличению прибыли. Поскольку подобной практики ценообразования придерживаются производители разных отраслей, то это ведет к инфляции — повышению общего уровня цен в стране. В результате инфляции покупательная способность работников — их реальная

зарплата — снижается, так что действует тенденция к понижению цены рабочей силы по сравнению с ее стоимостью.

В рамках мировой капиталистической системы разделение труда в условиях научно-технического прогресса осуществляется таким образом, что чем выше доля населения страны, не занятого непосредственно производительным трудом, тем значительнее масштабы присвоения общественного продукта, созданного рабочим классом других стран, и экономии труда, осуществленной в этих странах. Это позволяет предпринимателям не увеличивать степень присвоения прибавочной стоимости, создаваемой внутри государств — лидеров НТП.

Вместе с тем сравнительно высокий уровень зарплаты в экономически развитых странах побуждает к дальнейшему сокращению в них отраслей материального производства и развертыванию соответствующих производств за рубежом, что также ведет к сокращению удельного веса рабочего класса в структуре занятых в народном хозяйстве США и Западной Европы. С этой точки зрения показательна оценка специалистами пуска нового завода фирмы BMW в Германии: «Зарплата немецкого рабочего, занятого в автопроме, в семь раз выше, чем у восточноевропейского коллеги, а рабочая неделя на 10% короче. Аналитики сомневаются, сможет ли теперь Германия конкурировать с более дешевыми моделями соседей. Некоторые уверены, что это будет последний завод, построенный в Западной Европе»¹.

Таким образом, вследствие того, что целью капиталистической экономики выступает максимизация прибыли, а развитие производительных сил остается средством для достижения подобной цели, момент однонаправленности интересов получения прибыли с интересами общественного развития не исключает существования основы для их противопоставления. Кроме того, горизонт интересов прибыли даже при их однонаправленности с интересами общественного развития более узкий. Вследствие этой узости, а тем более при противоположности интересам общественного развития, ориентация на прибыль может вступать и вступает в противоречие с требованиями научно-технического и социально-экономического прогресса. В результате обеспечение благосостояния и свободное всестороннее

---

¹ Мили Ричард, Виллиамсон Хью. BMW предпочитает качество // Ведомости, 19 мая 2005, № 89.

развитие всех членов общества, основа для чего создается современным производительным трудом, остаются при капитализме недостижимыми — вопреки имеющимся для этого объективным предпосылкам и требованиям развития производительных сил.

Интересы общественного развития воплощаются в интересах рабочего класса как класса непосредственных производителей в условиях крупной машинной индустрии. Это обусловлено тем, что именно рабочий класс выступает главной производительной силой общества.

Не следует думать, что у непосредственных производителей существуют только интересы, совпадающие с интересами общественного развития. Объективно существует и возможность улучшения положения отдельного работника или группы работников независимо от улучшения положения остальных и даже в ущерб им. Пример штрейкбрехеров в этом смысле весьма показателен. Возможна ситуация, когда улучшение положения рабочего по одному параметру ухудшает его положение в целом (например, при увеличении заработка за счет сверхурочной работы). Подобные интересы работников реализуются, главным образом, благодаря тому, что они ведут к увеличению прибыли. Так, стремление работников заработать за счет сверхурочных согласуется с экономией предпринимателей на издержках в связи с наймом новых работников; штрейкбрехерство — это инструмент давления предпринимателей на работников в условиях трудовых конфликтов и т.д.

Поскольку интересы, совпадающие с интересами общественного развития, коренным образом улучшают социально-экономическое положение рабочего класса, они являются для него основными. Соответственно его интересы, расходящиеся с основными, имеют побочный, второстепенный характер. В соотношении отмеченных интересов потенциальный перевес принадлежит основным, тем, которые совпадают с интересами общественного развития. Вот почему рабочий класс наиболее заинтересован в осуществлении общественного прогресса при капитализме.

Из этого следует, что развитие производительных сил, которое, в конечном счете, выгодно и классу предпринимателей, будет осуществляться тем последовательнее, чем полнее будут осуществляться коренные интересы рабочего класса. Поэтому прогресс при капитализме определяется разрешением присущих ему противоречий в соответствии с требованиями основных интересов

рабочего класса. Это предполагает борьбу данной общественной силы за свои коренные интересы.

Относительное и даже абсолютное сокращение численности рабочих в странах — лидерах НТП при возрастании удельного веса «белых воротничков» в структуре занятых зачастую преподносится как свидетельство исторического заката рабочего класса. Между тем социально-экономическая роль рабочего класса как носителя интересов общественного развития не зависит от его численности. Раз субстанцией для функционирования непроизводственной сферы является сэкономленный труд рабочих, то этим определяется производный от такого труда характер деятельности других социальных классов и слоев. Последние присваивают не только прибавочный продукт, но и все возрастающую долю сэкономленного труда. Их общественная роль состоит, в конечном счете, в том, что они либо способствуют прогрессу экономии труда, либо тормозят его. Так как непосредственно производительный труд образует субстанцию всех других видов общественной деятельности, то рабочий класс, социально-экономически закрепленный за выполнением такого труда, составляет действительную основу и современного капиталистического общества.

В результате борьбы за интересы общественного развития, которая приводит к улучшению положения рабочего класса, к формированию у него способности действовать в соответствии с требованиями своих коренных интересов, рабочий класс раньше или позже, закономерно обретает возможность подчинять экономику цели свободного развития, освобождая производительный труд от наемного характера.

6.3. Производительный труд в период перехода к непосредственно общественному производству

Освобождение производительного труда от наемного характера предполагает превращение рабочего класса в собственника общественных средств производства. Для этого требуется национализация основных средств производства, осуществляемая посредством системы власти, призванной последовательно выражать интересы общественного развития.

Такая система имеет своей основой коллективы работников предприятий крупной машинной индустрии. Именно такие коллективы трудятся в условиях, объективно требующих перемены и сочетания труда, свободного развития каждого, и потому они непосредственно

выступают носителями интересов общественного развития. Не удивительно, что все успешные исторические попытки рабочего класса установить свою власть предполагали ключевую роль производственных коллективов в происходящих событиях.

Так, например, формирование Советской власти в России происходило при активном участии фабрично-заводских комитетов, созданных рабочими на крупнейших российских предприятиях. Эти комитеты, по сути, выступали первичными ячейками новой власти, а, учитывая, что ее сила базировалась на потенциале производственных коллективов, данные звенья с полным правом можно назвать основными. Аналоги российских фабрично-заводских комитетов возникали практически во всех индустриальных странах, переходящих к строительству непосредственно общественного производства.

Обстановка крупной машинной индустрии формирует в рабочих способность к согласованным совместным действиям, направленным на достижение масштабных общественных целей. Опираясь на организованность трудовых коллективов, рабочие обретают возможность влиять на социально-экономические процессы всех уровней как непосредственно, так и через подотчетных им представителей.

Показательно, что власть рабочего класса получила иную организационную основу, чем у парламентских республик. В последних избирателей организуют по территориальным округам (в силу разобщенности жителей сами они в территориальные округа с большой численностью избирателей организовать не в состоянии), что позволяет предпринимателям — обладателям экономической власти, объединенным деловыми связями в широких масштабах, обеспечивать приоритет своих интересов и в политической сфере.

Советская же власть организовывалась, прежде всего, путем выборов депутатов непосредственно в трудовых коллективах, что давало рабочим возможность не только поддерживать хорошо известные им кандидатуры, но и регулярно заслушивать отчеты депутатов, а при необходимости осуществлять их отзыв. Тем самым была осуществлена свойственная современному обществу «главная тенденция: переход управления от территорий к производствам»¹. Ограничение численности крестьянских депутатов в представительных органах власти обеспечивало приоритет нового, производственного

---

¹ Казеннов А.С. Указ. соч. С. 139.

принципа выборов депутатов над старым, территориальным. Подобные организационные условия обеспечивали реальную возможность использования системы новой власти для осуществления интересов общественного развития даже в такой стране, где преимущественно мелкокрестьянский аграрный сектор экономики преобладал над промышленным, а индустриальный рабочий класс составлял меньшинство трудоспособного населения.

Поскольку власть, опирающаяся на организованность трудовых коллективов, открывает возможность для включения работников в управление в соответствии с их коренными интересами, однонаправленными с интересами всех трудящихся, то такая власть обретает для работников самоуправленческий аспект.

Применяя систему самоуправления, рабочий класс способен начать использование национализированных средств производства в интересах общественного развития в соответствии с экономическим законом потребительной стоимости. Одной из первых мер является законодательное сокращение продолжительности рабочего времени, о чем свидетельствует, например, опыт Советской власти. Такая мера позволяет полнее реализовать в интересах развития основной производительной силы общества достижения капитализма в области производительности труда. Наряду с этим сокращение рабочего времени образует важнейшую материальную предпосылку для осуществления ассоциированными работниками своей власти.

Участие рабочих в принятии стратегических управленческих решений, в сочетании с увеличением времени, уделяемого управлению, означает подрыв основы старого разделения труда, превращение тенденции к перемене и сочетанию труда в доминирующую.

Благодаря установлению своей власти работники получают возможность улучшить режимы и условия труда и отдыха для всех и ввести льготные режимы для подростков и женщин с малолетними детьми. Как показывает исторический опыт, удается также наладить общественное питание на производстве, увеличить продолжительность оплачиваемых отпусков, повысить оплату времени нетрудоспособности, начать создание широкой сети дошкольных детских учреждений.

Появляется возможность строить оплату труда не в привязке к стоимости рабочей силы, а в соответствии с принципом «по труду», то есть в непосредственной зависимости от трудового вклада работников в выпуск продукции, необходимой обществу. Это означает, что мера потребления освобождается от подчинения цели максимизации

прибыли, становится адекватнее удовлетворению разумных потребностей работников.

Реализация общественной собственности, предполагающей, что развитие каждого становится условием развитием всех, закономерно проявляется и в переходе к льготному предоставлению работникам социально значимых благ. Так, уже в первые годы Советской власти рабочие семьи в городах активно выезжали из подвальных помещений в комнаты и квартиры с более здоровыми условиями проживания, благодаря новой власти возросла доступность сферы здравоохранения, создавались условия для повышения образовательного уровня работников. И хотя многие меры политики «военного коммунизма» были обусловлены обстановкой военного времени (например, полное упразднение денежного обращения), однако и впоследствии, с переходом к мирному строительству льготное предоставление работникам социально значимых благ сохранилось.

Тем самым распределение «по труду» использовалось в сочетании с основным принципом распределения, не предполагающим увязки потребления с трудовым вкладом, непосредственно ориентированным на разумные потребности работников. С учетом того, что льготно предоставляемые блага направлены на развитие способностей работников, образуют ключевые предпосылки их материального благосостояния, следует отметить: установление системы рабочего самоуправления порождает тенденцию к доминированию принципа распределения «по потребностям», адекватного обеспечению полного благосостояния и свободного, всестороннего развития всех членов общества. Доминирование этого принципа охватило такие сферы потребления, как жилье, медицина и образование, расходы на которые, например, в современной России, многократно превышают зарплату работников.

Таким образом, установление власти, формируемой трудовыми коллективами производственных предприятий, позволяет начать отрицание наемного характера труда и перейти к формированию свободы труда, когда целью общественного производства становится развитие работников.

Освобождение труда, имеющее исторически прогрессивный характер, неизбежно сталкивается в переходной экономике с проявлением противоположных тенденций.

Не исключено вооруженное сопротивление классов, утративших свое политическое господство и теряющих экономическую власть.

Развязанная ими гражданская война дезорганизует экономическую жизнь, что ведет к падению объема выпуска продукции, препятствует подчинению экономики интересам общественного развития. Так, в условиях гражданской войны в России преобладающей задачей национализированной промышленности было обеспечение нужд фронта. Как следствие, продолжительность рабочего дня превышала 8 часов, уровень обеспеченности рабочих предметами потребления резко сократился.

Материально-техническая база создаваемого непосредственно общественного производства сохраняет диспропорции, существенные различия в технической оснащенности отраслей и т.д., что не соответствует предпосылкам для реализации закона потребительной стоимости как основного закона непосредственно общественного производства.

И в условиях относительно мирного установления своей власти рабочий класс первоначально может управлять только наиболее крупными национализированными предприятиями. Часть государственных предприятий ориентируется на действие рыночного регулятора, образуя тем самым государственно-капиталистический уклад экономики. Основная часть средних и мелких предприятий остается в капиталистической собственности. Наряду с частнокапиталистическим укладом сохраняется и мелкотоварный уклад. В результате воспроизводится наемный характер труда для части рабочего класса, в экономике сохраняются уклады, ориентированные на максимизацию прибыли и доходности. Соответственно сохраняются факторы, порождающие безработицу.

Уклады, для которых ориентация на прибыль и доходность является доминирующей, влияют и на обобщественный сектор экономики, вынуждая входящие в него предприятия придерживаться принципов коммерческого расчета, предполагающего обеспечение прибыльности производства. При таких условиях момент наемного труда воспроизводится и в рамках социалистического уклада экономики, здесь также возможно снижение издержек путем сокращения количества занятых, что образует один из источников безработицы.

Сокращение рабочего времени первоначально недостаточно, чтобы изжить социально-экономическое закрепление работников, с одной стороны, за производительным трудом, а с другой, — за управленческим. Безусловно, введение 8-часового рабочего дня было огромным историческим завоеванием рабочего класса. И все же при

этом преобладающая часть суток, исключая время удовлетворения естественных потребностей, уделялась производительному труду. Тем самым воспроизводился один из коренных признаков рабочего класса.

Социально-экономическое закрепление за производительным трудом означает, что продолжительность рабочего времени остается превышающей разумную потребность в труде на благо общества. Эта потребность не может быть единственным мотивом трудовой деятельности, сохраняется и момент труда ради заработка — внешней цели по отношению к самому труду. Подобная цель, проявляясь, например, в виде «рвачества», может вступать в противоречие с осуществлением требований общественных интересов, о чем свидетельствовал опыт первых послереволюционных лет. Соответственно и в организации труда на национализированных предприятиях не обойтись только убеждением, без мер принуждения.

Время, уделяемое рабочим управлению, остается недостаточным продолжительным для их полного освобождения от закрепления за исполнительским трудом. Такое положение осложняет формирование у работников потребности в управленческой деятельности, обуславливает элементы пассивности и формализма в ее осуществлении.

То, что уничтожению старого разделения труда противостояла тенденция к его воспроизводству, проявлялось и в сохранении социального слоя, социально-экономически закрепленного за выполнением умственного труда, в том числе такой его разновидности, как управленческая деятельность. Соответственно и у занятых в социалистическом укладе экономические интересы не были тождественными.

Те, кто не были заняты непосредственно производительным трудом, наряду с интересами, однонаправленными с интересами свободного развития каждого, имели и заинтересованность в изъятии у рабочего класса прибавочного продукта и экономленного рабочего времени. Подобной линии поведения способствовали привычки, свойственные специалистам и служащим в условиях капиталистической экономики и неизбежно существовавшие в начале переходного периода к новому обществу.

При возникновении системы самоуправления еще не полностью отрицается выполнение управленческих функций особым социальным слоем. Соответственно интересы освобождения труда должны осуществлять управленцы, социально-экономическое положение которых, а значит, и экономические интересы, существенно отличаются

от присущих рабочему классу. Больше того, в управленческом аппарате первоначально преобладают специалисты, прежде управлявшие в интересах капитала. Все это объективно порождает бюрократизм как выражение в управлении иных интересов, нежели коренные интересы рабочего класса. Бюрократические тенденции в управлении социалистическим укладом противоречат его развитию, а, следовательно, становлению свободы производительного труда.

На предприятиях социалистического уклада используются техника и технологии, прежде применявшиеся в целях максимизации прибыли. Как следствие — организация труда и его условия первоначально не вполне соответствуют интересам свободного развития работников.

В обстановке, когда управление социалистическим укладом экономики только налаживается, когда в экономике сохраняется действие рынка и ориентированных на него экономических укладов, распределение «по труду» во многом формально освобождает потребление работников от привязки к стоимости рабочей силы. Фактически же объем потребления у рабочих в первое время может даже сократиться — вопреки задаче удовлетворения их разумных потребностей. Кроме того, равенство меры потребления («по труду») не исключает неравенства в потреблении, так как работники обладают разной производительностью, имеют неодинаковое семейное положение и т.д. Поэтому существует неравенство в удовлетворении разумных потребностей работников.

Привлечение к организации национализированного производства буржуазных специалистов требует их повышенного денежного вознаграждения, не соответствующего принципу «по труду». Тем самым распределение по труду не является единственным принципом денежной оплаты на государственных предприятиях, оно находится в единстве с отрицающим его принципом, производным от цели максимизации прибыли.

Фонды общественного потребления, сориентированные на потребности членов общества в соответствующих благах, первоначально не в состоянии вполне удовлетворить эти потребности. Поэтому для рабочего класса в переходный период сохраняются жилищная проблема, проблема доступа к качественным медицинским услугам и т.д.

В соответствии с противоречивостью социально-экономического положения рабочего класса в переходный период действуют противоположные тенденции, одна из которых — прогрессивная —

соответствует освобождению труда от наемного характера, а другая — негативная — ведет к его реставрации.

Позитивная тенденция выражается в развитии непосредственно общественного уклада в экономике и сокращении удельного веса остальных укладов, что ведет к ориентации экономики на потребительно-стоимостные параметры: рост производительности общественного труда, удовлетворение разумных потребностей работников, — и снижает значимость погони за прибылью. В результате расширяется сфера свободного труда, преодолевается безработица.

Реализация интересов общественного развития связана со становлением системы централизованного планового управления экономикой, когда усиливается планомерность в народном хозяйстве. Например, в СССР многоукладность в экономике преодолевалась в результате перехода от составления в середине 20-х гг. контрольных цифр развития народного хозяйства на год к управлению на основе пятилетних народнохозяйственных планов.

Прогрессивная тенденция предполагает рост управленческой активности рабочего класса, увеличение времени, уделяемого рабочими теории и практике управления. Показательно, что конец 20-х — первая половина 30-х гг. характеризовались подъемом массовой рабочей инициативы, когда большинство рабочих в тех или иных формах включались в управление социалистической промышленностью. Всплеск управленческой инициативы советских рабочих произошел в условиях перехода государственных предприятий на 7-часовой рабочий день.

Подчинение экономики интересам рабочего класса предполагает укрепление управленческого аппарата кадрами из числа наиболее подготовленных рабочих и специалистов, получивших образование в вузах, ориентированных на потребности построения непосредственно общественного хозяйства.

Интересам общественного развития соответствует улучшение условий и организации труда, повышение образовательного и квалификационного уровня работников. Так, в СССР индустриализация экономики привела к оснащению предприятий передовой техникой, к использованию прогрессивных форм организации труда. В этот период была развернута широкомасштабная техническая подготовка рабочих кадров, быстро увеличивался выпуск специалистов вузами.

Становление свободного труда характеризуется более эффективной реализацией принципа оплаты «по труду». Так,

например, в начале 30-х гг. в советской промышленности широко распространялись коллективные формы оплаты труда, более точно отражающие вклад каждого в общие результаты совместного труда и повышавшие заинтересованность в их улучшении. Что касается оплаты специалистов, то до конца 20-х гг. действовал принцип партмаксимума, благодаря которому уменьшалась дифференциация в зарплате между руководителями-членами партии и рабочими.

По мере прогресса обобществленного сектора экономики формируется возможность повышения реальной зарплаты работников, масштабов потребления из общественных фондов.

Следует отметить, что индустриализация, создание новых отраслей промышленности предполагают повышение нормы накопления. Доля средств, идущих на расширение основных производственных фондов, повышается относительно доли, предназначенной для потребления, что непосредственно может привести к временному уменьшению темпов роста благосостояния рабочих. В связи с этим некоторые авторы утверждали, что с введением пятилетнего плана в СССР произошло «подчинение потребления накоплению; подчинение рабочих средствам производства»¹. Отмеченный довод (наряду с другими) должен был свидетельствовать о том, что к завершению переходного периода советская экономика стала не социалистической, а государственно-капиталистической, что произошла реставрация наемного характера труда.

В действительности, создание передовой материально-технической базы общественного производства соответствует интересам общественного развития, представленным коренными интересами рабочего класса. И хотя затраты на индустриализацию непосредственно ограничивали возможности роста личного потребления, но подобные ограничения были совместимы с формированием технической основы для освобождения труда и потому не меняли природы новой экономики как непосредственно общественной.

Реализация отмеченных позитивных тенденций ведет к решению исторической задачи освобождения труда от наемного характера.

Вместе с тем в переходный период сохраняется объективная основа для действия противоположных тенденций.

Воспроизводство укладов, ориентированных на действие стихийного регулятора экономики, может иметь тенденцию к расширению, чему

---

¹ Клифф Тони. Государственный капитализм в России, 1991. С. 33.

способствует возможность усиления коммерческих принципов в деятельности государственных предприятий, что вполне подтверждается опытом современной КНР. Соответственно не исключена реставрация господства капиталистических отношений, характерного для них наемного труда.

Существование элементов наемного труда порождает тенденцию к усилению эгоистических устремлений со стороны отдельных работников, предприятий и т.д., что подрывает единство действий рабочего класса по реализации его коренных интересов.

Сохранение социально-экономического закрепления рабочего класса за исполнительским трудом обуславливает тенденцию к падению управленческой активности рабочих, их стремление передоверить специалистам решение не только технических, но и ключевых социально-экономических вопросов.

Сохранение особого социального слоя, выполняющего функцию управления, порождает тенденцию к расширенному воспроизводству бюрократизма. Это приводит к попыткам монополизировать специалистами принятие стратегических решений, ограничить управленческие полномочия рабочих.

В сфере организации труда возможна тенденция к подрыву коллективных форм, к усилению противопоставления интересов отдельных работников. Вместе с тенденцией к свертыванию коллективных форм организации труда возможны уменьшение значимости коллективных форм его оплаты, усиление роли индивидуальной «сдельщины», что ослабляет зависимость благосостояния каждого от общих результатов производства. Не исключена подмена убеждения в обеспечении трудовой дисциплины ставкой на принуждение.

Бюрократические устремления в управлении могут выразиться в увеличении разницы в оплате управленцев, с одной стороны, и исполнителей, с другой. В результате социально-экономическое положение управленцев может во все возрастающей степени улучшаться независимо от улучшения положения рабочего класса, что снижает активность управленческого аппарата в реализации интересов общественного развития, способствует его переориентации на противоположные интересы.

В переходный период сохраняется основа для тенденции к свертыванию общественных фондов потребления.

Хотя тенденциям исторически позитивного характера принадлежит потенциальный перевес в соотношении с негативными тенденциями, но разрешение противоречий в их пользу не может произойти стихийно, без целенаправленной деятельности заинтересованной общественной силы.

Таким образом, рабочему классу, установившему систему самоуправления, предстоит борьба за утверждение свободы труда посредством преодоления многоукладности в экономике по линии развития непосредственно-общественного уклада. Достижение этой цели предполагает его борьбу за разрешение противоречий внутри нового экономического уклада с тем, чтобы тенденция к прогрессу свободы труда реализовала свой потенциальный перевес над тенденцией к воспроизводству элементов наемного характера труда.

6.4. Производительный труд в период развития непосредственно общественного производства на собственной основе

Разрешение противоречий переходного периода означает, что рабочий класс сформировал систему управления, способную на деле планомерно подчинять экономику интересам общественного развития. Это позволяет обеспечивать господство общественной собственности в ее основной форме — государственной и связанной с ней кооперативной.

Управление экономикой в коренных интересах рабочего класса осуществляется на основе участия в управлении преобладающей части промышленных рабочих. Перемена и сочетание труда охватывают повседневную трудовую деятельность рабочего класса, что означает подрыв основы социально-экономического закрепления непосредственных производителей за исполнительским трудом как одного из сущностных признаков классового общества.

В управленческом аппарате преобладают кадры специалистов, воспринимающих интересы рабочего класса как свои собственные, над которыми не довлеет опыт управления в интересах капитала.

Утверждение свободного труда предполагает, что техническим базисом сферы материального производства является крупная машинная индустрия, планомерно сформированная с учетом

потребностей быстрого роста общественной производительности труда. Так, в СССР в ходе индустриализации народного хозяйства были построены тысячи государственных промышленных предприятий, оснащенных передовой для своего времени техникой. В результате образовалась адекватная материально-техническая основа для реализации закона потребительной стоимости и производных от него экономических законов, включая закон перемены и сочетания труда.

На базе оснащения народного хозяйства передовой техникой возрастает уровень общественной производительности труда, интенсифицируется высвобождение труда из сферы материального производства. Это позволяет обеспечить прогресс непродуцированной сферы в соответствии с общественными интересами. Как известно, в 30-е гг. в СССР строились не только новые промышленные предприятия, но и создавались научно-исследовательские институты, открывались вузы, доступные для детей рабочих и крестьян, происходил переход к всеобщему семилетнему образованию и т.д.

Льготное и гарантированное распределение благ через общественные фонды потребления утверждается как приоритетное. Одновременно установление системы планового ценообразования обеспечивает доступность благ, распределяемых посредством денежной формы, — через торговлю предметами потребления.

Таким образом, производительный труд, а потому и труд непродуцированный, с завершением перехода к непосредственно общественному производству обретают социально-экономическую форму свободного. Свобода труда, будучи для человечества исторически исходной, восстанавливается, но уже на адекватной ей материально-технической базе, в своих развитых определениях.

Вместе с тем производство, выступающее как непосредственное отрицание капитализма, во всех отношениях несет на себе отпечаток старого строя. Это касается и свободы труда.

В рамках переходного периода объективно невозможно коренным образом обогатить содержание производительного труда всех работников, исключить те его виды, в которых преобладают тяжелые физические усилия, монотонность, которые осуществляются в неблагоприятных для тружеников условиях и т.д., что ограничивает потенциал производительного труда как сферы реализации свободно развитого работника. У производительных работников сохраняется отношение к труду не только как к потребности, но и как к средству заработка.

Остается незавершенным подрыв старого разделения труда, когда функции производительного труда по-прежнему выполняются преимущественно особыми социальными группами — рабочим классом и колхозным крестьянством. Работники непродуцированной сферы социально-экономически закрепились за функциями непродуцированного труда. В результате сохраняется односторонность развития трудовых способностей членов общества.

Выделение в обществе особого социального слоя, занятого преимущественно управленческим трудом, объективно обуславливает сохранение бюрократизма в управлении. Бюрократизм ведет к пренебрежению управленческой инициативой работников, что делает возможным подрыв системы самоуправления рабочего класса. Так, в СССР в конце 30-х гг. выборы депутатов через трудовые коллективы, системообразующие для Советской власти, были заменены характерными для парламентской системы выборами по территориальным избирательным округам. А это ведет к игнорированию закономерностей непосредственно общественного производства и к переориентации управления на интересы, расходящиеся с общественными, противоречащие свободе труда.

Общественные фонды потребления и связанное с ними распределение по потребностям первоначально не могут быть развиты настолько, чтобы в полной мере обеспечить разумные потребности всех членов общества. Наличие распределения по труду означает сохранение социально-экономического неравенства между членами общества, порождающего момент отрицания отношения к труду как к самоцели.

Все это свидетельствует о том, что по завершении переходного периода в непосредственно общественном производстве наряду со свободой труда существует момент, означающий ее отрицание, берущий начало от наемного характера труда. Это — момент, так как наемный труд противоположен сущности нового социально-экономического строя. Существование в труде, непосредственно общественном, отрицательного момента, характерного для наемного труда, означает собственную неразвитость свободы труда, обусловленную происхождением непосредственно общественного производства из капитализма.

При отмеченных предпосылках по завершении переходного периода объективно возможны две противоположные тенденции: связанная с укреплением свободы труда и изживанием момента наемного труда, и ведущая к ее отрицанию и реставрации наемного труда. Таково

объективное противоречие, обуславливающее развитие свободного труда на его собственной основе.

Укрепление свободы труда предполагает обогащение содержания производительного труда, обеспечение его благоприятных условий для всех занятых. Например, в СССР доля промышленных рабочих, занятых ручным трудом, сократилась с 62,9% в 1948 г. до 32,2% в 1987 г.¹

Отсюда необходимость в росте образовательного уровня непосредственных производителей. Такая закономерность проявлялась в СССР: если в 1939 г. из 1000 рабочих высшее и среднее (полное и неполное) образование имели 87 человек, то в 1987 г. — 861².

Так складываются существенные предпосылки для формирования производительного труда как действительно свободного. «В материальном производстве, — отмечал К.Маркс, — труд может приобрести подобный характер лишь тем путем, что 1) дан его общественный характер и 2) что этот труд имеет научный характер, что он вместе с тем представляет собой всеобщий труд, является напряжением человека не как определенным образом выдрессированной силы природы, а как такого субъекта, который вступает в процесс производства не в чисто природной, естественно сложившейся форме, а в виде деятельности, управляющей всеми силами природы»³.

Использование роста производительности труда для сокращения рабочего времени непосредственных производителей приближает продолжительность труда к разумной потребности в нем. Так, в СССР в начале 60-х гг. вновь был введен 7-часовой рабочий день. В результате промышленные рабочие имели в год на 300 часов нерабочего времени больше, чем в 1952 г., и на 750–800 часов больше, чем в 1913 г.⁴

Идущее параллельно с этим сокращение времени занятости в нематериальной сфере позволяет ее работникам включаться в выполнение производительного труда. При этом для каждого работника нематериальной сферы общее время занятости в обеих сферах должно не возрастать, а сокращаться. Все это будет способствовать развитию потребности в труде как первой жизненной потребности человека,

---

¹ Труд в СССР: Статистический сборник/Госкомстат СССР. — М.: Финансы и статистика, 1988. С. 250.

² Труд в СССР: Статистический сборник. С. 10.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. II. С. 110.

⁴ См.: Патрушев В.Д. Время как экономическая категория. С. 85.

делать излишним применение принуждения для поддержания трудовой дисциплины.

Сокращение рабочего времени необходимо использовать как материальную предпосылку для роста управленческой активности рабочих, для освоения ими все более сложных и ответственных управленческих функций. Уместно вспомнить, что именно при введении 7-часового рабочего дня в СССР в годы первой пятилетки получили распространение такие развитые формы участия рабочих в управлении, как шефство заводов над государственным аппаратом, социалистическое совместительство — выполнение рабочими ответственных функций в органах управления по совместительству с работой на производстве. В подобной управленческой работе участвовали десятки тысяч советских рабочих.

На этой основе в управленческом аппарате непосредственно общественного производства будут возрастать удельный вес и значимость управленцев, совмещающих управленческую работу с производительным трудом. Такое развитие поведет к освобождению общества от выделения особого социального слоя управленцев, а, значит, и от бюрократизма в управлении. Система самоуправления класса, первоначально не свободная от формы государственности, будет перерастать в общественное самоуправление.

Приоритетной формой использования экономии труда должно стать не увеличение количества занятых в непроизводственной сфере за счет сокращения численности рабочих, а сокращение рабочего времени непосредственных производителей с использованием ими прироста свободного времени для выполнения общественных функций, прежде всего участия в управлении, для свободного всестороннего развития. Когда в процессе развертывания закона перемены и сочетания труда все трудоспособные члены общества будут участвовать в производительном труде, а продолжительность их рабочего времени будет меньше времени ежедневной социальной деятельности непроизводственного характера, включая управление всеми общественными делами, тогда будет полностью упразднено старое разделение труда, общество освободится от классовых различий. Выполнение производительного труда перестанет быть фактором односторонности развития человека, оно будет элементом всестороннего развития каждого.

Рост производительности труда позволяет повышать меру удовлетворения разумных потребностей всех членов общества в

предметах потребления. Это дает возможность развивать общественные фонды потребления, планомерно использовать экономию труда для понижения цен, в том числе потребительских. Как известно, в период с 1948 г. по 1955 г. приоритетной формой увеличения реальных доходов населения в СССР выступало понижение цен. В перспективе это ведет к расширению круга благ, бесплатно предоставляемых потребителям и, в конечном счете, к полной замене распределения по труду распределением по потребностям. Это также способствует полному отрицанию труда с целью вознаграждения, как момента непосредственно общественного труда, утверждению свободы труда в ее развитой форме.

Отмеченным исторически прогрессивным тенденциям противоречат тенденции, обусловленные присутствием в непосредственно общественном труде момента, отрицающего социалистическую природу труда.

Процессы обогащения содержания труда и улучшения его условий могут тормозиться вследствие ориентации предприятий на прибыль. Так, в свое время в статье, опубликованной в газете «Труд», рассказывалось, например, о том, каких колоссальных потерь народному хозяйству стоили ошибки в проекте Рижского завода крупнопанельного домостроения. В проекте была заложена «отсталая и непродуманная техника безопасности... На наших глазах, — писал корр. «Труда» И. Румова, — рабочие, вцепившись руками в края металлической сетки, волокут к месту формовки армокаркас весом до 120 кг. Иначе как вручную протащить его и невозможно. Потому что транспортная магистраль, соединяющая и пересекающая все пролеты предприятия, спроектирована так, что на ней перекрещиваются, сталкиваются между собой технологические потоки и армокаркасов, и панелей, и шахт для лифтов, и сантехкабин, и других деталей будущих домов. Причем зоны проносов конструкций ни в одном пролете не предусмотрено. Мостовые краны перемещают тяжелые панели и другие железобетонные конструкции над головами людей...

Нет в цехе и местной отсосной вентиляции. Ее не поставили, так как проектировщики в свое время заявили: «Это удорожит проект». А в цехе идет дуговая сварка. Вредные аэрозоли от нее, всевозможные окиси проходят через рабочие зоны пролетов, создавая загазованность выше предельных норм...

Вдоль загроможденного металлом и армокаркасами пролета с трудом пробираемся к заготовленному участку, где действует технологическая линия из трех правильно-отрезных станков. Эффективной отсосной вентиляции нет и здесь. И металлическая пыль плотным слоем оседает вокруг...

Во многих документах было зафиксировано несовершенство формовки внутренних стен и перекрытий домов. И тут проектировщики с молчаливого согласия заказчика остановили свой выбор на явно устаревшем оборудовании — виброкассетных машинах. Сама их конструкция не обеспечивает нормального цикла обработки изделий. Обильная утечка пара создает тяжелые условия труда для рабочих.

Не устранено на заводе еще одно большое зло. Весь его главный корпус сотрясает страшный грохот, который создают виброплощадки. А ведь на ряде домостроительных предприятий страны найдены другие, лучшие решения, связанные со снижением шума и вибрации.

Этого достаточно, чтобы понять, как велики были просчеты при составлении проекта нового, казалось бы, современного домостроительного завода, как пагубно отразились они на условиях труда.

Столь же неблагоприятно сказалось это и на экономике молодого предприятия, которое дает продукцию фактически уже два с лишним года. Достаточно сказать, что в прошлом году мощности по выпуску железобетонных конструкций были использованы лишь на четверть. Причем очень велик брак. По самым скромным подсчетам, было забраковано более тысячи кубометров железобетонных изделий. Предприятие понесло более миллиона рублей убытка...

За год с завода ушел каждый третий... Полное освоение проектных мощностей, создание для коллектива завода здоровых условий труда невозможно без коренной перестройки ряда технологических линий и потоков...»¹.

Подобных примеров, свидетельствовавших о существовании тенденции к отрицанию непосредственно общественной природы производства, было предостаточно.

В результате недостаточного развития непосредственно общественной основы производства темпы сокращения ручного труда без применения машин и механизмов с середины 60-х гг. замедлились. Как отмечалось в начале 80-х гг., при подобных темпах «потребовалось

---

¹ Румова Н. Ошибки были в проекте // Труд, 1972, 11 июня.

бы более полувека для полного изживания ручного труда без применения машин в промышленности, и это без учета занятых ручным трудом при машинах и механизмах и трудом по их ремонту и наладке (а часть рабочих, проходящих по этим графам, на деле также занята простым ручным трудом)»¹. О масштабах труда в тяжелых и вредных условиях можно судить по удельному весу промышленных рабочих, получавших повышенные тарифные ставки за работу в таких условиях: на 1 августа 1985 г. этот показатель составлял 42,4% (по РСФСР — 42,8%)².

Тенденция к наращиванию затратных показателей препятствует сокращению продолжительности рабочего времени непосредственных производителей. Показательно, что в обстановке усиления ориентации социалистических предприятий на прибыль, особенно после хозяйственной реформы 1965 г., рабочая неделя в промышленности практически не сокращалась. При таких условиях затрудняется сочетание работниками непроизводственной сферы производительного и непроизводительного труда.

Все это ведет к отрицанию значимости труда как первой жизненной потребности, порождает отчужденное отношение к труду.

Тенденция к сохранению и увеличению продолжительности рабочего времени непосредственных производителей противоречит росту их управленческой активности, что ведет к расширенному воспроизводству деления общества на управленцев и исполнителей. На этой основе усиливается бюрократизм в управлении. Экономика начинает подчиняться интересам, противоречащим свободному развитию каждого, появляются элементы капиталистических производственных отношений («теневой капитал»), а, значит, — и элементы наемного труда.

При усилении интересов, связанных с отрицанием непосредственно общественного производства в нем самом, приоритетной формой использования экономии труда остается не сокращение рабочего времени непосредственных производителей, а увеличение количества занятых в непроизводственной сфере. В частности, в период с 1970 по 1985 г., когда продолжительность рабочей недели в промышленности практически не изменялась, доля занятых в непроизводственных

---

¹ Руткевич М.Н. Становление социальной однородности. — М.: Политиздат, 1982. С. 141.

² Труд в СССР: Статистический сборник. 1988. С. 139.

отраслях поднялась в СССР с 22,8 до 26,7%¹. В этот период выросла продолжительность отпусков рабочих на 3–4 дня. Соответственно, время, высвобожденное из сферы материального производства, по нашим расчетам, использовалось на 70–75% для непропорционального увеличения численности занятости в непроизводственной сфере и лишь на 25–30% для увеличения свободного времени непосредственных производителей. Это означало, что результаты материального производства во все возрастающей мере присваивались теми, кто в нем непосредственно не участвовал, углублялись социально-экономические различия между классами и социальными слоями общества, расширенно воспроизводилось старое разделение труда.

Ориентация на интересы, расходящиеся с общественными, выражается и в замедлении роста общественных фондов потребления, нарушении принципа их распределения в соответствии с потребностями. Ослабевает зависимость зарплаты от трудового вклада работников. Снижение цен как форма повышения благосостояния каждого подменяется тенденцией на повышение денежной зарплаты, что способствует отрыву денежной массы от общего фонда предметов потребления, порождая потребительские дефициты.

Все это подрывает общественную материальную заинтересованность работников в их труде.

Между тем в экономической литературе обоснованно отмечается: «Можно предположить, что если бы не было социального разделения между людьми производительного и непроизводительного труда, то результаты современной научно-технической революции были бы достаточны для того, чтобы не только производить обилие потребительных благ для всех членов общества, но и каждому предоставить достаточно досуга для гармоничного развития личности»².

Очевидно, что действие негативных тенденций ведет к отрицанию свободы труда и реставрации его наемного характера, что и произошло в СССР и большинстве других социалистических стран.

Следует еще раз отметить, что для возникновения подобных тенденций в непосредственно общественном производстве имеются объективные предпосылки в виде его собственных отрицательных моментов, обусловленных выхождением из капитализма. Без таких моментов собственного отрицания новый строй не мог возникнуть в

---

¹ Труд в СССР: Статистический сборник. 1988. С. 13.

² Ельмеев В.Я. Трудовая теория потребительной стоимости — новая парадигма экономической науки. С. 100.

прошлом и не сможет возникнуть в будущем. Характеризовать на этом основании исторический опыт СССР в качестве «мутантного социализма»¹, значило бы впадать в маниловские мечтания о появлении нового общества, никак не связанного со старым. Действительная перспектива возникновения и развития нового общества — не в отсутствии тенденций, отрицающих, уродующих его сущность, а в таком разрешении присущих ему объективных противоречий, которое бы обеспечило приоритет прогрессивных тенденций, ведущих к обеспечению благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества.

Таким образом, развитие свободы труда на собственной основе требует борьбы заинтересованных общественных сил, прежде всего, рабочего класса, социально-экономически закрепленного за выполнением производительного труда, за разрешение противоречия между свободой труда и отрицательным моментом, производным от наемного труда. В этом противоречии свобода труда, как соответствующая сущности непосредственно общественного производства, имеет потенциальный перевес, который должен быть реализован активными, организованными действиями созидательных общественных сил.

Поскольку разрешение отмеченного противоречия по линии позитивной тенденции означает прогресс в обеспечении полного благосостояния и свободного всестороннего развития каждого, то в результате формируются все более благоприятные предпосылки для успешного развертывания этой борьбы в дальнейшем, отрицается социально-экономическая предпосылка для противодействия развитию свободы труда. В конечном итоге момент наемного характера труда полностью изживается, свобода труда предстает в ее развитой форме.

---

¹ См.: Бугалин А. Мутантный капитализм как продукт полураспада мутантного социализма // Вопросы экономики, 2000, № 6.

Производительный труд в современной России

Из рассмотрения исторической эволюции производительного труда следует, что в условиях непосредственно общественного производства объективно возможно действие тенденций, ведущих, при недостаточной активности созидательных общественных сил, к его отрицанию и соответственно — к реставрации наемного характера труда. Именно это и произошло в России на рубеже 80–90-х гг. XX-го века.

Приходится отметить, что очень многие отечественные авторы склонны подменять научно определенную характеристику существующей российской экономики как капиталистической менее определенным переводным термином «рыночная экономика». Иные отказывают ей даже в рыночном характере. Подобную позицию можно объяснить, наверно, их несбывшимися упованиями на экономическое процветание страны после замены непосредственно общественного производства капиталистическим. И все же капиталистическая сущность нынешнего экономического строя несомненна: частно-капиталистическая собственность господствует, товарное производство существует в той его форме, когда и рабочая сила выступает товаром.

Капитализм предполагает отделение работников от собственности на средства производства, обуславливающее наемный характер труда. Если в начале приватизации — имели распространение иллюзии о приближении рабочих к собственности на средства производства в результате наделения их акциями, то к настоящему времени миф о «работнике-собственнике» при капитализме в России практически растаял. Те количества акций, которыми еще располагают рабочие, как и во всем мире, не дают им возможность жить на доход от частной собственности. Основным источником средств существования для рабочих является плата за наем их рабочей силы. Это и свидетельствует о реставрации наемного характера труда в российском производстве. Как же это конкретно отразилось на производительном труде?

Прежде всего, необходимо отметить кризисное падение общего объема производительного труда, затрачиваемого в народном хозяйстве. Так, отработанное время в промышленности России уменьшилось с

43,1 млрд. человеко-часов в 1989 г. до 22,0 в 1998 г.¹ Принципиально, что сокращение рабочего времени общества было не закономерным следствием НТП, (часовая производительность в промышленности в 1998 г. составляла 92,1% от уровня 1989 г.²), а результатом глубокого спада общественного производства. Поэтому оно вело к снижению уровня удовлетворения общественных потребностей в средствах производства и предметах потребления и не означало экономии труда.

С реставрацией капитализма в России объем капиталовложений в производство сократился еще значительно, чем объем выпуска, следовательно, резко замедлилось обновление техники. При таких обстоятельствах затормозились процессы обогащения содержания труда, избавления его от монотонности, сокращения ручного труда; условия труда в целом ухудшаются. Если в 1990 г. число пострадавших от профессиональных заболеваний и отравлений составило 11525 человек, или 19,6 на 10 тысяч работающих, то в 1996 г. — 13273, или 23,3 на 10 тысяч работающих³. В стране резко сократились масштабы профессиональной подготовки и переподготовки рабочих кадров, повышения их квалификации.

Снижение объема рабочего времени в народном хозяйстве означало появление массовой безработицы, зачастую маскируемой формальным сохранением отношений найма рабочей силы. Фактически безработное и полузанятое население для обеспечения себя жизненными средствами вынуждено увеличить время труда в домашнем и подсобном хозяйстве. Число занятых производством товаров и услуг на продажу в домашнем хозяйстве составило к концу 90-х гг. 2,3 млн. человек⁴. К этому можно приплюсовать десятки миллионов людей, производящих на своих участках продукты для собственного потребления (в 1994 г. 58% населения России имели в своем распоряжении земельные участки)⁵. Показательно, что в 1999 г. доля потребления продуктов и услуг в натуральной форме (то есть не приобретаемых за деньги) составляла

---

¹ Обзор занятости в России. Вып. 1 (1991–2000 гг.). — С. 243.

² Рассчитано по данным, приведенным в: Обзор занятости в России. Вып. 1 (1991–2000 гг.). — С. 243.

³ См.: Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. Год 1998 / Под общей ред. проф. Ю.Е.Федорова. М.: Права человека, 1999. С. 51.

⁴ Обзор занятости в России. Вып.1(1991-2000гг.). — С. 243.

⁵ См.: Демографический ежегодник России. М.: Госкомстат России, 1995. С. 300.

около 10% конечного потребления домашних хозяйств¹. Но даже остающееся вне рабочее время при недостаточной материальной обеспеченности человека утрачивает определение свободного.

Вместе с тем рабочих, занятых полное время, активно привлекают к сверхурочным работам. Так, по усредненным данным, в 1999 г. более 40 часов в неделю работали: 10,8% квалифицированных рабочих промышленности; 19,4% операторов, аппаратчиков, машинистов; 16,2% неквалифицированных рабочих². В итоге объем свободного времени, которым располагают российские рабочие, в процессе реставрации капитализма сократился, что противоречит формированию предпосылок всестороннего развития человека, разворачиванию перемены и сочетания труда в деятельности непосредственных производителей.

Реставрация капиталистических отношений означала монополизацию экономической власти в руках частных собственников предприятий. Управление стало подчиняться интересам, в основе своей противоположным интересам наемных работников. Это привело к сужению управленческих функций рабочих, к упразднению ряда форм участия в управлении (советов бригадиров, производственных совещаний и т.д.), к сокращению времени, уделяемого работниками участию в управлении. И в отмеченном аспекте утвердился приоритет закона разделения труда над объективной потребностью перемены и сочетания труда в современном производстве.

Массовый характер приобрели нарушения трудовых прав работников, миллионы рабочих вынуждены трудиться без своевременной и полной оплаты своего труда. Подобные проявления принудительного труда стали дополнением к реставрации господства наемного труда.

Замедление НТП в общественном производстве обусловило сокращение времени, высвобождаемого из сферы материального производства для непромышленной деятельности, ухудшение материальной обеспеченности последней. Это привело к кризису финансируемых государством сфер образования, науки, здравоохранения, культуры и искусства. Показательно, что количество занятых в российской науке сократилось с 2804 тыс. в 1990 г. до 1201 тыс. в 2000 г., в образовании - с 6066 тыс. до 5871 тыс.³ И хотя доля

---

¹ См.: Обзор занятости в России. Вып. 1 (1991–2000 гг.). — С. 254.

² Там же. С. 193.

³ См.: Обзор занятости в России. Вып. 1 (1991–2000 гг.). С. 72.

занятых в сфере услуг возросла с 44,7% в 1991 г. до 56,0% в 2000 г.¹, однако, справедливо отмечается, что этот рост «в большей степени был связан с коллапсом спроса на труд в промышленности и строительстве, чем с абсолютным ростом в секторе услуг»².

Параллельно с уменьшением государственного финансирования непроизводственной сферы развертывалась коммерциализация ее услуг. В результате она в решающей степени ориентируется на платежеспособные потребности, а не на создание и реализацию предпосылок для свободного развития всех членов общества.

Процессы накопления капитала были во многом осуществлены за счет резкого понижения реального содержания зарплаты рабочих: известно, что рост потребительских цен в 90-е гг. обгонял рост денежной зарплаты. Сокращение социальных льгот и гарантий также ведет к ухудшению положения рабочего класса.

Одновременно увеличился в пользу управленцев, работников кредитно-финансовых организаций и т.д. разрыв в их зарплатах и зарплатах рабочих (не говоря уже о появлении в стране обладателей миллиардных и миллионных состояний). В отличие от социалистического периода неблагоприятные для работников стороны производительного труда в целом перестали компенсироваться в современной российской экономике повышенным уровнем зарплаты. Инфляция, способствуя увеличению прибыли частных собственников средств производства, стала постоянным фактором понижения реального содержания зарплаты наемных работников. Об общественном признании производительного труда в обществе, которому в качестве героя преподносится фигура предпринимателя, говорить не приходится.

Неудивительно, что все большая часть молодежи в последние годы устремляется в вузы: при существующем социальном разделении труда это дает возможность избежать профессиональной занятости в качестве рабочих. Если на начало 1990/1991 учебного года количество студентов дневных отделений вузов составляло в России 1648 тыс. человек, то на начало 1999/2000 — 2352,8 тыс.³ В 2005 г. российские вузы приняли на первый курс 1400 тыс. студентов, что было на 15 тыс. больше общего

---

¹ Там же. С. 74.

² Обзор занятости в России. Вып. 1 (1991–2000 гг.). С. 83.

³ См.: Социальное положение и уровень жизни населения России. М.: Госкомстат России, 2000. С. 374, 376, 378.

числа школьников, окончивших 11 классов¹. Правда, процент молодежи, получившей среднее образование и право на поступление в вузы – сокращается.

Сам по себе рост образовательного уровня населения представляет собой исторически прогрессивную тенденцию, но в условиях расширенного воспроизводства общественного разделения труда резко сокращается приток молодежи в рабочий класс, производительный труд в стране все более становится уделом рабочих старшего поколения.

Доля рабочих в численности занятых в народном хозяйстве сократилась с более чем 60% в 80-е гг. до 44,8% в 2000 г., одновременно упала и численность рабочего класса: с 46 млн в середине 80-х гг. до 29 млн в 2000 г. Существенно поредели ряды рабочих в промышленности, где общая занятость уменьшилась с 1990 г. по 2000 г. на 8266 тыс. человек². Соответственно, наряду с ослаблением притока молодежи в сферу материального производства снизилось и количество рабочих старших возрастных групп.

В перспективе, при сложившемся уровне общественной производительности труда подобная ситуация чревата невозможностью обеспечивать общественные потребности силами российского рабочего класса. Разумеется, при активном использовании достижений НТП для обновления основных фондов в народном хозяйстве острота проблемы, безусловно, снижалась бы. Однако, во-первых, процесс старения основных фондов в целом продолжается и в период нынешнего экономического оживления, а, во-вторых, рабочие, хотя и в меньшем количестве, необходимы для использования даже самой передовой техники.

В качестве решения проблемы нередко предлагается увеличение верхней границы трудоспособного возраста. При этом не учитывается низкая продолжительность жизни мужчин в России, образующих основную массу промышленных рабочих.

Привлечение же в крупных масштабах иностранной рабочей силы породит множество острых социально-экономических и политических проблем. Высококвалифицированные рабочие кадры даже при значительном увеличении наших зарплат в Россию не придут. Поэтому ставка на привлечение иностранной рабочей силы — это ставка на снижение квалификационного уровня рабочих. Она противоречит

---

¹ См.: Мацкявичене М. Криогенщика не встречали?// Труд, 9 сентября 2005 года. С. 3.

² См.: Обзор занятости в России. Вып. 1 (1991–2000 гг.). — С. 72.

требованиям развития отечественного производства на основе НТП, грозит утратой еще имеющихся в стране наукоемких производств с использованием высоких технологий.

Можно встретить точку зрения, что основой экономического подъема России должно стать не возрождение сферы материального производства, а инвестиции в «экономику знаний». При таком подходе проблема сокращения объема производительного труда, углубления разрыва в поколениях рабочих как будто бы утрачивает свою значимость, создается иллюзия возможности экономического и в целом социального процветания страны без решения острейших проблем воспроизводства рабочего класса.

В действительности же при стагнации материального производства оскудевают источники для прогресса сферы образования и науки, становятся невостребованными достижения науки и техники. При игнорировании потребностей развития непосредственных производителей потенциал поступающей в производство новой техники остается нереализованным.

Предлагаемый подчас выход — в переориентации отечественной науки на запросы иностранных производителей, как это в значительных масштабах происходит в экономически развитых странах. Однако не следует забывать, что для этих стран «иностранцы производители» — зачастую филиалы их же собственных транснациональных компаний, контролирующих тем самым все этапы научно-производственного цикла. Наивно рассчитывать, что отечественные наука и образование могут развиваться как сферы российского общества за счет иностранного производства, подконтрольного зарубежным транснациональным компаниям. В действительности, только обеспечив подъем отечественного производства и его эффективную структуру, можно создать надежные предпосылки для прогресса науки и образования. А подъем отечественного производства — это, прежде всего, прогресс в развитии российского рабочего как основной производительной силы российского общества.

Сказанное выше свидетельствует о том, что прехождение непосредственно общественного, свободного труда, даже в его неразвитой форме, означающее реставрацию наемного труда в России, привело ко многим негативным последствиям в сфере производительного труда и грозит таким его состоянием, при котором он будет неспособен обеспечивать жизнь российского общества. Это объективно придает крайнюю насущность проблеме возрождения и

реализации потенциала производительного труда в нашей стране. А поскольку Россия остается индустриально развитой страной, такой потенциал у нее существует.

Во многом сохранилось российское машиностроение как ключевая отрасль для переоснащения отечественного производства на передовой технической основе и роста производительности труда. Масштабная валютная выручка от экспорта сырья, при соответствующем ее использовании, позволила бы обеспечить импорт передовой техники и технологии для расширения масштабов модернизации материального производства. Следовательно, возможно осуществлять обогащение содержания производительного труда и улучшение его условий.

В стране имеются предпосылки для восстановления системы профессиональной подготовки и переподготовки рабочих. Пока значителен костяк квалифицированных рабочих кадров, способных передать свой опыт молодым рабочим.

В ряде профсоюзных организаций (Федеральном профсоюзе авиадиспетчеров, Российском профсоюзе докеров, межрегиональном объединении рабочих профсоюзов «Защита труда» и т.д.) профсоюзная работа организована таким образом, что предполагает регулярное и активное участие работников в решении социально-экономических вопросов, так что обеспечивается сочетание производительно и управленческого труда в их деятельности. Эта прогрессивная практика может и должна быть освоена и другими профсоюзными организациями.

В Российском профсоюзе докеров получен опыт коллективных действий по отказу работников от систематического использования сверхурочных работ и работ в выходные дни, который позволил добиться повышения заработка без подрыва жизненных сил рабочих. Тем самым проявляется тенденция к сокращению рабочего времени в соответствии с интересами работников.

Экономическое оживление последних лет означает рост массы свободного времени общества, что создает предпосылки для восстановления нематериальной сферы. Такое восстановление позитивно отразится и на самой материальной сфере.

При активной позиции профсоюзных организаций работникам удастся добиваться повышения реального содержания зарплаты. В Российском профсоюзе докеров получен первый в стране опыт заключения коллективных договоров, предусматривающих не только индексацию зарплаты, но и увеличение ее реального содержания с учетом роста

производительности труда. Это улучшает социально-экономическое положение занятых и создает предпосылки для притока на предприятия молодых рабочих.

В стране приостановлен процесс сокращения социальных льгот и гарантий в связи с их монетизацией.

Таким образом, в России проявляются и позитивные тенденции в сфере производительного труда. Беда только в том, что они не получили пока перевеса над негативными, так что кризис сферы производительного труда, протекавший в 90-е гг., остается непреодоленным.

Возникает вопрос: какая общественная сила призвана обеспечить перевес позитивных тенденций в сфере производительного труда над негативными? Казалось бы, в обществе, в котором производительные силы труда принимают превращенную форму производительных сил капитала, именно класс предпринимателей более всех заинтересован в подъеме материального производства. И такая заинтересованность, безусловно, проявляется: можно привести примеры закупки и установки новой техники на российских предприятиях, выпуска конкурентоспособной продукции.

Однако, как обосновывалось в главе VI, интересы капиталистов не во всем совпадают с интересами общественного развития. Так, рекордное увеличение валютной выручки от роста мировых цен на нефть отнюдь не мешает российским нефтяным компаниям поднимать цены на свою продукцию для российского рынка, ставя в тяжелое положение многие отечественные промышленные, транспортные и сельскохозяйственные предприятия. Несмотря на острую необходимость увеличения капиталовложений в обновление материально-технической базы общественного производства, повышения реальных доходов трудящихся, продолжается измеряемый сотнями миллиардов рублей вывоз частного капитала за рубеж, миллиарды тратятся на наем зарубежных спортивных «звезд» и т.д. Примеров подобного игнорирования интересов общественного развития великое множество. Поэтому не приходится рассчитывать на то, что подъем материального производства будет обеспечен единственно за счет заинтересованности в этом класса капиталистов. Следует обратить внимание на рабочий класс — ту и поныне относительно преобладающую часть российского общества, которая занята производительным трудом и кровно заинтересована в развитии отечественного производства.

В улучшении условий труда и обогащении его содержания непосредственно и больше всего заинтересованы сами рабочие. С помощью профсоюзов, организованно выставляя соответствующие требования для включения в коллективные договоры и соглашения, непосредственные производители стимулируют использование прибыли для капиталовложений в материальное производство.

Отстаивая гарантии занятости, рабочие способствуют интенсивному поиску предпринимателями заказов, выпуску новой, конкурентоспособной продукции.

Добиваясь соблюдения норм трудового законодательства в области режимов труда и отдыха, рабочие ставят капиталистов перед необходимостью увеличивать прибыль не за счет подрыва жизненных сил работников, а за счет внедрения новой техники, совершенствования организации производства.

Борясь за увеличение реального содержания зарплаты, рабочие обеспечивают нормальное воспроизводство своей рабочей силы, выступающей источником прибавочной стоимости, обеспечивают стимулы для высокопроизводительного труда, расширяют платежеспособный спрос на отечественные товары.

Чем шире размах коллективных действий работников, тем больший круг предпринимателей вынужден считаться с требованиями развития общественного производства. При таких условиях государство начинает выступать с позиций воспроизводства национального капитала в целом, умеряя узкоэгоистические устремления отдельных финансовых групп, компаний и т.д.

Таким образом, развитие материального производства и в его капиталистической форме осуществимо при условии активной, организованной профсоюзами борьбы рабочего класса за свои интересы. Это обусловлено тем, что именно интересы данного класса совпадают с интересами общественного развития, тогда как интересы «новых хозяев» производства зачастую далеки от такого совпадения.

К чести российского рабочего класса, он после своего тяжелого поражения сумел выдвинуть выдающихся рабочих-организаторов борьбы за права и интересы рабочего класса. Рабочему движению России хорошо известен токарь-расточник завода «Красное Сормово» Дмитрий Васильевич Игошин, являвшийся сопредседателем Российского комитета рабочих с 1994 по 2004 г. После его кончины дело организации рабочего профсоюзного движения продолжают его соратники — сопредседатели Российского комитета рабочих:

регулирующий радиоаппаратуру Нижегородского завода «Электромаш» Владимир Михайлович Кудрявцев, докер-механизатор морского порта Санкт-Петербурга Александр Иванович Харланов, наладчик АМО «ЗИЛ» Василий Иванович Шишкарев. Эти люди, обладая высокой квалификацией в своей рабочей профессии, совмещают ее с ответственной профсоюзной работой, став настоящими профессионалами в деле управления рабочими организациями в российском масштабе. Круг таких рабочих, успешно совмещающих основную производственную деятельность с активной профсоюзной работой, постепенно расширяется, что крайне важно для повышения эффективности профсоюзной работы и предотвращения бюрократического отрыва руководящих профсоюзных органов от основной массы членов профсоюзов.

В ходе становления и развития российских рабочих профсоюзов в последнее пятнадцатилетие появились талантливые профсоюзные работники, имеющие замечательную рабочую биографию, преданные интересам рабочего класса и умеющие создать условия для роста управленческой активности рабочих коллективов в целом. В этой профсоюзной плеяде, прежде всего, работники Российского профсоюза докеров: Александр Николаевич Моисеенко, Владимир Александрович Петров, Александр Иванович Саржин, Евгений Петрович Тимофеев, Константин Васильевич Федотов, Станислав Алексеевич Фомичев и другие.

В организации и деятельности рабочих профсоюзов значительна роль тех интеллигентов, которые, став освобожденными профсоюзными работниками, отдают свои силы служению интересам рабочего класса. Так, в межрегиональном объединении рабочих профсоюзов «Защита труда» пользовались заслуженным авторитетом Виктор Григорьевич Гамов, Виктор Михайлович Петров.

В соответствии с наличием общих интересов у наемных работников развитие профсоюзного движения предполагает единство действий профсоюзных организаций работников материальной и нематериальной сферы. Надо отметить, что в России уже имеются активно действующие профсоюзные организации, объединяющие работников, занятых особо значимыми видами непродовольственного труда, в их числе, прежде всего: Федеральный профсоюз авиадиспетчеров и ПАРРИС. И это направление профсоюзного движения выдвинуло талантливых организаторов: Сергея Анатольевича Ковалева, Руслана Валерьевича

Мирошниченко, Николая Борисовича Плотникова, Алексея Юрьевича Южакова.

Создание в 2004 г. Федерации профсоюзов России позволило организационно оформить растущее единство реально действующих профсоюзов работников производительного и непроизводительного труда, что способствует активизации борьбы наемных работников за свои общие интересы, требующие возрождения и развития российского производства и российского общества в целом.

Чем шире будет размах коллективных действий российского рабочего класса, поддержанного другими отрядами наемных работников, тем полнее будут осуществляться предпосылки обеспечения полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества.

Оглавление

Предисловие.....	3
Глава I. Основная посылка исторического материализма и ее методологическое значение	6
Глава II. Понятие производительного труда как средство отделять производство материальных благ от производства услуг и идей.....	13
2.1. Исторический материализм и учение о производительном труде.....	13
2.2. Несостоятельность расширительных трактовок производительного труда и их социальное значение	24
Глава III. Примат производства и трудовая теория стоимости.....	45
3.1. О «новом» определении общественно необходимых затрат труда.....	46
3.2. Трудовая теория стоимости и разработка ее математического аппарата.....	61
3.3. «Открытие» информационной природы труда.....	69
Глава IV. Характеристика производительного труда в трудовой теории потребительной стоимости	75
4.1. Субстанциональная роль производительного труда в непосредственно общественном производстве.....	75
4.2. Реализация экономии производительного труда.....	82
Глава V. Материальная и нематериальная сферы	94
5.1. Соотношение материальной и нематериальной сферы... ..	94
5.2. Наука и производство. Определяющая роль производства по отношению к науке	99
5.3. Наука как всеобщая общественная производительная сила	103
5.4. Сращивание науки и производства	108
Глава VI. Исторический прогресс производительного труда	114
6.1. Эволюция производительного труда в доиндустриальный период.....	114
	165

6.2. Наемный характер производительного труда при капитализме.....	122
6.3. Производительный труд в период перехода к непосредственно общественному производству.....	134
6.4. Производительный труд в период развития непосредственно общественного производства на собственной основе.....	144
Глава VII. Производительный труд в современной России.....	154

Александр Владимирович Золотов
Михаил Васильевич Попов

ФИЛОСОФИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОГО ТРУДА

Монография

Формат 60×84 ¹/₁₆.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.

Усл. печ. л. 9,3. Уч.-изд. л. 10,8

Заказ № 1684. Тираж 600 экз.

Издательство Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского
603950, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23

Отпечатано в типографии Нижегородского государственного университета
им. Н.И. Лобачевского
603000, г. Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, 37
Лицензия ПД № 18-0099 от 14.05.01.